

**АЛЕКСАНДР
ЗАВАДКИН**

**РЫВОК В
НЕИЗВЕСТНОСТЬ**

2017

...На деревню опускались сумерки, характерные блики на экране — прощание заходящего солнца, чьи последние лучи захватил в свой равнодушный плен объектив камеры. Вместе с заходящим солнцем, заканчивают свою работу и люди. Худые, черные лица озаряются белозубыми улыбками, всюду слышится веселый смех. Да и к чему унывать? Работа закончена, начинается праздник. Со всех концов, в центр деревни стаскивают дрова и начинают разжигать костер, подбрасывая топливо до тех пор, пока языки пламени не достигают высоты в половину человеческого роста. Эти люди умеют быть благодарными. Они провожают солнце и будут рады его возвращению...

Завадкин Александр Игоревич

Рывок в неизвестность

На деревню опускались сумерки, характерные блики на экране — прощание заходящего солнца, чьи последние лучи захватил в свой равнодушный плен объектив камеры.

Вместе с заходящим солнцем, заканчивают свою работу и люди. Худые, черные лица озаряются белозубыми улыбками, всюду слышится веселый смех. Да и к чему унывать? Работа закончена, начинается праздник. Со всех концов, в центр деревни стаскивают дрова и начинают разжигать костер, подбрасывая топливо до тех пор, пока языки пламени не достигают высоты в половину человеческого роста. Эти люди умеют быть благодарными. Они провожают солнце и будут рады его возвращению.

Камера равнодушно фиксирует появление все новых людей. Они очень разные — одни одеты лишь в штаны или вовсе набедренные повязки, другие щеголяют разномастной полувоенной формой, а также оружием, которое стараются держать под рукой. Объединяет их всех радость и желание принять участие в грядущем веселье, которое начинается с завываний местного шамана:

"Ун-на Ахте-ре-цом!" — кричит раскрашенный ритуальными узорами старик.

"Ун-на Ахте-ре-цом!" — вторит ему толпа.

"Ун-на Ахте-ре-цом!" — мягко запевают молодые девы, с ритуальной раскраской вместо одежды, и вступают в круг, где начинают танец. Под нарастающий бой барабанов в круг вступают молодые охотники племени и, на ходу разбирая партнерш, вступают в танец.

"Ун-на Ахте-ре-цом!" — вопит разгоряченная толпа, в то время как шаман окончательно ушел в мир духов и принялся завывать на высокой ноте.

Кадры быстро меняются. Оператор стремится охватить происходящее целиком.

Мелькающие в отблесках костра радостные лица, красота узоров на обнаженных телах, простой, но завораживающий ритм барабанов. Первобытная красота, которая неожиданным образом прерывается.

Встревоженные крики с окраины деревни врываются в, созданный людьми, уголок радости и возвращают их в реальность. Оператор растерянно переводит объектив в сторону источника криков, которые вскоре сменяются выстрелами.

Люди перед костром мгновенно преображаются. Те, что в форме, метаются в поисках брошенного на земле оружия, остальные расхватывают палки, самодельные копья и даже пылающие поленья из костра, а затем группируются вокруг, сгрудившихся в стадо, женщин и детей.

"Нуу-а-нни! Нуу-а-нни!" — кричит чернокожий мальчишка лет двенадцати, дергая оператора за рукав. Его лицо попало в кадр лишь мельком, но зато объектив камеры замер на руке с ножом. Оператор знает, что по местным меркам тот уже воин и что он очень напуган. Объектив камеры хаотично мечется по деревне, выхватывая лишь небольшие куски происходящего.

"Нуу-а-нни! Нуу-а-нни!" — продолжает кричать мальчишка, пытаясь оттянуть оператора к остальным, но тот растерян и ничего не понимает.

Внезапно воздух пронзают дикие, нечеловеческие визги. Трудно различимые в темноте тени выскакивают с разных сторон и кидаются к толпе. Вооруженные огнестрельным

оружием люди открывают суматошный огонь, не заботясь о сохранности хлипких стен тростниковых бунгало. Мелькают вспышки, гремят автоматные очереди.

Дрожащая, в такт рукам оператора, картинка показывает зрителю весь творящийся хаос.

Внезапно что-то мелькает прямо перед объективом камеры. Следующим кадром зритель видит человека, с отчаянием ухватившегося за палку, заостренный конец которой с силой вошел ему в грудь. Оператор заморожен, открывшейся ему картиной, видом человеческой смерти. Он наблюдает за тем, как жизнь уходит из человеческих глаз. И даже когда это происходит, оператор не в силах отвести объектив в сторону.

Внезапное движение в кадре выводит оператора из оцепенения и все внимание концентрируется на мальчишке, который, подхватив автомат убитого, с воинственным криком, дал очередь куда-то в темноту, а затем побежал в сторону окраины деревни.

Оператор последовал за ним. В кадре практически ничего не видно. Лишь какие-то тени, непонятные силуэта, да вспышки автоматных очередей. Но зато звуков было предостаточно. Крики, стоны, воинственные и жалобные визги смешались в своеобразную симфонию хаоса. Оператор не обращает на это внимания. Удаляясь от места сражения, он направляется к, привлечшему его внимание, источнику света.

Несколько воинов, укрывшись за бунгало, палили по только им известным целям. Еще один полулежал, опиравшись спиной на стенку жилища, другой, в свете фонарика, обрабатывал ему рану на левой ноге. Рядом с ними лежала окровавленная заостренная палка — орудие, нанесшее рану, а также тот, кто ее нанес. Невысокая, чуть выше полутора метров фигура... примата? Да, наверное, примата. Густая шерсть, покрывавшая все тело, синяя морда и крупные клыки были лишь самыми примечательными деталями, которые удалось рассмотреть.

Тем временем, стрельба и крики начали стихать. Один из воинов, отметив интерес оператора, равнодушно произнес, кивая на труп:

— Нуу-а-нни.

"Вы только представьте — от трех до пяти тысяч переселенцев в год прилетают на нашу планету. Не впечатлены? Я тоже. Но в отличие от вас, дамы и господа я снова и снова спрашиваю себя: "Почему метрополия из года в год отправляет сюда людей, если это экономически неоправданно"? Ответ прост, дамы и господа. История повторяется. Словно в семнадцатом веке, государства метрополии избавляются от неудобных, ссылая их в колонии... Однако, хочу вам напомнить, что именно из колоний, когда-то образовались..."

"Политическое обозрение", выпуск N 217

Лысоватый мужчина лет пятидесяти с небольшим пристально рассматривал своего будущего собеседника, который, в свою очередь, столь же пристально изучал его. Справедливости ради, стоит отметить, что какой-то необходимости в этом не было. Ни тот, ни другой не испытывали друг к другу ни ненависти, ни симпатии, ни каких-либо иных чувств, что, впрочем, лучше всего характеризовало, связывавшие их профессиональные отношения. Причина, побудившая обоих, к изучению собеседника имела, в основе своей, культурный характер, а проще говоря — с определенного момента виртуализация рабочего пространства привела к тому, что в рабочих кабинетах было банально не за что зацепиться взглядом и, таким образом, время от времени покидавшие виртуальную реальность, люди невольно тянулись к наиболее "реальной" части окружающего пространства, а именно друг к другу. Конечно, всегда имелась возможность украсить кабинет всевозможными безделушками, статусными предметами и тому подобным, но в данном случае подобное украшательство вступало в конфликт с привычками Готлиба Майера, хозяина кабинета и, по совместительству, начальника Андрей Вортова, который в это время ерзал на стуле и, время от времени, поглядывал на начальственный монитор толщиной с ноготь, пытаясь уловить настрой шефа.

— Неплохо, — сухо прокомментировал Майер. — Графику Энрике делал? Можешь передать ему, что я восхищен.

Андрей с сомнением посмотрел на шефа, в очередной раз не в силах отличить сарказм от искреннего одобрения. Безэмоциональный голос Майера одинаково хорошо скрывал любые чувства.

— Так значит... — начал было Андрей, но был сразу же прерван:

— Нет, — отрезал Готлиб — Ничего это не значит. Программа закрывается, а тебе могу лишь предложить поработать на ниве светской хроники.

— Кажется, я не совсем понимаю, — в одно предложение выразил свое отношение к разговору Вортов.

— Вот! — Майер назидательно поднял палец вверх, что в сочетании с невыразительной, практически отсутствовавшей, мимикой, выглядело абсолютно неестественно, — В этом и заключается твоя главная проблема.

Готлиб снял и положил на стол очки с толстыми, почти сантиметровыми линзами, основной особенностью которых была невероятно сложная структура стекла, позволявшая человеку с идеальным зрением носить данный аксессуар "под двадцатый век" без всяких

негативных последствий для глаз.

— Андрей, скажу тебе честно, — глядя подчиненному в глаза, продолжал Готлиб — если бы не Инга, этого разговора бы не было. Она всегда умела веревки из меня вить... Но, что есть, то есть и сейчас вместо того, чтобы по-тихому распрощаться я делаю тебе предложение. Но, как видно, жизненных уроков ты не извлекаешь, а все также упорно продолжаешь... как там было по-русски... а, танцевать на граблях.

— Позволю себе не согласиться, Готлиб, — хмуро ответил Андрей, — Материал был стоящий. И то, что Эдем подал на нас в суд за один лишь анонс в моем виртуальном блоге тому подтверждение. Это была бомба!

— Которую ты, не раздумывая, швырнул в пруд с дерьмом, обляпав себя и всех окружающих, — Майер заметно повысил голос, в котором, однако, все также нельзя было уловить ни малейшего проблеска эмоций.

Выпускающий редактор провел ладонью по поверхности стола и, пару секунд спустя, в одном из ящичков появился серый пластиковый стаканчик с такого же цвета порошком на дне. Готлиб немедленно потянулся к кулеру с водой, давая тем самым время им обоим. Себе, чтобы немного остыть. Андрею, чтобы осознать — ситуация гораздо хуже, чем ему казалось.

В этот момент ощущение того, что он не вписывается, как-то по-особому дополнило его восприятие и позволило понять то, что Готлиб еще только собирался разъяснить — Андрей уже не был своим. И теперь, когда все начало ставать на свои места, казавшиеся ранее незначительными детали, стали волновать Андрея все сильнее.

Теперь ему уже не казался забавным тот факт, что он сидел в куртке-штормовке перед разодетым по последней моде начальником, ведь каждая мелочь — начиная от легкой небритости и заканчивая запыленными берцами, подчеркивала различия между двумя людьми, причем не столько в стиле, сколько в миропонимании и отношении к жизни.

"Кажется, я ненароком зазвездился", — подумалось Андрею, который молча ждал продолжения, которое вскоре последовало.

— Ты знаешь, в чем заключается твоя работа? — весьма неожиданно спросил Майер, а затем, не давая времени на ответ, продолжил: — Если отбросить словесную шелуху, то тебе платят за то, чтобы ты находил для канала интересные истории, за которые зритель не пожалел бы денег. И с этим у тебя проблем нет. Еще раз. Твоя задача найти историю и донести ее до зрителя, а не вляпаться в нее по уши.

Готлиб замолчал, а затем, глядя Андрею в глаза, едва ли не по слогам произнес:

— Канал. Потерял. Деньги. Фармацевтические компании разорвали все контракты. А еще, неофициально, руководству дали понять, что новых заказов на размещение рекламы нам не видать еще очень и очень долго. Хвала небесам, удалось избежать судебных издержек. Теперь ты осознаешь всю серьезность ситуации?

В ожидании ответа, Майер откинулся на спинку кресла и сделал пару глотков из стаканчика с кофе.

— Я ценю то, что вы для меня сделали Готлиб... — растерянно ответил Андрей, прокручивая в голове полученную информацию. — Мне действительно казалось, что тема с генно-модифицированными наркотиками покажется зрителю...

— Благодарю мою дочь, — сухо отозвался Майер. — Кроме того, я верю, что ты еще можешь принести пользу каналу. Разбрасываться ресурсами было бы... не рационально. Но это мое личное мнение, которое я и озвучил руководству. И хотя мое мнение кое-что значит, директору нужны более убедительные аргументы. Инга сказала мне, что ты готовишь какой-

то фантастический материал. Так вот — самое время предъявить его, и я искренне надеюсь, что это не то, что ты мне только что показал. В противном случае, твое увольнение — вопрос решенный.

Андрей, стараясь не ерзать под пристальным взглядом шефа, потянулся к правому карману куртки и, отцепив накладку с самим карманом, достал из другого, скрытого, круглый электронный носитель информации размером с подушечку большого пальца. Затем он изъясил из другого внутреннего кармана планшет, в который и поместил носитель.

Спустя пару минут Готлиб Майер просматривал видеоролик и часто-часто моргал.

Именно так выглядела высшая степень изумления в исполнении этого стоически бесстрастного человека.

Два часа спустя Андрей оживленно пересказывал произошедшее своему другу Максиму Раевскому, который, как и он был участником группы "14 марта", ежегодное собрание которой традиционно проходило в баре "Цепь", находившемся на четвертом уровне Вавилона, самого крупнейшего вольного города планеты, являвшегося, по совместительству, полуофициальной столицей.

— Зета Ковальски? Та самая? — изумленно шептал Максим, стараясь не привлекать внимания главы оргкомитета, выступавшего в это время с возвышения подиума, на котором, в иное время, выступали музыканты.

— Да, она. Майер был в шоке. Он, разумеется, ничего не сказал, но понять было не трудно, — ответил Андрей, не отрывая глаз от стопки текилы. — Конечно, голая знаменитость в душе не бог весть что, но отправитель писал, что это лишь верхушка айсберга. Самое сочное видео он обещал передать при личной встрече за пятьдесят тысяч амеров.

— Поздравляю. Это однозначный успех! — Раевский хлопнул Андрея по плечу и тут же спросил — А могу я...

— Нет, — тут же прервал его Андрей, — Ситуация сложная, Майер сказал никаких утечек на сторону. Ты уж извини, не хочу рисковать.

— Понимаю, — кивнул Максим. И он действительно понимал. Вернее, они понимали друг друга с самого первого дня их знакомства. Более того. Несмотря на полное отсутствие внешнего сходства — худощавый Андрей, с гривой каштановых волос, обрамлявших узкое и почти всегда небритое лицо с глубоко посаженными серо-голубыми глазами и тонким, слегка искривленным, носом и полноватый, смуглый Максим с коротко стриженными темными волосами и вечной лукавой ухмылкой; их манера держать себя на людях давала многим повод задавать вопросы о возможно родстве двух друзей.

Между тем, на подиуме сменялись ораторы, а вместе с ними и речи, призывы, обличения и прочая словесная чепуха, весь смысл которой сводился к приданию смысла политической акции, из-за которой три десятка присутствовавших фактически лишились родины.

Оценив уровень "фоновый шум" и опрокинув в себя очередную стопку с алкоголем, Максим спросил:

— Так ты ее трахнул тогда?

Легкие аплодисменты из зала предотвратили возникновение неловкой паузы, а последовавшие за ними притворно восторженные реплики, звон стекла и негромкие тосты позволили Андрею собраться с мыслями и ровным тоном ответить:

— Кого?

Макс заерзал на стуле, пытаясь уместить свое рыхлое тело как можно комфортнее, а затем неожиданно горячо выпалил:

— Ну как кого? Звезду нашу путеводную — Леночку Звенцову! Она то и завела нас всех в жо...

Экспрессивная речь Макса оборвалась так же внезапно, как и началась, и ознаменовалось это событие треском разбитой стопки, которая, выскользнув из пухлой ладони, устремилась куда-то за барную стойку.

— Все нормально? — спросил Андрей.

Раевский молча оправил костюм и, жестом дав понять бармену, что все в порядке, полностью развернулся лицом к другу.

— Не нормально, Андрей. Вообще не нормально. И две трети придурков, набившихся сегодня в "Цепь", прекрасно это осознают. Нас выслали из сектора, и ради чего?

Давай не будем врать друг другу. Мы приходим сюда уже много лет и слушаем весь этот бред о торжестве подлинной демократии в секторе "Россия" лишь потому, что боимся признаться друг другу, что в свое время мы хотели трахнуть одну и ту же девчонку.

Вортов молчал. Не признать правоту друга было трудно. Признать? Казалось бы, чего уж проще? Однако, вот уже тринадцать лет ни один из них так и не решился этого сделать. До сегодняшнего дня.

— Это была идиотская затея, — словно разговаривая с самим собой, вспоминал Макс. — От начала и до конца. Нет, ну лозунги и требования еще ладно. Но поджог администрации? Как вам вообще это удалось?

Андрей молчал. Он и сам, вспоминая о событиях той поры, не до конца понимал, каким образом им удалось это провернуть. Тем временем, Максим продолжал изливать душу:

— Я ведь чувствовал еще тогда, что добром это не кончится. Но Ленка, эх...

— Ты никогда не говорил, что тебя это так мучает, — сдержанно отметил Вортов.

Раевский лишь криво усмехнулся в ответ:

— Не мучает, нет. Просто мне очень обидно остаться в дураках. Тем более, по прошествии лет, и приз уже не кажется таким заманчивым. Вот оттого и спрашиваю — а ты с этого хоть что-то получил?

— Нет, не получил, — ответил Андрей, а затем, достав планшет и нажав несколько клавиш, добавил: — Раз уж мы все выяснили, то пора идти. Такси вот-вот приедет. Нет смысла здесь оставаться.

— Равно как и приходиться на эти встречи впредь, — добавил Максим. — Подожди минутку, я пока возьму нанесенный ущерб.

Андрей кивнул и вышел на улицу, по ходу отмахнувшись от предложения подписать очередную петицию. Покинув бар, Вортов неторопливо окинул взглядом прилегающие улицы четвертого уровня, который, в каком-то смысле, являлся главной торгово-развлекательной площадкой огромного мегаполиса. Лучшим подтверждением последнего утверждения были шесть торговых центров в пределах видимости, а также бесчисленное количество всевозможных заведений, начиная от торговых платок, до роскошных ресторанов, втиснутых даже в самые мельчайшие куски свободного пространства.

Между тем, Андрею было не до любования местными красотами. Неожиданный разговор по какой-то непонятной причине растревожил душу Вортова. Его охватило непонятное беспокойство, а также предчувствие неприятностей. Андрей доверял своим инстинктам, но слегка затуманенный алкоголем разум отказывался указать направление,

откуда эти неприятности можно было ожидать.

— Что застыл то? — окликнул Вортова, внезапно выскочивший из бара, Максим. — Обдумываешь предложение Бильчацкого устроить митинг у представительства нашего сектора, а?

— Цитируя классику трэш-детективов: "Я слишком стар для этого дерьма", — отстраненно проронил Андрей. — А ты давай, двигай. Парковочная зона в двадцати метрах за углом. Хендай-жук, дизель-электрический гибрид. Идентификационный код я тебе скинул.

— Дизель. Подумать только, двадцать шестой век и дизель, — Максим покачал головой. — Не так представляли себе будущее наши предки, будь уверен.

— Как говорит мой оператор Энрике: "Возможность перепродать всю технологическую цепочку человеческой цивилизации слишком большой куш, чтобы его упускать. Даже странно, что они не начали с телег и повозок".

— В таком случае, мы можем поблагодарить за нынешние чудеса прогресса нефтяное лобби, — с готовностью подхватил шутку Максим.

— Наверняка, — добродушно улыбнулся Андрей, в очередной раз подумав, что подобные шутки недалеки от реальности. — Давай, Максимка, твой счетчик уже капает, а я хочу успеть на ближайший струнник.

— Не буду тебя задерживать, — шутливо поклонился Раевский, а затем поспешно добавил, видя, что Андрей уже разворачивается, чтобы уйти, — а хотя... последний вопрос. Ты бы хотел?

Несмотря на размытую формулировку, Вортов мгновенно понял, о чем идет речь.

— Да. Как и ты не люблю оставаться в дураках.

С этими словами Андрей развернулся и отправился к ближайшей станции. Несмотря на некоторое смятение, он думал, что будет с теплотой вспоминать эту встречу еще долгое время. Воров ошибался...

Не прошло и восьми часов, как Андрей уныло вспоминал вчерашний вечер, а точнее количество легкомысленно вылаканной текилы. По всем расчетам получалось, что он вроде как и не злоупотребил, однако назойливое, гадливо теплое похмелье настойчиво стучалось в стенки черепной коробки. Возможно, сказывался возраст, а может и особенности биохимии, что, впрочем, не имело ровно никакого значения. По крайней мере для Андрея, который, стараясь не дышать слишком часто, оценивал действие препарата, который, согласно плана, должен был нейтрализовать побочные действия, отчего-то сработавшего не так, как задумывали разработчики, антипохмельного лекарства.

Тем временем местное светило одарило своим светом пробуждающийся мегаполис. От прибрежных вилл первого уровня его лучи неспешно дрейфовали сквозь небогатые пригороды второго, а затем и, затерянные среди промышленных предприятий, и многочисленных складов трущобы третьего. С четвертого на пятый, шестой, а затем и, расположившийся на вершине, седьмой уровень, где многочисленные башни бизнес-центров отбрасывали тень на окрестные строения, словно кроны старых деревьев на нижние ветви.

Для Андрея наступавший рассвет знаменовал не только начало нового дня, но и старт эпического квеста, конечной целью которого было сохранение работы, а также, приобретенного в кредит, жилья. Понимание того, что на кону стоит весь его образ жизни, Андрей волевым усилием проигнорировал неприятные ощущения и, закончив с упаковкой вещей, спустился к, уже ждавшему в парковочной зоне, такси.

Дальнейший путь не занял много времени. В столь ранний час улицы пятого уровня были практически пусты, но, к сожалению, это была лишь первая часть маршрута, которая оканчивалась у ближайшей станции струнника. Пробираться через многометровые развязки, связывавшие городские уровни хитро сплетенной сетью магистралей, означало неизбежно застрять в утренних пробках, а значит общественный транспорт попросту не имел альтернативы.

И действительно, буквально полчаса спустя Вортов уже садился в очередное такси, бросив последний взгляд на вознесшуюся на высоту в тридцать метров станцию. Самую высокую станцию струнника, транспорта, связывавшего воедино все семь уровней Вавилона. До прибытия в аэропорт, по расчетам, оставалось сорок минут.

Андрею не сразу удалось избавиться от праздных мыслей и переключиться на обдумывание предстоящей поездки. Впрочем, как-то менять имеющиеся планы не было необходимости, как, впрочем, и желания. Однако, уже по приезду в аэропорт, Андрей пожалел, что не уделил изменившимся обстоятельствам должного внимания.

Не слишком хорошее самочувствие Вортова превращало процедуры безопасности аэропорта в рулетку. Дело в том, что к началу двадцать шестого столетия в арсенале террористов накопилось огромное количество уловок, что, с учетом колоссальных технических возможностей общества, не позволяло авиаперевозчикам надежно защитить пассажиров и воздушные суда. Но выход, разумеется, был найден в виде концепции изоляции угрозы. На практике это означало, что все без исключения пассажиры на время полета помещались в искусственную кому, а заодно и в абсолютно надежный контейнер, изолировавший бесчувственное тело от любых внешних сигналов, которые могли быть командой для, ну, скажем, колонии нано-роботов — соорудить из съеденного пассажиром сэндвича и его же костной ткани взрывчатку.

К тому моменту, когда Андрей закончил размышлять на тему современных систем безопасности, он, незаметно для себя, оказался перед стойкой регистрации и уже прикладывал ладонь к считывающему терминалу.

— Сэр? — отвлекла излишне задумчивого пассажира девушка за стойкой.

"А она миленькая", — подумал Андрей, глядя на миниатюрную блондинку с удивительно синими глазами с необычным фиолетовым оттенком, удивительно гармонизировавшими со строгой темно-синей эластичной униформой.

— Да, да... — спохватился Андрей, поняв, что, в очередной раз, некстати задумался.

— Согласно данным экспресс-анализа, состояние вашего организма является условно совместимым с процедурами безопасности, применяемыми в нашем аэропорту. Вы можете отказаться...

— Нет, нет... — мотнул головой Андрей, перебивая девушку, и безрассудно ткнул в, появившуюся на том же терминале, форму отказа от претензий, стараясь не думать какой ущерб может причинить безумная смесь неорганических соединений его родным, органическим.

Девушка у стойки регистрации дежурно улыбнулась и попросила пройти в зал ожидания. Так Вортов и поступил, не издав больше ни звука.

Как оказалось, далеко не все разделяли идеи Андрея о том, как нужно вести себя в это не самое прекрасное утро.

— Шеф! — громко поприветствовал его Энрике, тощий лопухий чилиец, его бессменный оператор уже третий год подряд и счастливый отец трех дочерей подростков.

Впрочем, семейное счастье нисколько не отражалось на его занудливо-склочном характере.

"Прямо засаду устроил", — устало подумал Андрей, глядя на не слишком-то радостного коллегу, который и вправду расположился почти у самого входа в зал ожидания.

— Привет, Гонсало, как семья? — поспешно спросил Вортов, в надежде избавиться себя от изнурительной порции нытья, о приближении которой всю трубил измученный похмельем и последствиями неудачного лечения, мозг.

— Нормально, — коротко отозвался Энрике, в обычные дни разглагольствовавший о своем семействе часами напролет.

Андрей вздохнул. Порция нытья была неизбежно. А может...

— Давай-ка сразу все проясним. Поездка состоится при любом раскладе. Это не обсуждается.

— Но шеф! В прошлый раз эдемские безопасники сломали мне два ребра! — немедленно начал причитать Энрике. — А знаете, что они сделали с тем парнем, которого мы наняли изображать вас, пока вы добывали материал? А когда нас выпускали они пригрозили переломать мне все кости до единой, стоит еще раз появиться в Эдеме. И я им верю.

— Энрике, — на этот раз Андрей вздохнул глубже и печальней. Попытка раздавить причитания в зародыше не удалась, — В тот раз ты отделался двумя ребрами, в то время как я мог запросто словить пулю. И, уверяю, если бы я не слил часть материала в сеть, мы бы оба закончили жизнь в подвале местной службы безопасности. К тому же, ты получил страховые выплаты, да еще и компенсацию от их властей. Чего тебе еще надо?

— Как минимум пожить еще немного, — проворчал Гонсало, — а для этого желательно не соваться в подобные места.

— Ничем не могу тебе помочь. Но надеюсь, что обещание хороших премиальных тебя немного подбодрит.

— Сами премиальные подбодрят меня гораздо больше, — вполне резонно ответил Энрике, — а моя теща не отказалась бы от страховых выплат за мою смерть.

На это Вортов лишь усмехнулся и ответил:

— То есть, ты боишься умереть лишь потому, что это порадует твою тещу?

— Нет, нежелание доставить ей радость всего лишь добавляет мне желания жить.

Андрей пытался найти подходящий ответ, когда мелодичный женский голос известил пассажиров о начале процедуры подготовки к посадке. Пришло время колоть химическую дрянь с неизвестным исходом. В этот момент Вортов осознал, что сопровождавшее его все утро похмелье исчезло.

"Удивительно, — подумал он, — даже головная боль не устояла перед нытьем Энрике".

"...а правда заключается в том, что около двадцати процентов населения планеты живут фактически вне правового поля. Большая часть вольных городов — это просто рассадники анархии. Что же касается, жителей корпоративных секторов, то и здесь далеко не все гладко".

"Политическое обозрение", выпуск N 161.

Возвращение головной боли стало первым, что отметил Андрей, очнувшись в пассажирской капсуле, что явно не было предусмотрено правилами пассажирских перевозок. Абстрагировавшись от, постоянно нарастающего, дискомфорта, Андрей попытался успокоиться и принялся стучать по стенкам капсулы, рассчитывая привлечь внимание персонала, что, в итоге и произошло, спустя, примерно, минут двадцать.

Однако, когда крышка капсулы наконец открылась, Вортов увидел перед собой бригаду врачей, которые немедленно вытащили его из капсулы и, несмотря на протесты, на носилках доставили в медпункт.

Все происходило так быстро, что у Андрея даже не было времени осмыслить происходящее. Суетливые действия врачей, их заверения, что его жизни ничего не угрожает, а также, полные притворного раскаяния, извинения представителя аэропорта смешались будто в калейдоскопе. Вортов мог бы поклясться, что столь необычный межконтинентальный перелет запомнится ему надолго, но в действительности в голове отложилась лишь постоянная суета.

В итоге, покинуть здание аэропорта удалось лишь через полтора часа. Попытки узнать причину столь нетривиального пробуждения не удалось, однако у Андрея возникло подозрения, что китайцы и сами не представляли в чем дело, но никак не хотели это признать. С другой стороны, компенсацию в десять тысяч амеров, представители аэропорта выплатили, не моргнув глазом, так что, несмотря на всю необычность ситуации, Вортов посчитал, что в итоге он остался в плюсе, и потому следовало сосредоточиться на главном, а именно на цели командировки, тем более что, с учетом задержки, тщательно спланированное расписание пошло прахом.

Как оказалось, за время отсутствия начальства, Энрике успел осознать возникшую проблему и даже забронировал номера в местном отеле, адрес которого прилагался к сообщению, которое тот отправил Вортову в личный сетевой профиль. Очевидно, он планировал задержаться в городе подольше, ведь Ваншанг Лин считался одним из красивейших курортных городов КНР, однако, к несчастью для Гонсало, полученная компенсация позволила Андрею больший выбор средств передвижения, чем он предполагал

изначально и уже через два часа недовольный чилиец вместе со своим боссом сел в вагон сверхскоростного поезда, не переставая при этом ворчать:

— Могли бы и передохнуть немного. Эта задержка ведь явный форс-мажор.

— У нас есть обязательства, если ты не забыл. — ответил Андрей, своим тоном давая понять, что в этот раз его решение обсуждению не подлежит.

— Но, шеф! Подумайте, какие кадры мы упускаем — Лунные холмы, залив Лотоса... отличный материал для моделирования обстановки ваших сюжетов.

Гонсало не унимался. Видимо, планировал сэкономить денег на профессиональных видеохостингах.

— Энрике...

— Да, шеф?

— Тема закрыта, проехали, — поставил точку в споре Андрей, зная, что занудливый оператор постарается оставить за собой последнее слово.

— Еще даже не отъезжали, — буркнул Гонсало, усаживаясь на сидение.

Андрей лишь устало вздохнул. Энрике наконец заткнулся, но надежды на то, что благословенная тишина продержится все семь часов пути не было никакой.

К счастью, худшие опасения Андрея не оправдались и, вечно чем-то недовольный, Гонсало нашел чем себя занять. С таможней также не возникло никаких проблем, что, в общем-то, было не удивительно, учитывая, что все необходимые подтверждения поступили на электронный адрес их общепланетарных паспортов еще до выезда из Вавилона. Единственным напоминанием о том, что все могло пойти кувырком и, очень возможно, что еще пойдет, стало, поступившее на сетевые профили пассажиров, уведомление о том, что гражданам, намеревающимся посетить вольный город Эдем, запрещено возвращение на территорию Китайской Народной Республики в течение трех месяцев. Учитывая, что этот самый город и был конечной точкой их с Энрике маршрута, Андрей начал прикидывать — во сколько обойдется обратная дорога в объезд. Когда же он наконец закончил вычисления и оценил полученный результат, то решил не озвучивать его, во избежание очередной порции нытья. Помимо всех прочих замечательных личностных качеств, Энрике был еще и довольно прижимист.

Как бы то ни было, прибытие в корпоративный сектор "Хёндай" прошло по плану. Было довольно странно наблюдать за толпами корейских рабочих, распевających гимн компании прямо под стенами заводских корпусов, даже несмотря на то, что Андрей хорошо помнил слова политического обозревателя с их канала, о том, что условия в корейских секторах в чем-то были даже гуманны. По крайней мере, здесь не произошло полной замены рабочих на роботизированное оборудование.

В итоге, справедливо посчитав, что местные порядки его не касаются, Вортов приобрел в местном автосалоне дешевую малолитражку в самой базовой комплектации. Всего за две с половиной тысячи амеро в их с Гонсало распоряжении оказалась миниатюрная, сделанная большей частью из усиленного пластика, темно-серая машинка. Единственным, помимо цены, достоинством приобретенного транспортного средства оказался двигатель, рассчитанный на искусственный бензин, что, в отличие от машин той же ценовой категории, на электродвигателях, давало некоторую гарантию, что до места они все-таки доберутся.

Так оно и случилось. Семь с половиной часов спустя их усеченная съемочная группа достигла границ вольного города Эдем.

Первым, что бросилось в глаза, был блокпост наемников какой-то частной военной

компании. Крепкие парни в серой униформе с эмблемами в виде яблони на белом фоне не слишком утруждались. У Андрея с Энрике даже не проверили документы, ограничившись лишь автоматическим сканированием транспортного средства, когда они проезжали через контрольную арку. Но несмотря на довольно затрапезный вид, наемники резко выделялись на фоне уходящих в бесконечность маковых полей, среди которых то тут, то там виднелись группки быстровозводимых щитовых домиков.

Вортов знал, что на сотни километров вокруг города было то же самое. Эдем не даром считался не только одним из крупнейших центров производства фармакологического сырья, но и распространения наркотиков. Об этом знали все, но отчего-то ни планетарный конгресс, не спецпосланник ООН не желали как-то изменить ситуацию. Но, пожалуй, самым странным в этой ситуации было то, что даже КНР, с территорией которой соседствовал Эдем, ограничилась лишь блокадой, несмотря на множество громогласных заявлений.

Занятый подобными размышлениями и едва контролируя примитивнейший автопилот, Андрей едва не пропустил показавшийся вдали город. Впрочем, любоваться было особо не на что. Большая часть из пяти миллионов официально зарегистрированного населения ютилась в щитовых домиках в полях, которые отчего-то считались пригородом. В остальном, город представлял собой многоэтажную кирпичную застройку, разбавленную парой дюжин небоскребов, смешанную с громадами заводов, опоясывавших поселение с северо-востока. Кроме того, Эдем был знаменит своими игорными заведениями, причудливые формы которых и составляли "историческую" часть города.

Как бы то ни было, вскоре Вортов и Гонсало уже подъезжали к юго-западному блокпосту на въезде в город. Или на выезде, это как посмотреть — с таким количеством врагов меры безопасности, принятые в городе, не казались чрезмерными.

— Кажется, нас встречают, — заметил Энрике, разглядывая черный, каплевидный автомобиль представительского класса. И оказался прав. Стоило им проехать сканирующую арку, свою машину покинула и представитель принимающей стороны: женщина неопределенного возраста, самым точным обозначением которого могло быть как "под тридцать", так и "за сорок". Но, несмотря на это, кому-то она могла показаться довольно милой: мягкие пропорционально округленные черты лица и длинные пряди серебристых волос придавали их хозяйке добродушно-беззаботный вид.

— Хорошо хоть не амбалов прислали, — прокомментировал Энрике, поспешивший поддаться первому впечатлению.

Тем временем, женщина поспешила избавить гостей от любых иллюзий и, не утруждая себя церемониями, сходу перешла к делу:

— Кристин Ламантье, представляю юридический департамент муниципалитета. Напоминаю вам, что, согласно подписанному вами контракту, любая информация, представляющая потенциальную угрозу репутации города, полученная вами в ходе работы как на территории самого города Эдем, так и на подконтрольных ему областях не может быть опубликована каким-либо образом без согласия нашего руководства. К подобной информации относятся любые сведения о промышленности города, структуре его управления и личных связях руководства. Степень потенциальной угрозы репутации нашего города определит отдел по связям с общественностью. Впрочем, вам нужно будет просто передать материал мне, и я обо всем позабочусь.

Андрей опустил протянутую руку, а затем, обдумав услышанное, ответил:

— Вы ведь понимаете, что едва ли не в открытую признали, что с вашими...гм,

"производствами" не все чисто?

Кристин невозмутимо парировала:

— Подобная информация попадает под определение сведений, несущих риск для репутации, и потому не может быть предана огласке без разрешения. Впрочем, давайте скорее покончим с формальностями. Сейчас я передам вам электронные браслеты, ношение которых строго обязательно. Попробуете снять, и это будет считаться нарушением контракта. Вы оба будете арестованы, и вашу дальнейшую судьбу решит суд.

Вортов мрачно смотрел на появившиеся из сумки Ламантье браслеты и молча протянул левую руку, которую та, на этот раз, не стала игнорировать, а вместо этого помогла разместить устройство на запястье, после чего она приложила к сенсорной панели палец и прибор мгновенно сомкнулся. После того как та же процедура была проделана с Энрике, Кристин пожелала им приятного дня и поспешила удалиться.

— Проклятье, будто снова под домашним арестом! — пожаловался вслух Гонсало.

— Помню, у тебя в деле появилась отметка об аресте с полгода тому...

— Да, — с готовностью поддержал разговор Энрике, — Небольшие домашние неурядицы и власти готовы взять тебя под полный контроль.

— Кстати, с этой минуты постарайся поменьше трепаться, — предупредил Андрей.

— У всех свои недостатки, шеф. — пожал плечами Гонсало. — Лично у меня есть один знакомый, которому любая беседа в тягость...

— Энрике, — начал было Вортов, но Энрике уже поднял руки в примирительном жесте и поспешил прервать его триаду:

— Я все понял. А если серьезно, шеф, то мне побольше тебя известно о подобных штуковинах. Без обид.

— На обиды сейчас нет времени, — кивнул Андрей. — По крайней мере, с этими штуковинами на руках мы можем надеяться на то, что местные безопасники не станут взламывать автомобильный навигатор.

Энрике лишь пожал плечами и полез обратно в машину. Андрей последовал его примеру и уже через полчаса они подъехали к месту назначения. Шестнадцатиэтажный, кирпичный дом ничем не отличался от кварталов аналогичных строений, разбросанных по всему городу. Внутренняя планировка также не поражала воображения — три десятка дверей вдоль длинного коридора сильно напоминали гостиницу или, скорее, ночлежку.

К этому выводу Андрей пришел, когда "источник гостеприимно запустил их с Энрике внутрь единственной комнаты площадью примерно в десять квадратных метров.

В помещении мгновенно стало тесно и Андрей, недолго думая, отправил Гонсало посидеть в машине. Сам же он уселся на единственный стул, в то время как хозяин расположился в позе лотоса прямо на кровати, которая была единственной по настоящему примечательной вещью в квартире.

Вернее, даже не так. Капсула виртуальной реальности с совмещенным нейросканером, заменявшая хозяину квартиры кровать, на фоне того убожества, что можно было назвать обстановкой, выглядела как королевский пир в ночлежке для бездомных.

Молчаливое удивление Андрея прервал хозяин квартиры, ответивший на невысказанный вопрос:

— Один из осколков старой жизни.

— Прошу прощения, господин Хон, просто...

— О, я понимаю, — ответил тот. — Еще года два назад я бы и сам не поверил, что

окажусь в подобном месте. Видите ли, раньше я был специалистом по компьютерной безопасности в одной корпорации, пока не поддался соблазну и не продал информацию конкурентам. А теперь я оператор сортировочной линии. А это младший технический персонал, лишь на ступеньку выше тех доходяг, что горбатятся в окрестных полях за дозу.

Вортов внимательнее присмотрелся к собеседнику. Вероятнее всего, тот был корейцем, хотя из-за ненатуральной бледности и худощавости определить что-либо более существенное было затруднительно. Видимо, несмотря на презрение к сколовшимся доходягам. Хон и сам относился к их числу. Или, как минимум, был на полпути к тому.

— И что же случилось? — спросил Андрей больше из вежливости, поскольку примерно представлял ответ.

— Свернул на кривую дорожку, — равнодушно пожал плечами Хон. — Часть денег ушла на защиту от бывших хозяев, часть на роскошную жизнь, ну а затем я подсел. Все что осталось от прошлого это нейрокапсула, да еще пара девайсов. Даже этот чудесный дворец я арендую.

— М...да, — глубокомысленно прокомментировал Вортов, а затем перешел к делу: — Скажите, а как вам в руки попал материал, который вы мне прислали?

Хон снова пожал плечами и с абсолютным безразличием ответил:

— Хороший специалист по информационной безопасности должен уметь находить уязвимости в системе. Люблю вспомнить прошлое да пройтись по устройствам соседей. Тут и ребенок бы справился, а я хоть и растерял навыки...да...да.

Хон неожиданно ушел в себя, невидяще глядя на стену.

— Господин Хон? — деликатно потревожил его Андрей. — В сообщении вы утверждали, что в вашем распоряжении есть нечто...погорячее.

— А? Что? — столь же неожиданно вернулся в реальность хозяин квартиры. — Простите, со мной такое бывает.

"Не сомневаюсь", — мрачно подумал Вортов.

— Не желаете воспользоваться моей нейрокапсулой? Сможете просмотреть ее в своем личном сетевом профиле. Меньше шансов на утечку информации.

— С некоторых пор, не слишком доверяю нейрокапсулам, — вежливо отказался Андрей.

— А, — покивал Хон, — кажется я что-то слышал о истории с нелегальным сканированием мозговой активности. Что-то про кражу личности...да. Мы обсуждали этот сюжет на..., впрочем, неважно. Сейчас скопирую видео на планшет.

"Однако он еще не совсем выпал из реальности", — слегка удивился Андрей, наблюдая за тем, как его собеседник начал шарить за стенкой вирткапсулы в поисках устройства.

Вскоре поиск завершился успехом и Хон, продемонстрировав большую сноровку, совершил ряд манипуляций, после чего и передал планшет Вортову.

Первые кадры оказались уже знакомой сценой с Зетой Ковальски в душе. Несмотря на то, что наблюдение за пышными формами знаменитой красотки доставляли Андрею удовольствие, он сосредоточился на деле и движением пальца по экрану, промотал видео вперед. В следующей сцене перед Вортовым предстала все та же Зета, только на этот раз она была полностью одета в странный, серебристого цвета комбинезон. Зета стояла посреди пустой комнаты и читала какой-то текст с, находившегося перед ней, экрана.

"Репетиция? Кастинг? — оценил увиденное Андрей. — Не совсем то, на что я рассчитывал".

Внезапно его внимание привлекло резкое движение на экране. Зета со странным хрипом повалилась на пол и забилась в конвульсиях. Андрей с напряжением следил за развитием событий, но их то как раз и не было. Актриса дергалась на полу около полутора минут, пока наконец не затихла и, прежде чем Вортов успел осознать то, что он увидел, голос за кадром произнес:

— Кажется, проблема в левом полушарии. Док будет недоволен, вся партия пойдет в утиль.

Оставшуюся часть разговора невидимых собеседников Андрею услышать не удалось, так как на экране в очередной раз сменилась картинка и он увидел какие-то технические помещения, больше всего походившего на крематорий. Десятки заполненных черных мешков для тел лишь добавляли этой теории убедительности.

"Трупы. Десятки трупов", — думал Андрей, тщетно пытаясь найти правдоподобное объяснение происходящему.

Тем временем в кадре появились новые лица: пара рабочих, затаскивавших в помещение очередной мешок, который вскоре был небрежно брошен на один из столов.

— Ну, что, Джим, пропустим вперед королеву? — жизнерадостно осведомился один из рабочих.

— Как скажешь, Марк, — равнодушно отозвался второй. — Мне все равно.

— Отлично, берись за ноки.

Они вдвоем подняли мешок с телом и положили его на выдвижной стол у самой печи.

— Подожди, — внезапно сказал тот, кого напарник звал Марком.

— Ну что еще?

Но Марк не ответил. Вместо этого он расстегнул мешок, и Андрей увидел искаженное судорогой лицо Зеты Ковальски. Ошибки быть не могло — знаменитость планетарного масштаба была мертва.

"Но как такое возможно?" — изумленно спрашивал себя Вортов.

— Ты просто моральный урод, — события на экране шли своим чередом. Марк расстегнул мешок до половины и положил руку на обнаженную грудь покойницы.

— Да брось, приятель, — Все так же жизнерадостно ответил Марк. — Не пройдет и месяца, и эта птичка станет какой-нибудь шишкой. Сделай фотку, чтобы родинку на груди было хорошо видно. Такую родинку ни с чем не перепутаешь. Как знать, может, увижу ее на большом экране. Мужики тогда от зависти сдохнут.

— Скорее ты сдохнешь. Присоединишься к этим милым ребятам, а мне в одиночку придется тащить твою тушу...

Что ответил на это Марк Андрей так и не узнал, поскольку видео на этом и закончилось.

— Где вы взяли это видео? — хрипло спросил Вортов, глядя на невозмутимого Хона, который все также сидел в позе лотоса в своей капсуле и даже прикрыл глаза.

— Я, кажется, уже говорил, — немного удивленно ответил тот. — Если вас интересуют подробности, то я взломал планшет доходяги с четвертого этажа. Он надолго здесь не задержался. Может, отправился в поля, а может и помер от передоза.

— Такое...не могло отказаться у какого-то доходяги, — едва сдерживая себя прошептал Андрей. — Вы хоть понимаете, что это значит?

— Да мне все равно, — равнодушно пожал плечами Хон. — Кого сюда только не заносит. Игла, поля и ранняя могила — это как неразрывное колесо Сансары, только без

шанса на новое перерождение. У всех есть свои скелеты в шкафу. Проблема в том, что здесь за дозу продают этот самый шкаф. Уверен, здесь еще и не такое можно найти, если хорошо поискать.

Ощущение приближающихся неприятностей, не отпускавшее с самого начала командировки, усилилось, словно маленькое облачко, превратившееся в грозовую тучу.

— Знаете, какие могут быть последствия? — уже спокойнее спросил Андрей.

— Как я уже сказал, мне все равно. Брать будете? Я довольно часто слышал, что вы готовы братья за самые опасные темы, но, думаю, найдутся и другие покупатели.

Андрей ненадолго задумался, но затем все же утвердительно кивнул, а затем, с помощью уже своего планшета, отправил в офис сообщение, подтверждающее необходимость перечисления денег. Ведь, как ни крути, информация была просто убойной. А вот что с ней делать — об этом пусть думает Готлиб.

— Деньги поступят в ближайшее время. Теперь нам нужно как то, избежать утечки, но боюсь, наш разговор не является секретом для местной службы безопасности.

Хон понимающе кивнул, покосившись на браслет на руке Андрея.

— Можете разломать мой планшет и смыть обломки в унитаз. Копию видео пришлю на ваш личный сетевой профиль. Это достаточно надежно.

— Есть еще один момент, — не согласился Вортов. — После моего ухода вам могут начать задавать вопросы. И весьма настойчиво. Поэтому, возможно вам будет лучше уехать с нами. Все неудобства вам компенсируют.

— Не нужно, — покачал головой Хон. — После вашего ухода я начну праздновать нашу сделку и на ближайшие два дня выпаду из реальности. Ни химия, ни нейросканирование не дадут результатов.

— Что ж... — кивнул Андрей, — ...это обнадеживает. А вы не боитесь последствий?

— Игла, поля, могила, — словно мантру произнес Хон, — С помощью ваших денег я смогу избежать второго, но не расстроюсь, если третье будет ждать меня раньше положенного срока.

Андрею было нечего на это ответить и он, попрощавшись, направился к выходу. Уже у дверей он, повинуясь внезапному импульсу, задал последний вопрос:

— Скажите, а где вы слышали о том, что я готов братья за опасные темы?

— Не знаю. Не помню. Не важно, — покачал головой Хон, вновь частично выпав из реальности, а затем махнул рукой, призывая гостя поскорее убираться восвояси.

"...Таким образом, мы можем утверждать, что идеология Африканского союза строится на ненависти. Конечно, у них есть некоторые основания — сегодня весь цивилизованный мир признает, что насильственное переселение африканцев — это трагедия. Но тот факт, что и граждане Союза, и племена, и даже черное население вольных городов спустя столетия все еще ненавидят белых, явно указывает нам на то, что на сегодняшний день Восточный материк является одной большой пороховой бочкой, готовой рвануть в любой момент..."

"Политическое обозрение", выпуск N 62.

Прощание с вольным городом Эдем вышло скомканным. Очаровашке Кристин пришлось довольствоваться тем первоначальным отрезком записи с Зетой в душе. На первый взгляд подачка выглядела убедительной, но для эдемских безопасников, которые наверняка слушали весь разговор, будет очевидно, что это далеко не все.

С другой стороны, Андрей с Энрике обязались лишь не публиковать материал без одобрения, а не сидеть в городе до получения "зеленого сигнала". Конечно, местные безопасники могли и обидеться, в конце концов это была их вотчина и поступок Вортова для них был равнозначен внезапной отмене права первой ночи для любвеобильного сеньора. Но, хорошо поразмыслив, Андрей решил, что в данном случае любыми обидами можно пренебречь. Во-первых, весьма вероятно, что полученная запись никак не угрожала репутации города. Ну, тому, что они называли репутацией. А, во-вторых, он считал, что эдемцы вряд ли когда-то узнают, что он что-то от них утаил. Вортов отлично осознавал, что заинтересованные стороны постараются закопать правду поглубже и был ненулевой шанс, что Андрея с напарником заруют просто за компанию.

Вортов ненавидел подобные расклады. По роду своей деятельности ему часто приходилось с серьезным лицом нес на камеру всякую чушь про чупокабр и снежного человека, которые мистическим образом перенеслись на новую планету с Земли. Но, то ли окружающий мир был настолько безумен, то ли прав был Готлиб Майер, утверждавший, что Андрей обладает уникальным талантом вляпываться в самые разнообразные истории, но зачастую в результате полу-постановочных расследований на свет всплывали довольно неприглядные истории, каждая из которых могла бы сделать Вортова знаменитым в планетарном масштабе. Или же, что более вероятно, свести в могилу намного раньше намеченного срока.

Таким образом, за годы работы у Андрея сформировалось определенное кредо: "Лучше синица в руках, чем пуля в затылок". Именно поэтому Вортов год за годом продолжал нести всякую чушь, уверяя доверчивых зрителей, что истина где-то рядом.

Вместе с тем, Андрей отдавал себе отчет в том, что все эти годы ходит по краю, а поскольку сдаваться без боя было не в его привычках, он озаботился созданием страховки, которая если и не убережет от неприятностей, то станет "последним приветом", буде реализуется худший из возможных сценариев.

Именно поэтому в данный момент Вортов гнал на северо-восток, не слишком заботясь о

соблюдении правил дорожного движения. Да и в любом случае, дороги были почти полностью пусты, а наблюдаемый из окна пейзаж не отличался разнообразием. К сожалению, это привело к тому, что Энрике, уставший разглядывать бесконечные поля и небольшие модульные поселки, решил скрасить путь беседой:

— Так...к чему такая спешка, шеф?

— Материал "горячий", — озвучил краткую версию Андрей, не отвлекаясь от дороги. — Нужно успеть его "завернуть", чтобы неприятности, которые вскоре последуют не стали для нас фатальными, смекаешь?

— Э, да вроде как не совсем, — озадаченно ответил Гонсало.

— Тогда напомни мне как-нибудь рассказать историю моего прошлого оператора.

— Нет, нет, то, что дело пахнет неприятностями, я уже уяснил. Как в горах Боливара, да?

Вортов не ответил. Вместо этого он начал просматривать карты в навигаторе, а затем, все же обратился к Энрике:

— Нужно будет отключить электронику в машине. По максимуму.

Тот не стал задавать глупых вопросов, вроде: "зачем" и "почему", а вместо этого лишь пояснил:

— Просто отключить не получится. Нужно вырубать наглухо. Но если вы подозреваете возможность слежки, то, как быть с личными приборами?

— Никак, — пожал плечами Андрей, — все мое было при мне. Могли, конечно, взломать приборы во время перелета, но даже для подставы это как-то сильно масштабно. А вот, чтобы взломать эту игрушку даже особых навыков не надо.

Гонсало кивнул, соглашаясь с оценкой уровня систем безопасности авто, а затем задал давно волнующий его вопрос:

— Так, в чем собственно дело?

Андрей, помолчал, обдумывая возможный ответ. Затем, определившись с формулировками, начал рассказ:

— Представь себе, приходит сообщение о том, что ты выиграл в лотерею миллион? При этом в лотерее ты с роду не участвовал. Мысли?

— Мошенничество, очевидно.

— Ну, то есть ты понимаешь, что это ситуация, когда кому-то что-то от тебя нужно, так?

— Так, — согласился Энрике, поглядывавший на собственный планшет.

— Вот так же и здесь. Информация не то что на миллион, такое в жизни оценивают, понимаешь? И у того обдолбыша она не могла оказаться никак. Так не бывает, разве что Санта постарался, решив поощрить меня за то, что я был хорошим мальчиком.

— Я так и не уловил сути, шеф, — признался Гонсало, а затем добавил, — кстати, неплохо бы где-нибудь здесь тормознуть. Сигнал пропадает, а значит, поломку оборудования можно обыграть естественно.

Андрей кивнул и повернул к обочине, одновременно отвечая на вопрос:

— В общем, суть такова — кому то, что-то от нас нужно. Вернее, от меня, но поверь, с такой информацией и тебе не соскочить. Кто, почему и зачем — понятия не имею.

И Вортов не врал. Всю дорогу до номерного вольного поселения практически на стыке границ Эдема и Африканского союза, он раз за разом перебирал в уме своих врагов и раз за разом оставался в недоумении. Каждая из этих примечательных личностей могла отправить

ему бомбу, но никак не сверхценную и столь же опасную информацию. При условии, что она не являлась подделкой, конечно. Подобного удара по репутации его карьера могла и не пережить. Вместе с тем, пренебрежение потенциальной опасностью могло обернуться трагедией. Один раз подобное уже случилось, и бедняга Скленраж заплатил за это жизнью. Андрей так и не забыл этого жизнерадостного, всегда отзывчивого чеха. Возможно именно поэтому к своему новому оператору, ворчуну Гонсало, он относился несколько предвзято. Но сейчас это не имело ровно никакого значения.

К поселению, обозначенным на картах номером J-117, они подъехали уже глубокой ночью. В свете фар, расставленные тут и там, морские контейнеры, вперемежку с одно и двухэтажными глиняными постройками, представлялись единым лабиринтом. Попадалось жильё и попроще, так, сменивший Андрея за рулем, Энрике чуть не раздавил крупногабаритную картонную коробку, откуда тут же послышался дикий мат.

В конце-концов, Андрей вновь был вынужден вернуться за руль и вести машину до места назначения, коим оказалось длинное, одноэтажное глиняное строение, дополненной несколькими морскими контейнерами, которые, совместно образовывали целое подворье.

Хозяин уже ждал их снаружи. Высокий, мускулистый мулат с заплетенными в косички волосами и одетый в цветастую одежду из синтетического шелка, махнул рукой, призывая проехать во двор, через проем, образованный стеной здания и одним из контейнеров.

— Приветствую вас на земле ндунга, чужаки! — радостно приветствовал гостей мулат.

— Привет, Джунтун, — ответил Андрей менее радушно, подозревая, что радость хозяина вызвана возможностью его обобрать. Он искренне сомневался, что бухгалтерия оплатит услуги хакера и приобретение нелегального оружия. Вспомнив о последнем Андрей перешел к делу:

— Ты достал то, что я просил?

Джунтун жизнерадостно улыбнулся и достал из-за пояса небольшой черный пистолет, размером, лишь ненамного превышающим ладонь крупного человека. Сохранявший стоическое молчание, Энрике напрягся и заозирался по сторонам, но кроме заваленного пластиковыми бутылками двора, многочисленных, завешенных материей, входов в контейнеры и деревянного сортира, в округе больше ничего не было.

— "Крайз-7", — рекламировал свой товар Джунтун, — как ты и просил, самое надежное из того, что у меня было. Скорострельность не высока, двенадцать выстрелов в минуту. Магазин также не велик — восемь патронов. Но зато! Зато он пробивает броню вплоть до третьего армейского класса включительно. Если очень повезет, то и второй возьмет. Про полицию даже не упоминаю, можешь валить любого, кто осмелится выписать тебе штраф за парковку! Короче, полторы штуки и агрегат твой! От сердца отрываю!

— Да ты с ума сошел! — воскликнул Андрей. Деньги у него, в общем то, были, но вот запас наличности был прямо скажем невелик, — Мне машина обошлась в две с половиной, а тут...

— Эй, эй, полегче! — повысил голос Джунтун. — Не говори того, о чем потом пожалеешь. Ты ведь знаешь, как я отношусь к оружию. Кроме того, за тачку ты переплатил. Могу подогнать тебе точно такую же, за пять сотен.

Андрей немедленно взял себя в руки и попытался найти компромисс:

— Мне бы что-нибудь подемократичней в плане цены.

— Не вопрос. Есть куча стволов местного производства, — тут же отозвался продавец. Цены от пятидесяти амеро, шестидесяти юаней или семи тысяч руандов, смотря чем платить

предпочитаешь. Есть еще некоторое количество более представительных трофеев, но не могу дать гарантии, что они "чистые".

— А на этот можешь?

— За полторы штуки я еще и не такое могу! — объявил Джунтун. На его лице вновь появилась жизнерадостная улыбка — он понял, что победил. — Более того, мы его еще и легализуем. По крайней мере, в вольных городах разрешение должно действовать. Сейчас, поднимем мэра, и он выпишет...

— Мэра? — не сдержал удивления Энрике.

— Разумеется, — важно кивнул мулат, — чтоб все по правилам, все цивилично было.

Затем он развернулся и с силой ударил ногой по стенке ближайшего контейнера, а затем, надрывая глотку, заорал:

— Хармо, ленивая скотина! Тащи свою задницу к гикам и начинай выправлять разрешение на "Крайз".

Внутри контейнера возник какой-то шум, а затем послышалось маловразумительное бурчание. Впрочем, интонации были утвердительными.

— Ты ведь собирался втюхать мне его, как только получил сообщение, верно? — Поинтересовался Андрей.

— Ага, — жизнерадостно ответил Джунтун. — Где я здесь еще найду идиота, готового взять ствол за полтора куска.

— Откровенно, — прокомментировал сцену Энрике.

— А как же иначе, — улыбнулся Джунтун. — Мы с этим парнем давненько друг друга знаем и кидать друг друга по пустякам не привыкли. А это просто бизнес. Ладно, теперь к делу. Спать можете в любом из контейнеров, выбираете любые понравившиеся нары и баиньки. Но лучше, конечно, вам спать в машине, а то еще сопрут чего... Так, что еще... А, точно, давай сюда носитель, сохраню в лучшем виде. Да и мальчики мои все проверят, как просил. На этом, кажется, все. А теперь гони бабки.

Вортов молча оплатил услуги, а также передал хозяину подворья карту памяти из почившего планшета Хона. Взамен он получил пистолет, одиннадцать патронов россыпью "в подарок", а также милостивое разрешение поспать в собственной машине до утра.

Впрочем, не сказать, что последнее совсем уж ничего не стоило. В любом другом месте у машины, как минимум, к утру сняли бы колеса. А так, была надежда, что подобного не произойдет.

После того, как Джунтун покинул двор, Андрей начал забираться обратно в машину, чтобы хоть немного поспать. В этот момент его настиг вопрос Энрике:

— А что там насчет спальных мест?

— Джунтун же сказал, так иди — выбирай любой. Попытай счастья.

Гонсало иронии то ли не уловил, то ли предпочел проигнорировать, но буквально через пару минут он вернулся в машину и также начал откидывать сиденье назад.

— Там воняет, — сообщил он. — И все занято!

— А ты чего ждал? — ответил Андрей, не открывая глаз. — Если так нужна койка пойди вышвырни кого, Джунтун возражать не будет.

— Обойдусь, — буркнул Энрике. — Но утром жду рассказа — какого...мы тут забыли.

— Договорились, — просипел Андрей, окончательно погружаясь в сон.

Несколько позже Вортову все же пришлось сдержать обещание, однако с самого утра у него нашлись дела поважнее. После того, как он проверил сообщения в личном сетевом

профиле, где помимо малозначимой лабуды и письма от Инги, обнаружился развернутый отчет с анализом видеозаписи. Сомнений быть не могло — она была подлинной. Спецы Джунтуна умудрились даже определить марку взломанных камер.

Что ж, для Андрея это мало что меняло, но в то же время придавало истории Хона еще меньше правдоподобия, чем, казалось, было возможно. После получения информации, Вортов не стал тянуть с отъездом и отправился по трассе на юг, все больше углубляясь в сектор вольных поселений. До ближайшего аэропорта путь был неблизкий.

Примерно через час пути проснулся Энрике и потребовал объяснений.

— И что ты хочешь услышать? — равнодушно поинтересовался Андрей.

— План. Какой у нас план?

— Добраться до Нью-Бразиллы, взять билет на ближайший межконтинентальный рейс, а потом домой. С Готлибом придется объясняться, но эту историю нам лучше забыть.

— Я даже не знаю того, что я должен забыть, черт тебя дери! — едва ли не кричал Энрике.

— Вот и хорошо. Меньше усилий придется прикладывать. А если тебя интересуют подробности, то все просто. Вольные сектора наш лучший шанс. Китайцы полностью блокируют Эдем и нас не пропустят. Корпоративные сектора — это настоящие миры в себе. Стоит исчезнуть где-то на их территории, и никто даже вопросов не задаст. Африканский Союз с большим скрипом выдает белым визы, так что, по сути выбора у нас и нет.

— До Нью-Бразиллы пару недель пути!

— Не будь идиотом, Энрике. В вольных городах есть местные аэропорты, доберемся до Бангза, а потом, если повезет, будем и в Нью-Бразилле. Может быть даже сегодня.

Энрике возмущенно засопел, но больше никак не отреагировал. Но, как обычно и бывало, его молчание продлилось недолго:

— Надо будет заправиться где-нибудь по дороге...

— Пока ты спал, купил у Джунтуна пару канистр и залил, так что не переживай.

Однако Гонсало на этом не успокоился:

— А кто он вообще такой, этот Джунтун?

— Тебе то зачем знать? Просто уважаемый человек в той местности, который может многое достать и, что немаловажно, договориться с племенами.

— А я-то думал, что зона племен находится где-то на северо-востоке.

— Так и есть, — подтвердил Андрей — вот только их амбиции простираются гораздо дальше. Ты знал, что группу безымянных поселений к востоку от Эдема называют точкой J?

— Шутку где-то слышал, а вот суть так и не понял.

— А все просто. В этих поселениях свое производство оружия и патронов, что невообразимо радует племена. Их терпят лишь потому, что качество изделий полное дерьмо. Гильзы из бытового пластика, вместо специального и так далее... Зато такая конкуренция наглухо душит контрабанду. Дикари и так счастливы.

— Забавно.

— Да уж.

На этом желание поддерживать беседу у Энрике иссякло, и Андрей вновь сосредоточился на дороге. До ближайшего крупного города оставалось сто семьдесят километров и, хотя в нем и не было аэропорта, развлекательная инфраструктура там была на достойном уровне. Однако, не долго Андрей предавался приятным мыслям о хорошем отдыхе и иных развлечениях. Примерно через полчаса на дороге показался блокпост. Пара

громоздких, угловатых бронетранспортеров надежно перекрывали дорогу, вместе с десятком рассеявшихся на броне солдат в стандартной для частных военных компаний серой форме с эмблемами "РФК".

— Это еще что за фигня? — недовольно пробормотал Энрике.

— Сейчас узнаем, — тихо ответил Андрей, сворачивая к обочине. Как только он затормозил, от группы отделился один из солдат и направился к машине.

— Добрый день, сэр, — представился боец, — капрал Рэйнольд Блаффинг, охранные силы корпорации "Рикард Фарм Корп". Вы получали уведомления о карантине? Все транспортные средства в блокированных районах должны были быть оповещены через спутник.

— У нас... вышла из строя электроника, — ответил Андрей. — По какому праву вы блокируете дорогу? Эти территории находятся в юрисдикции вольных поселений. Корпорации не могут устанавливать здесь свои порядки.

— Это так, — согласился капрал, — однако, наше руководство предложило принять все меры к минерализации ущерба, поскольку в возникновении угрозы отчасти виноваты мы. В любом случае, у нас есть широкие полномочия, утвержденные главами как пограничных, так и находящихся внутри карантинной зоны, поселений. Поэтому, сэр, вам сейчас нужно будет развернуться назад и проехать по левой дороге около тридцати километров. Там находится четвертый карантинный лагерь. В случае отказа подчиниться, вы будете доставлены туда силой.

Пока Андрей обдумывал сложившуюся ситуацию, свой вопрос задал Энрике:

— А, скажите...каков характер угрозы?

Капрал пожал плечами и ответил:

— Да я и сам толком не знаю, говорят какие-то приматы разбежались. То ли зараженные, то ли генно модифицированные, черт их разберет.

— Что ж, благодарю вас, — подал голос Андрей, резко обрывая разговор, и начал разворачивать машину.

— Выглядит как начало фильма о зомби-апокалипсисе, — прокомментировал услышанное Гонсало. — Однозначно — наш сюжет.

— Да, будем надеяться, что из этого выйдет хоть что-то хорошее, — согласился Андрей.

Сорок минут спустя Вортов проклинал свой неоправданный оптимизм. Как оказалось, карантин оказался, по большей части информационным. По крайней мере, если судить по соотношению медицинских процедур и многочисленным вопросам вроде: "Не замечали ли вы чего подозрительного по пути?". И этот вопрос повторялся неоднократно в разных вариациях. В конце концов, Андрею надоело этот фарс, и он прямо заявил, что самым подозрительным ему показался этот самый карантин. После этого его очень быстро отпустили в лагерь, который представлял собой несколько десятков быстровозводимых модульных домиков белого цвета. Внешний периметр лагеря был обозначен явно наскоро воздвигнутым металлическим забором и, на первый взгляд, не охранялся. Однако, размещенная на ближайшем холме бронемашина заставляла задуматься и... повременить с любыми планами покинуть это место.

На первый взгляд в лагере находилось что-то около трех сотен человек, причем это число можно было смело округлять в меньшую сторону. Народ подобрался разномастный. Не сказать, что здесь были люди всех раз и возрастов, но некоторая разношерстность толпы была очевидна. Часть постоянно толпилась у площадки рядом с административным зданием,

которое, также выполняло роль медпункта. Другие постоянно шныряли между домов в попытках как-то себя занять. Несколько патрулей время от времени прореживали толпу, не давая вспыхнуть потасовкам. В воздухе чувствовалось напряжение и это, в совокупности с полной неизвестностью, заставляло Андрея нервничать.

— Шеф, ты глянь какая красotka, — внезапно полусшепотом произнес Энрике, — о, и, кажется она идет сюда.

Вортов обернулся и увидел женщину своей мечты. Своей давней, далекой и давно позабытой мечты, похороненной под пеплом несбывшихся ожиданий и укрытая линялой шкуркой, вывернутой наизнанку, жизни. Перед ним была Елена Звенцова, ради которой он устроил свой личный "штурм Трои" и который окончился оглушительным провалом.

И вот теперь она здесь, словно и не было всех этих лет. Андрею казалось, что она нисколько не изменилась. Все та же грива огненно-рыжих волос, голубые бездонные глаза и плавная, манящая походка... а еще голос. Глубокий, насыщенный, завораживающий и полный какой-то далекой насмешки. И сейчас он слышал его вновь.

— Какими судьбами, Андрюш? — сказала она и, приблизившись в плотную крепко обняла его. И Андрею показалось, что он, как по мановению волшебной палочки вновь превратился в того юнца готового на любые подвиги ради нее. Только ради нее.

"Многие считают, что распределение территорий планеты было не совсем справедливым. Но, что мы могли противопоставить воле метрополии? Спецпредставитель ООН дал четко понять, что курс на всемерную поддержку частного бизнеса и свободных поселений будет реализован несмотря ни на что. Это и привело к значительному усилению транснациональных корпораций..."

"Политическое обозрение", выпуск N 56.

Наваждение прошло быстро. Но недостаточно быстро, поскольку к тому времени, как Андрей вспомнил, с кем говорит, и какая история их связывает, он уже согласился навестить Елену и ее нескольких ее подруг в выделенном им домике.

Он прекрасно понимал, что вполне еще может, что называется "сдать назад", но территория лагеря была не слишком велика, и вечно избегать встреч со Звенцовой не удастся. Посему Андрей принял решение перетерпеть. Выслушать ее просьбу, а в том, что Звенцова чего-то от него хочет, он не сомневался. Вортов даже начал подозревать, что его первоначальная реакция, была вызвана не только лишь воспоминаниями, но и необычными, вероятно, чем-то заряженными, духами. Как бы то ни было, Андрей был решительно настроен не дать себя обвести вокруг пальца и воспринимать любое предложение Елены как ловушку или подготовку таковой.

Но даже несмотря на всю свою решимость, он вовсе не был уверен в благополучном исходе. В прошлый раз он ведь тоже не был совсем уж мальчишкой, а что в итоге?

Энрике прервал невеселые мысли Андрея, негромко напомнив, что пора идти в гости.

Хотя "в гости" это громко сказано. Домики представляли собой небольшие закрытые помещения с несколькими лежаками внутри и по функционалу немногим превосходили палатки. Разумеется, подобные помещения не слишком подходили для приема гостей, равно как и выданные администрацией индивидуальные рационы трудно было назвать достойным угощением. Но было бы желание... Как вскоре выяснилось, желание было.

К удивлению Андрея, в домике хозяев Елена оказалась не единственным знакомым лицом. По первости, он даже не сразу узнал в стройной русоволосой женщине ту нескладную девчущку, с которой танцевал на выпускном. Анна Лемех была не то чтобы некрасивой, но заурядной... Ее серые глаза на узком, с тонкими чертами, лице придавали ей определенный шарф, но на фоне ослепительной Звенцовой она совершенно терялась.

Слушая рассказы Звенцовой, Вортов отметил про себя, что он даже не удивился, что ослепительная красавица даже не обмолвилась о присутствии своей давней подруги, видимо окончательно приписав ее к аксессуарам. Эта мысль еще больше настроила его против Елены, которая под разными предлогами спровадила трех других членов ее компании, двух придурковатого вида парней и девчонки. Между тем, Звенцова перешла к действительно интересным вещам. Как оказалось, с момента изгнания их группы из русского сектора, она

так и не оставила общественную деятельность, которой и занималась по сей день на профессиональной основе.

Ничего особенного в этом не было. Подобные группы существовали на протяжении веков, с того самого момента как человечество вступило в информационную эпоху. Их основной задачей было привлечение общественного внимания к определенным проблемам, вымышленным или реальным, но, главное, таким которые затрагивали бы деятельность той или иной коммерческой или государственной структуры. Проще говоря, при помощи общественного мнения они организовывали давление на конкурентов заказчика. Естественно, какую-то прибыль получала лишь верхушка, организовывавшая инициативных придурков, коих всегда хватало...

Тут Андрей со смущением подумал, что и он когда-то был одним из таких придурков. Впрочем, он быстро отбросил неудобные мысли и сосредоточился на рассказе.

Интересным же в ее истории было то, что к нынешнему карантину они имели самое непосредственное отношение. Как оказалось, их группа активистов вот уже некоторое время вела осаду фармацевтической фабрики, где помимо собственно изготовления лекарств, производились опыты на животных.

— Я уж не знаю, что там взорвалось, но паника поднялась жуткая, — в красках рассказывала Звенцова — Все куда-то бежали, кричали. Это было просто невообразимо. Ну а потом полезли приматы. Не знаю где они достали этих страшилищ, но их были сотни!

А потом подоспели наемники. Двух часов не прошло, а они уже были на месте и сразу же начали охоту на обезьян. Даже со взрывом никто разбираться не стал. Всю нашу группу эвакуировали и разбросали по лагерям. Мы уже три дня тут сидим. Скучно невообразимо. Хорошо хоть ты появился, а то мне без выхода в сеть просто конец!

"Кажется, мы подбираемся к сути", — цинично подумал Андрей, а затем уточнил:

— Так, а причем здесь я?

— Ну, у тебя ведь связь через спутник вашего канала, так? — в свою очередь спросила Звенцова, а затем пояснила. — Местные власти могут лишь ограничить общественные каналы связи.

— Да, — кивнул Андрей.

— Слушай, мне очень нужен выход в сеть, — томно протянула Лена, — Если мы не отчитаемся о результатах, то оплаты нашей группе не видать. А еще это урон репутации и проблемы с новыми грантами...

Андрей медленно покачал головой и ответил:

— В последний раз, когда я согласился тебе помочь, все закончилось очень и очень печально...

— Ну, Андрюш, неужели ты до сих пор дуешься? Помоги мне, и мы сможем прорвать эту информационную блокаду! В конце концов, в этом твое призвание!

— Я подумаю, — с этими словами Вортов поспешил свернуть встречу и вернулся в свой домик.

Вскоре выяснилось, что Энрике не одобрил поспешной ретирады. В своей обычной манере он начал ныть, о том, что его беспричинно жестокий шеф испортил такой замечательный вечер и лишил, его, Энрике Гонсало, перспектив на незабываемую ночь любви с Анной. После того, как подобная тактика не сработала, он просто попросил освободить жилплощадь или же принять на ночь гостью.

— А как же Лаура? — спросил Андрей, которому этот разговор начал порядком

надоедать.

— То, о чем моя жена не знает, ей не повредит, — похабно оскалился Гонсало и, с его внешностью, картина получилась незабываемой. Вортову на секунду показалось, что перед ним стоит сексуально озабоченный чебурашка. Тряхнув головой, чтобы прогнать образ, он сдался:

— Передай Елене, что я хочу обсудить ее просьбу.

Гонсало радостно осклабился и заверил, что волноваться не о чем и все будет в лучшем виде. Отчего-то Андрей в этом сильно сомневался.

Несколько часов спустя все сомнения отошли на второй план, уступив место решимости, желанию доказать себе, что он не проиграл. Когда, четыре дня назад Макс спросил его — хотел бы он, фигурально выражаясь, взять реванш, Андрей не сомневался. Теперь же, когда у него появился шанс... он, отчего то колебался или, скорее, взвешивал возможные последствия.

Легкий стук в дверь, стал последним сигналом, означавшим, что времени на принятие решения больше нет. Вортов подошел к двери и впустил гостью, которая, как и всегда была обворожительна. Лена была одета в, болотного цвета, майку и простые голубые джинсы. В руках она держала бутылку латинского вина, незнамо каким чудом, оказавшуюся в лагере. Звенцова потрясла бутылкой в руке и со смешинкой в голосе заявила:

— Ты представляешь, Анечка, хитрушка, держала в закромах такое богатство и даже не думала поделиться. Видно очень уж по душе ей пришелся твой оператор. Хотя, хоть убей, не пойму почему. Он на чебурашку похож.

— Можешь поверить, друзей у него и правда немного, — усмехнулся в ответ Андрей, доставая пару пластиковых стаканчиков. Затем он открыл бутылку и разлил вино. Светло фиолетовая жидкость с легким журчанием наполнила непритязательные сосуды и Лена произнесла тост:

— За встречу, Андрюш.

— За встречу.

Края стаканчиков мягко соприкоснулись и оба отпили вина.

— Потрясающе, — оценила напиток Лена, — так приятно горячит кровь. Жаль, что приходится пить его в такой обстановке...

— Да, ресторанов в карантинном лагере как-то не предусмотрено, — шутливо развел руками Андрей, тоже почувствовавший, как кровь приливает к щекам. Все сомнения давно забыты. Лена легко рассмеялась. Легкая, ни к чему не обязывающая беседа, продолжалась чуть больше получаса, а затем Звенцова напомнила:

— Пора перейти к делу, Андрюш.

— Да, да, пора... кстати, лена ты хорошо помнишь классику?

— Мм, ну, наверное, да.

— Это хорошо. Тогда ты без труда поймешь метафору. Сначала стулья, Лена.

Они смотрели друг другу в глаза. В тесном пространстве воцарилось молчание. Однако, не неловкое, заставляющее спешно искать подходящую тему для разговора, а волнующее... предвкушающее.

— А ты повзрослел, — ответила, наконец, Лена и, после паузы добавила, — мне это нравится.

С этими словами она потянула вверх майку.

Эта картина так и стояла перед глазами Вортова, когда следующим утром он едва

поднялся с кровати. Все его тело сковала приятная слабость.

"Вот это мы развлеклись. Ни черта не помню" — подумал Андрей, с трудом поднимаясь с лежака.

Послышался стук в дверь и, с этим кратким упреждением, в комнату вошел Энрике.

— Вот это вы дали, шеф. Сеньорита буквально заползла в свой домик пару часов назад — жизнерадостно проинформировал Андрея, довольный как слон, Гонсало. Видимо и у него все сложилось неплохо. — Еще она просила передать, что разместила свои материалы с вашего аккаунта.

Андрей попытался осмыслить информацию, но ему с трудом удавалось сосредоточиться.

— Черт, кажется, в вино было что-то намешано... Вроде и выпили совсем немного...

— Так бывает, шеф, — сочувственно произнес Энрике, — Я говорил Анне, что не стоит покупать выпивку у того патлатого типа, в подобных компаниях всегда так. Если не наркота, так стимуляторы или еще какая дрянь.

— А...какой патлатый тип, что ты несешь?

— Сеньорита Анна сказала, что обо всем позаботится и я...честно говоря, не хотел вмешиваться, — пожал плечами Гонсало.

У Андрея не было ни малейшего желания выяснять детали того как ушлая парочка накачала химией их с Леной. Вспомнив о словах Звенцовой, Вортов решил проверить, выложенное от его имени, видео. Параллельно он корил себя за то, что не догадался сделать этого вчера. Однако, связи не было. Сеть оставалась не доступной, даже когда Энрике тщательно проверил планшет. У Андрея возникло недоброе предчувствие.

Впрочем, он не стал строить догадки на пустом месте, решив дождаться окончания карантина, которое и наступило через четыре дня.

Но, не смотря на желание разобраться в происходящем, сходу понять, что к чему не удалось — личный сетевой профиль Андрея оказался завален тысячами сообщений. Кроме того, пропущенными значились четырнадцать видеозвонков от Инги, четыре от Готлиба и аж сорок девять от Макса. Решив разобраться в ситуации в спокойной обстановке, он велел Энрике собираться. До ближайшего города было всего несколько часов езды.

— Кстати, шеф. Готлиб велел мне возвращаться в Вавилон, при первой возможности. Что там с нашими планами? — поделился новостями Энрике, с собственного планшета проверявший свою почту.

— Я еще не смотрел, слишком много всего. Доедем до Равнича, устроимся в гостинице, а там можно будет вдумчиво во всем разобраться, — ответил Андрей, нервно барабанил пальцами по рулю.

— Как скажешь, шеф, — кивнул Энрике, а затем, глядя в планшет, присвистнул: — Массовые демонстрации в Вавилоне. Беспорядки на втором и третьем уровнях. Судебный иск Зеты Ковальски к пятому каналу. Экстренное заседание Планетарного Конгресса и выступление спецпредставителя ООН. Ого, кажется, мы многое пропустили!

Это несправедливо, стоило нам умотать на другой континент, как прямо у нас дома происходят сенсационные события!

Андрей внутренне заледенел, стоило лишь ему услышать про Зету Ковальски. Что-то подсказывало ему, что он в очередной раз умудрился вляпаться и, что самое обидное, он лишь смутно представлял каким образом.

— Доедем...а там, разберемся, — хрипло просипел Вортов и, сжимая одеревеневшими

руками руль, выехал за пределы лагеря.

За три с половиной часа пути у Андрея было достаточно времени, чтобы придти в себя.

К тому времени, Энрике уже выловил в сети многочисленные ссылки на виртуальный блог Вортова, где помимо видео от Лены, был также опубликован материал, полученный от Хона. Проблема была в том, что с момента, как они покинули поселение J-117, этого материала у него уже не было. Даже в виртуальных хранилищах, если допустить взлом.

Согласно плану, люди Джунтуна должны были переслать видео в один из анонимных файлообменников. Из всего вышеперечисленного следовал один вывод — история с видео от Хона была подставой от начала и до конца. Был ли он целью или всего лишь средством совершенно неважно, свою долю неприятностей он непременно получит.

В момент, когда Энрике начал читать наиболее популярные комментарии к видео с мертвой Зетой Ковальски, Андрей осознал две вещи: во-первых, сто к одному — он уже уволен, что объясняло проблемы с доступом к сети через спутник канала, а во-вторых, ему оставалось лишь молиться, чтобы его проблемы ограничились лишь увольнением.

Но то ли дело было в том, что в богов он не верил, то ли причина для чуда была слишком ничтожной, но уже по приезду в Равнич, поспешивший поскорее просмотреть почту, Андрей узнал, что помимо увольнения с канала, а также сопутствующего иска за размещение, купленной на деньги канала, информации в открытый доступ, он получил уведомление о том, что его дело рассматривал общественный совет Вавилона в связи с массовыми беспорядками. В случае если его признают причастным, а он был уверен, что так оно и случится, это означало лишение гражданства самого крупного и процветающего города одноименной планеты, а также превращение в практически бесправное существо. Иными словами, это означало полный крах привычной жизни.

Дальше события развивались стремительно. Андрей устроился в небольшом отеле и попрощался с Энрике, который решил не задерживаться в городе, чтобы не усугублять неловкость ситуации, в которой они оказались. Глядя на уезжающую вдаль черную машину, Андрей мысленно сплюнул и перевернул новую страницу своей жизни.

Равнич был небольшим городом, в нем насчитывалось не более ста тысяч жителей, однако по меркам сектора вольных поселений, он мог соперничать с Бангзом, непризнанной столицей сектора. В отличие от большинства соседей, Равнич был не просто разросшимся шахтерским городком, как раз наоборот, крупных шахт в окрестностях не было, но настоящим перевалочным пунктом на запад и юго-запад, то есть в КНР и корпоративный сектор, соответственно. А это значило, что самыми главными зданиями здесь считались железнодорожные вокзалы, речной порт, а также здание биржи, являвшееся третьим столпом экономики города. Местная архитектура следовала в русле местной экономики.

Многоэтажная застройка в центре, не выше пяти этажей, там же располагались вокзалы и всевозможная развлекательно-туристическая инфраструктура, которую и должны были обслуживать жители близлежащих домов. На севере, вдоль трассы, располагались коттеджи более состоятельных граждан, там же находилось полицейское управление и, как ни странно, мэрия. Исторический центр был отведен бирже.

На юге, за рекой и разводным мостом, объединяющим обе части города, располагались речной порт, склады и, прилегающие к последним, жилые кварталы. Вообще, склады здесь были везде — на юге, на западе, на востоке...и даже в респектабельных кварталах северной части располагался арсенал местных сил самообороны. Андрей неспешно бродил по широкому тротуару, слушая шелест листьев и пытаясь выбрать место, где можно

расслабиться и обдумать сложившуюся ситуацию. В конечном итоге, он словно былинный богатырь, оказался на распутье, поглядывая то на затрапезный вид бар, то на небольшую кофейню с летней террасой. Немного, подумав, Вортов направился прямо, к автомату, предоставлявшему услуги оперативной полиграфии. Разобравшись с крайне дружественным интерфейсом, он ввел необходимые данные, внес оплату и через минуту получил небольшой круглый значок, надпись на котором, в буквальном смысле черным по белому, гласила: "Думать членом опасно для жизни".

Недолго думая, Андрей прицепил сувенир к правому карману уже порядком засаленной штормовки и неторопливо побрел в сторону кофейни.

"Кофе не дает ответов на вопросы", — меланхолично отметил для себя Андрей, который чуть раньше по той же самой причине отверг алкоголь. Он ожидал, некоторого просветления в голове, но беда была в том, что оно ему было и не нужно. Поскольку Вортов предельно четко осознавал не только всю глубину проблемы, но и возможные пути...нет, не решить, но хотя бы слегка сгладить ситуацию.

Так прихлебывая отличный, молотый вручную кофе, словно это обычное растворимое нечто из искусственного сырья, Андрей просматривал отправленные Максом сообщения.

Конечно, многое он уже знал, но письма позволили дополнить недостающие части мозаики. И сейчас Андрей пытался сложить все кусочки воедино.

Итак, в ту злополучную ночь в его виртуальном блоге была опубликовано видео Лены, которая не пожелала вводить в чужом устройстве данные своего аккаунта. Это объясняло звонки Инги, дура Звенцова не придумала ничего лучше, чем записать вступление в одной простыне. Рейтинг поднимала. А то, что во время записи на заднем плане мирно посапывал Андрей лишь добавляло пикантности картины. Далее, через полчаса появился следующий пост — как раз то самое скандальное видео от Хона. При том, что на устройстве самого Андрея его не было и быть не могло. Конечно, тут он и сам сгупил, оставив, отдав планшет в чужие руки с режимом гостевого доступа, но при этом оставив все аккаунты активными, но вопрос с появлением того видео остается открытым. Могла ли Лена — это сделать? Запросто, но зачем? Если предположить, что ее через некоторое время также срубило, то добавить запись мог кто угодно. Единственной зацепкой остается, патлатый парень, у которого Анна покупала вино. Нужно будет потом расспросить их обоих.

Далее начинаются события, имевшие к Вортову лишь опосредованное отношение. В течение десяти часов после появления записи начинаются масштабные беспорядки в Вавилоне с десятками человеческих жертв. Выступления явно срежиссированные, плюс откуда-то возникают массовые вбросы о клонировании, хотя видео не дает сто процентного указания на суть происходящего. К тому же в сети, после его появления обсуждались самые разные версии. Ну а дальше, судя по письмам Макса, последовали скандал с Зетой Ковальски, судебные иски от самой зеты, пятого планетарного канала и администрации Вавилона, в связи с чем все его счета были заморожены, до разрешения споров в суде. На первый взгляд ситуация выглядела прескверно, однако Андрей не отчаивался. Факт появление видеофайла на планшете с внешнего устройства был легко доказуем. А вот доказать тот факт, что это видео вообще когда-то у него было будет сложно. Вряд ли Хон станет давать показания, а если и станет, то веры ему нет. Лена, если конечно все это нее ее рук дело, что маловероятно, но все же возможно, даст показания в его пользу. И на этом, собственно все. Это автоматически решало проблему с иском Ковальски и с иском пятого канала, правда во втором случае не в его пользу. Но тут уж ничего не поделаешь, придется

расстаться с большей частью сбережений и выплатить шестьдесят тысяч амеро. Неприятно, но за возможность выпутаться из подобного переплета, Андрей был готов пойти и не на такое. Останется лишь выяснить, кто же это ему так удружил?

Легкая вибрация планшета, прервала мысли Андрея. Оказалось, он получил новое сообщение с гостиничного приложения, в котором сообщалось:

"Уважаемый постоялец, извещаем вас, что сегодня в двенадцать пятьдесят пять на ваше имя поступило сообщение из полицейского управления города Равнин."

Далее была размещена ссылка на текст сообщения:

"Господин Вортов, с прискорбием извещаем вас о том, что сегодня в двенадцать часов десять минут, на улице Речная "14А" было обнаружено тело. В ходе генетической экспертизы и сравнения образцов с базой планетарного комитета по охране правопорядка, было установлено, что тело принадлежит господину Энрике Гонсало. В ходе предварительного следствия было установлено, что вы являетесь единственным человеком городе, лично знавшим жертву.

Просим вас прибыть по нижеуказанному адресу для дачи показаний и последующего опознания не позднее пятнадцати часов по местному времени. Младший инспектор Луис Хайме".

Ну вот, а он то думал, что сегодняшней день не может быть хуже.

"...Таким образом, вольные поселения меняют частичку суверенитета на собственную легализацию. Без лицензии планетарной комиссии по охране правопорядка любые действия местных правоохранителей считаются незаконными, а решения судов ничтожными".

"Политическое обозрение", выпуск N 200.

Полицейский участок Южной стороны оказался трехэтажным бетонным зданием, если и выделявшимся на фоне невзрачных соседних зданий из кирпича, то лишь в худшую сторону. Вообще южная часть города резко контрастировала с другими районами. Явственные следы вандализма в виде испорченных камер видеонаблюдения, раскуроченных кофейных автоматов и, спешно покрашенных коммунальными службами, граффити. Притом, разноязычные надписи вроде: "Да здравствует конфедерация", коммунальщики не закрашивали то ли из солидарности, то ли по еще какой-то причине.

В общем, Андрей решил не устраивать экскурсий по району и направился к полицейскому участку, где после тщательной проверки, ему указали, как пройти к кабинету младшего инспектора Хайме.

По устоявшейся в пределах планеты традиции, кабинет был совершенно пуст, помимо стола, на котором были размещены: проектор от компьютера, сканер отпечатков и устройство для забора крови и экспресс-анализа ДНК. Из личных вещей — старомодная бумажная записная книжка, да пластиковый флажок с тридцати семью золотыми полосами, образующими перевернутый конус на белом фоне.

"Еще один сторонник конфедерации. И не стесняется открыто это демонстрировать", — подумал Вортов, — "Однако же, многое изменилось с тех пор, как я в прошлый раз был в этих краях".

Это следовало обдумать, но позже, сейчас перед Андреем стояли более приоритетные задачи. Пока же он отметил, что в, не по должности массивное, кресло, была встроена вирткапсула, что, в сочетании со специальным покрытием на стенах, означало, что, погрузившись в виртуал, инспектор мог работать в роскошнейшем дворце, окруженный гаремом. Впрочем, Хайме не производил впечатления человека, который станет развлекаться в служебное время. На первый взгляд, Андрей оценил его возраст между двадцати шестью и двадцати восьмью. Одет он был в стандартную полицейскую форму, с треугольниками и галкой на погонах и шевроном с изображением герба Равнича — солнца полу охваченного водяной петлей Тонкие усы, зализанные назад, лоснящиеся гелем черные волосы и убийственно серьезные карие глаза завершали подчеркнуто официальный образ служителя закона.

Хайме в свою очередь, внимательно осмотрел Андрея, неодобрительно сморщившись, глядя на заросшее лицо, грязные волосы и засаленную куртку. В общем, выглядел он сейчас — бродяга, бродягой.

"Эх, не умею я презентовать себя во время встреч тет-а-тет", — равнодушно заметил Андрей и первым начал разговор:

— Добрый день, Андрей Вортов. Получил ваше сообщение и прибыл, как только смог.

— Присаживайтесь, — кивнул инспектор на единственный свободный стул в кабинете. — Возможно, стоило дать вам привести себя в порядок после долгой дороги, но у нас здесь убийство на руках, сами понимаете...

— Да, да... Вы сказали, это было убийство?

— Машину буквально изрешетили. Эксперты установили время смерти — одиннадцать пятьдесят восемь. В двенадцать десять обнаружено тело. И автомобиль, естественно. Как водится, все окрестные камеры выведены из строя. Свидетелей нет. — Чеканил слова Хайме, глядя в лицо Андрею. Он явно не собирался скрывать, тот факт, что его отнюдь не радует тот факт, что возложенное на него расследование убийства какого-то чужака, который и трех часов в городе не пробыл, его совершенно не радовало.

Вортов не понял причины внезапного раздражения инспектора, но поскольку давления не выносил, то решил, что сотрудничество возможно и без взаимной вежливости:

— Желаете добавить что-то еще?

— Нет, но хотел бы прояснить пару моментов, — ответил Хайме, а в его глазах явственно промелькнул гнев, но, несмотря на это, говорил он все тем же ровным, безразличным тоном: — В вашем досье, полученном нами из архива планетарной комиссии по охране правопорядка, указано, что ваша воинская специальность — "младший специалист радиоэлектронной разведки", а значит, вы должны иметь представление о том, что это такое...

С этими словами инспектор бросил на стол небольшой пластиковый пакет для сбора улики, в котором находился черный кусок пластика непонятного назначения.

— Так вы узнаете этот предмет? — поторопил Хайме.

— Впервые вижу, — честно сказал Андрей. — Что это такое вообще?

— Ну, наши специалисты утверждают, что это устройство слежения. Радиомаячок.

— У... устройство слежения? — изумился Вортов. Насколько он знал, даже гражданские модели приборов подобного назначения не всегда можно было заметить невооруженным глазом.

— Именно, — кивнул инспектор, а затем внезапно сменил тему. — Скажите, могли ли вы назвать покойного своим другом?

— Пожалуй, что, нет. Мы были коллегами — ни больше, ни меньше.

— Печально все это, — заметил Хайме, с задумчивым видом, рассматривая Андрея, который закономерно спросил:

— Отчего же? Или у вас здесь дружба всем коллективом обычное дело?

— Что? — вышел из задумчивости Хайме и впервые с момента начала разговора, слегка улыбнулся. — А, нет, я не о том. Мне просто жаль, что отличный подозреваемый имеет идеальное алиби. Вы не представляете, от скольких проблем бы меня избавили, если бы во всем сознались. Видите ли, у нас, на Южной стороне, конечно, пошаливают, но, чтобы среди бела дня расстрелять машину из автомата... только за большие деньги. По местным меркам, разумеется. Таким образом, я могу предположить, что, вероятнее всего, имеет место быть

заказное убийство. В городе ваш коллега был в первый раз и за пару часов вряд ли успел кому-то настолько насолить.

— Логично, — признал Вортов. — Но почему я оказался в подозреваемых?

— От отчаяния, — махнул рукой Хайме, — больше то некого. Да тут еще маячок этот. Явная кустарщина, а скорее даже самодельный. Сделанный из подручных материалов скорее всего, тут то ваша военная специальность... Скажите, а в России правда такая у всех есть?

— Да, — кратко отозвался Андрей, но затем решил пояснить. — Параллельное образование на всех уровнях. Идеология осажденной крепости и все такое.

— Любопытно, — понимающе покивал инспектор, а затем перешел к делу. — В общем, ознакомившись с материалами дела я пришел к выводу — в ближайшее время повышение мне не светит. Смерть господина Гонсало припишем шайке залетных грабителей. Дело будет закрыто, а сейчас вам в левое крыло на первый этаж. Оpozнание, бумаги. В общем, пустая формальность.

Андрей был, мягко говоря, несколько удивлен подобным заключением и потому задал довольно наивный вопрос:

— И что, все и останется... так?

Хайме вновь всмотрелся в лицо Андрея, а затем, как-то устало, пояснил:

— Поймите, за пределами этого город я бессилён. Заказ, вероятно, был размещен в серой зоне сети. Маячок наводил охотников за головами на цель и если их не взять, то даже теоретических шансов найти заказчика нет. Можно, конечно начать искать тех, кто установил маячок, но, как я уже говорил, за пределами Равнича я бессилён. Его могли установить в карантинном лагере, и тогда мне придется рассылать двести семьдесят два запроса. И полиция по месту жительства опросит всех этих людей. Или пришлют отписку. Не знаю. Что я знаю — служащие корпорации на запрос не ответят, а уж про зону племен и вовсе молчу. У меня просто нет ресурсов, и начальство никогда не выделит их на расследование смерти человека, который даже не был гражданином нашего города.

— И что же делать?

— А ничего. Сейчас мы запишем для протокола ваши показания, затем идете на опozнание и на этом все.

— Забавные у вас порядки. А что если это не он?

— Думаю, не только у нас, — пожал плечами Хайме. — Генетический тест не обманешь. Ну, а если обманешь и в морге действительно не он, то это поднимает дело на такой уровень, что теперь уже не только мне, но и всей полиции города ресурсов не хватит... Думаю, пора бы уже перейти к делу.

Так они и поступили. После того как Андрей подтвердил на камеру, что не знал о возможных врагах Энрике и вообще ни о чем не догадывался, а затем позволил взять образец ДНК и уже собирался, было, покинуть кабинет, инспектор окликнул его:

— Да, еще одно. В вашем электронном паспорте стоит отметка о приобретении оружия...

— Да, приобрел "Крайз", по случаю, подтвердил Вортов.

— Серьезно, — уважительно заметил инспектор. — Так вот, держите оружие при себе. У меня нет никакого желания получить в нагрузку еще один висяк, мы поняли друг друга?

— Чего уж тут не понять, — ответил Андрей и, не прощаясь, покинул кабинет.

После этого настал черед формальностей, как выразился Луис Хайме. Может, для него так оно и было, но глядя на развороченную шею Энрике, он почувствовал горечь удушающей

обыденности происходящего.

Авторизация подтверждающей формы через индивидуальный сетевой профиль заняла меньше минуты и на этом земной путь отца трех дочерей и хорошего оператора Энрике Гонсало официально завершился. Андрею тут же, на месте, удалось договориться о кремации, с тем, чтобы он мог отвезти прах вдове покойного. Много времени это не заняло, и вскоре Андрей уже покидал полицейский участок. Уже по дороге к ожидавшему такси, он отметил, что в своем теперешнем виде он не слишком выделяется среди местной празднующей публики. И Вортов решил, что это шанс...

Возможно, "своему", эти люди расскажут больше, чем полиции...

С этими мыслями, Андрей вернулся в гостиницу и, проигнорировав несколько видеозвонков от Макса, положил пистолет во внутренний карман куртки. Кроме того, карман внешний он забил всякой ерундой, чтобы уличные камеры не смогли распознать форму оружия под одеждой. Конечно, у него было слепленное Джунтуном разрешение, но каждый раз объясняться с полицией было бы утомительно.

Возвращение на южную сторону значительно отличалось от первого посещения. Во-первых, на этот раз Андрей предпочел доехать до места назначения на метро, что в итоге вылилось в близкое знакомство с самым депрессивным районом Равнича. Так, к моменту, когда Вортов добрался до места убийства, о котором знал из новостей, он успел убедиться в том, что во дворах, удаленных от главных дорог, коммунальные службы выполняли свою работу не слишком старательно, да еще и понаблюдать аж за тремя пикетами против сокращения рабочих числа рабочих мест. Во-вторых, местные жители оказались менее разговорчивыми, чем он рассчитывал да к тому же многие из них оказались чересчур конфликтны. А когда он сменил подход и начал предлагать по тридцать амеров в обмен на интересные его ответы, люди начали смотреть на него странно. Вортов знал, что подобное поведение дурной признак, но всю глубину своей ошибки он осознал лишь, когда решил в последний раз попытать счастья в ближайшем питейном заведении.

"В конце концов, я ведь не собираюсь играть в героя, но оценить степень угрозы жизненно необходимо" — успокаивал себя Андрей, подходя ко входу в подвал с непонятной надписью на хинди, но вполне очевидной расшифровкой на английском — "дешевое пойло". Просто и понятно

Вопреки невзрачной вывеске, внутри все выглядело вполне прилично, плакаты с изображением героев популярных фильмов, вставленные в рамку буддистские изречения и прочие украшения висели на стенах на всем пути от входа, вдоль лестницы, до небольшого курительного тамбура рядом с туалетом и какими-то техническими помещениями. Еще одна, более короткая лестница вела непосредственно в бар, где на площади приблизительно в тридцать квадратных метров размещалась барная стойка и восемь деревянных столиков.

— Гляди, это тот придурок, который обещал тридцатку любому, кто расскажет ему про замороженного Крейга! — пьяно "зашептал" один из двух посетителей в издавшей виды рабочей спецовке.

Андрей, расслышавший фразу с другого конца помещения, почувствовал себя крайне неудобно. Второй посетитель, что-то торопливо зашептал своему набравшемуся приятелю и потянул его из-за стола.

— Хама, запиши на мой счет! — почти выкрикнул пьяный посетитель.

— У тебя нет счета, Фрэнк, — флегматично ответил бармен, лысый индус

неопределенного возраста, похожий на снимки молодого Ганди. Не переставая тереть пивную кружку, он добавил. — Либо плати или отработывай долг у Фазула, ты знаешь правила.

— Я заплачу, — заверил второй посетитель. И вскоре на электронном табло, возле полок с бутылками, появилась информация о проведенном платеже.

Бармен, не отрываясь от своего занятия, все также флегматично кивнул, а парочка посетителей поспешила покинуть заведение.

Андрей подошел к барной стойке и начал устраиваться на стуле, когда индус произнес:

— Неприятности.

— Простите? — удивленно спросил Вортов.

— Ты несешь неприятности в мой бар, — пояснил Хама, оторвавшись от стакана и взглянув на клиента, — Впрочем, мне все равно. Что будете пить? Могу предложить пиво из Бангза, всего десять центов за кружку. Могу и чего покрепче налить.

— Пиво искусственное? — спросил Андрей, проигнорировав второе предложение. Судя по всему, напиваться сейчас явно не следовало.

— По десять центов, — ответил Хама.

— Понятно, — сказал Вортов и выложил на стойку три бумажки по десять амеро. — Но меня вообще не пиво интересует.

Бармен спокойно сгреб купюры со стола и произнес:

— Еще двадцатка и узнаете кое-какие интересные подробности.

Андрей молча положил на стол еще две купюры. Хама кивнул, повторил операцию с купюрами и начал рассказ:

— Зря вы продемонстрировали интерес к тому покойнику. У нас здесь уже пару дней слухи ходили, что в серой зоне награду объявили за двух человек, что будут проезжать через город. Для здешнего люда это событие. Целых пять тысяч амеро, не выходя из дома. Время то непростое. Многие в охотники подались, и бывает, на другой континент едут заработать. А здесь и ехать никуда не надо. В общем, зря вы здесь объявились. Теперь любому понятно, что вы и есть тот второй. Ну, кому еще есть дело до мертвого чужака? Теперь отморозенный Крейг не успокоится, пока дело не закончит. Такой шанс упускать не станет, точно вам говорю.

— Так, Энрике убил этот ваш Крейг, я правильно понимаю?

— Все верно, — кивнул Хама, — его стиль. Автомат "Хорст-240", уродец производства сектора J, семьдесят патронов с гильзами из бытового пластика. Чистая лотерея. Так вот Крейг получил свое прозвище за то, что завалил вождя племени Кхари и всю его свиту одной очередью. Повезло, в каком-то смысле. Правда сделал он это во время переговоров и теперь в зону племен вход ему заказан. Но тут ведь еще решиться надо с таким дерьмом стрелять — одна осечка и все, каюк...

— И как мне найти этого Крейга? — спросил Андрей, осмысливая новую информацию.

— В этом нет необходимости, — пожал плечами индус, — у меня мини-камера за вывеской. Он уже идет сюда. Бегите наверх, к подсобке. Там будет лестница. Это я из квартиры в полу люк пробил. Можешь пока там отсидеться.

Андрей счел такой вариант более чем приемлемым и, соскочив со стула, кинулся к лестнице, ведущей наверх. Но стоило ему только ступить на лестницу, как дверь наверху со стуком распахнулась, и в бар вломился абсолютно киберпанковского вида мужик.

Пару секунд они смотрели друг на друга с разных концов длинной, ведущей в бар

лестнице. Вортов успел разглядеть наиболее выделяющиеся детали: татуировку в виде нескольких переплетенных между собою спиралей, занимавшую левую половину несколько одутловатого лица, пирсинг в левой ноздре и высокий фиолетовый ирокез.

Поединок взглядов был очень коротким, а после события начали развиваться по самому неблагоприятному для Андрея сценарию. Вошедший распахнул полы длинного зеленоватого плаща из псевдокожи и достал автомат в человеческую руку, со складным прикладом и нерационально длинным магазином в форме полумесяца.

Андрей не пытался бежать, в узком пространстве лестничного коридора это было равнозначно самоубийству. Вместо этого он из-за всех сил оттолкнулся ногами от ступеней и прыгнул спиной вперед, чудом разминувшись с аркой дверного проема. Мгновения спустя по всему бару разнесся оглушающий грохот выстрелов, а по нижним ступеням застучали пули, выбивая бетонную крошку и с глухим звоном уходя в рикошеты. Затем все стихло.

— Крейг, какого хера ты творишь! — закричал Хама, не выходя из-за барной стойки. — Полиция будет здесь через пять минут, убирайся прочь!

— Ты думаешь я debil, Хама?! — послышался голос от входа в бар, а вместе с ним и тяжелые шаги. Андрей торопливо укрылся за ближайшей стенкой и стал суматошно расстегивать штормовку, чтобы дотянуться до пистолета. Тем временем, Крейг продолжал. — Эти придурки сейчас заняты поиском того, кто взорвал бомбу возле офиса компании "Перевозки Равнича". И вот ведь сюрприз, ни взрывника, ни убийцу журналиста они не найдут! Потому что через пять минут меня уже здесь не будет! А через двадцать и в этой поганой дыре. Два дела в один день — удачный день для Крейга! Получу свое бабло и поеду отрываться к латиносам в Монтевидео!

В этот момент раздалось громкое металлическое клацанье — Андрей, справившись с курткой, передергивал затвор крайза. Шаги на лестнице приостановились. Судя по звуку, убийца остановился в тамбуре и не имел желаний спускаться к, внезапно не беззащитной, жертве через единственный узкий проход.

— Хама... — с хрипотцой в голосе обратился к бармену Крейг, — ...как я уже сказал, у меня сегодня удачный день и я не прочь поделиться. Не вмешивайся, и половина награды твоя. Подумай, два с половиной куса на дороге не валяются.

— Это так, — спокойно ответил бармен, и Андрей, все также прижимаясь спиной к стене, чуть повернул руку, чтобы, в случае чего, первым пристрелить индуса, если тот окажется чересчур жадным. — Но я вижу здесь целых три проблемы.

— Целых три? — весело отозвался Крейг. — Озвучь же их поскорее, чтобы могли прийти к компромиссу! Как ты и сам заметил, я спешу!

— Во-первых, этот господин уже обещал мне тысячу амеров за помощь, — пристально глядя на Вортова, сказал Хама. Тот лишь судорожно кивнул. Дважды.

— Давай не тяни! — поторопил убийца.

— Во-вторых, — все так же неспешно тянул индус, — ты действительно придурок, Крейг. Если не врешь про взрыв, то, как террорист, попадешь в планетарные базы, а значит, ты либо сядешь, либо просадишь всю заначку на пластику и изменения в ДНК. И если последнее тебе удастся, то у тебя не будет денег, чтобы вернуть должок, а у меня возможности тебя отыскать.

Крейг в тамбуре сдавленно матерился. Андрей решил, что мысль о терроризме не приходило тому в голову. И он увидел шанс разрешить конфликт относительно мирным путем.

— Эм, господин Крейг? — осторожно обратился Вортов — Насколько я понимаю, вам понадобятся деньги. И если за мою голову вам предложили тысячу амеро, то за информацию о нанимателе я готов предложить десять!

"К счастью, о блокировке моих счетов ты знать не можешь", — Подумал, между тем, он.

— Бля! — с веселым изумлением воскликнул Крейг. — Хама, ты слишком много болтаешь. А что касается тебя, дружок, то заказ размещен в серой зоне, а там, брат, анонимность полная. Ну, ладно, пора завязывать с этим спектаклем. Хама, ты уж скажи напоследок какая третья проблема, а то вы ж сдохните, а я потом мучайся от любопытства...

— Да просто все, Крейг, расклад сегодня не твой.

С этими словами, Хама стремительно вытащил, откуда-то из-за стойки пистолет и, перепрыгнув через препятствие, опустился на одно колено, с тем, чтобы видеть курительный тамбур и быстро произвел четыре выстрела. Укрывшийся за стенкой Крейг заорал: "А это мы еще посмотрим!" и выдал длинную, патронов на двадцать очередь.

Пули бессильно утыкались в дешевый пластиковый паркет бара, и вскоре Андрей осознал, что ситуация превратилась в классический позиционный тупик. Ни одна из сторон не могла причинить вред другой без выхода на лестницу и, как следствие, весьма высокой вероятности получить пулю. Но время было на стороне защищающихся, поскольку приезд полиции ожидался с минуты на минуту. В общем, на текущий момент пат более чем устраивал Андрея, однако у его неожиданного напарника было свое мнение.

Жестами он указал на пистолет Вортова, который пока еще даже ни разу не выстрелил, а затем изобразил необходимость поддержать его огнем. Сначала Андрей думал, что Хама планировал просто сменить магазин, но, когда он, сменяя отстрелявшего еще три патрона индуса, высунулся в лестничный коридор, к нему пришло понимание замысла напарника.

Крейг, так же, как и его противники, укрывался за кирпичными стенами подвального помещения. Угол курильного тамбура надежно укрывал убийцу от пуль Хамы. Но для крайза Вортова полкирпича не было препятствием.

"А ведь бармен то сразу сообразил", — с досадой подумал Андрей, ухватившись за рукоять пистолета двумя руками и тщательно выцеливая то место, за которым должен был укрываться Крейг.

Выстрел прозвучал оглушительно громко. В воздухе сразу запахло химией, применявшейся в патронах для крайза вместо пороха. Секунду ничего не происходило, а затем послышался стук металла об бетон и оружие убийцы, вывалившись на лестницу и влекомое весом непропорционально большого магазина, со звоном покатилося по ступеням вниз.

Крейг не подавал признаков жизни, и Андрей, двинулся было вперед, держа оружие наготове.

— Не трогай его, сам сдохнет, если уже не помер, — настиг его внезапно голос Хамы. — Давай мы с тобой лучше пропустим по стаканчику абсента, и обсудим мое вознаграждение. А с этой падалью копы и сами разберутся.

"...Общественный контроль является одним из столпов современной демократии. В Валионе, мы можем по праву гордиться тем, что данный институт пронизывает практически все сферы нашего общества. И хотя многие, считают, что процедура лишения гражданства — настоящее варварство, подобно изгнанию в древнегреческих полисах, но, я убежден, что мы не можем позволить подонкам, подрывающим устои нашего общества..."

"Политическое обозрение", выпуск N 1027.

С момента покушения прошло каких-то два дня, а Андрей вот уже в третий раз изменил свое мнение о младшем инспекторе Хайме, которого и видел то всего один раз. На первый взгляд этот полицейский производил впечатление служаки и хорошего профессионала, но по итогу расследования смерти Энрике, Вортов посчитал, что переоценил его и тот, как максимум, является небесталанным карьеристом, стремящимся спихнуть проблемы куда подальше. И вот, после того, как он подстрелил охотника за головами, его мнение о инспекторе вновь поменялось. Вернее, поменялось оно после того как он столкнулся с другими представителями правоохранительных органов Равнича, которые, не особо заморачиваясь, записали смерть Крейга как успех их собственной контртеррористической операции. Разумеется, это произошло уже после того, как тот был идентифицирован как подрывник, а до того толстый, неряшливо одетый инспектор успел изрядно помотать Вортову нервы, не слишком тонко намекая на возможность замять все дело за определенную сумму. Но, как уже было сказано, дополнительных расходов не потребовалось. Более того, Хаму удалось убедить ограничиться вознаграждением в пять сотен амеро, к которым прилагался, сослуживший добрую службу, крайз.

После недолгих раздумий индус согласился, что, в свете заморозки счетов и растущим долгом перед Максом, показалось Вортову даром небес.

В общем, история с покушением окончилась практически хэппи эндом. Единственным, что омрачало настроение Андрея была неизвестность, ведь он мог только предполагать найдутся ли еще желающие получить пять тысяч амеро в обмен на его голову.

Однако, по мере того как возвращение в Вавилон становилось все ближе, Вортов начинал осознавать, что возможность покушения отходит на второй план, перед той волной судебных исков и общественных слушаний, которые ждали его по возвращении домой.

Уклончивые обещания Макса, который по совместительству был его адвокатом, обсудить ситуацию позже, изрядно давили на нервы. Но, как говорится: "лучше ужасный конец, чем ужас без конца", и вот уже Андрей просыпается в переходной зоне Аэропорта Вавилона.

Первым, что отметил Андрей, стало отсутствие прессы. Нет, не то чтобы в нем проснулась мания величия, но он ожидал, что на фоне прошедших беспорядков, человек, назначенный главным козлом отпущения, вызовет гораздо больший интерес со стороны

СМИ.

"Видимо, тема остыла гораздо больше, чем я предполагал", — с облегчением думал Андрей, усаживаясь в такси. Дорога до дома промелькнула незаметно, несмотря на то, что заняла аж четыре часа из-за пробок. Но, как бы то ни было, спустя вышеозначенное время, Вортов уже выходил из машины и разглядывал песчано-золотистые солнечные панели родного дома. Квартал, в котором поселился Вортов, являлся частью архитектурной композиции "Вавилонская башня" и потому считался довольно престижным. Подобные дома-свечи были на каждом уровне и различались лишь цветом. И все они, от ослепительно белых вилл на побережье до бизнес-центров с позолоченными шпилями были построены с тем расчетом, чтобы многомиллионный мегаполис со стороны залива выглядел единой, золотистой башней, увенчанной многочисленными шпилями на каждом уровне. Андрею очень дорожил своим жильем, ведь для него оно стало не просто местом обитания, но символом того, что он смог отвоевать для себя не последнее место в новой жизни, которую начал практически с нуля. Но, как это обычно в жизни и бывает, его счастье не было полным. До окончательного закрепления в рядах обеспеченных граждан вольного города Вавилон ему оставалось выплатить банку около трехсот тысяч амеро — четверть от первоначальной суммы, которая, несмотря на всю ее внушительность, была попросту смехотворной по сравнению с нынешней рыночной стоимостью его жилья.

Что, в свете текущих проблем, а, в особенности, перспективы лишения гражданства, не ускользнуло от внимания банка, откуда уже который день шел поток сообщений с предложениями "от которых нельзя отказаться".

Впрочем, размышлять над этим Вортов не стал, а просто поднялся к себе домой, заказал пиццу и стал дожидаться Макса., который обещал появиться, как только он объявится в городе.

Ждать пришлось всего сорок минут. Как бы подчеркивая серьезность ситуации, Макс, для разнообразия решил воспользоваться общественным транспортом, и теперь его потная раскрасневшаяся физиономия с укором смотрела на Вортова. В руках у него была упаковка баночного пива, которую он кинул на журнальный столик и, не утруждаясь приветствиями, тут же вскрыл.

Андрей терпеливо наблюдал за тем, как его лучший друг, торопливо опустошает первую банку со скоростью, не позволявшей наметившемуся второму подбородку синхронизировать движения с первым. Сам же хозяин, тем временем устроился на диване, стоявшем напротив почти двухметровой выемки голографического амфитеатра. Когда, гость наконец утолил жажду, Вортов перешел к делу:

— Ну?

— Жопа, — лаконично ответил Максим, подражая другу, одновременно устраиваясь в кресле и прижимая к себе упаковку с пивом. Впрочем, одной банкой он все же поделился с хозяином, который едва успел перехватить летящий в него предмет.

— А поконкретней?

— Конкретно все написано в тех файлах, что я тебе прислал. Но, поскольку, подозреваю, тебе было не до этого, постараюсь как можно четче обрисовать ситуацию. Но сперва, два вопроса — как оно, того стоило?

Вортов мгновенно понял, о чем идет речь. На видео с полуодетой Звенцовой его разомлевшая туша на заднем плане была видна вполне отчетливо.

— Не стоило, Макс. Ни тогда, ни тем более, сейчас. Сам не знаю, что на меня нашло.

— Да брось, столько лет...больная тема...а ты взял и сделал!! — с придыханием твердил Макс, открывая вторую банку. Пожалуй, для полноты картины ему не хватало только патетически вскинуть палец вверх, но руки, в этот момент, у него были заняты. — Вообще, завидую тебе. Ты живешь, словно герой фильма... Серьезно, этот Крайг или как там его... Он ведь у тебя какой по счету, третий?

Внезапно Андрею стал неприятен этот разговор, а особенно ему не понравился блеск в глазах друга, когда тот говорил об убитых Вортовым людях.

— Приключения это конечно здоров, только вот по итогу я оказываюсь по шею в дерьме, — раздраженно ответил Андрей. — Давай сосредоточимся на том, как меня из него вытащить.

— Эх, хотел бы, и я...

— Макс! — оборвал друга Вортов.

— Да все, все...все, — ответил тот и сделал пару шумных глотков из банки. — Короче, в каком-то смысле все не так плохо, как кажется, пока я с тобой судебная машина тебя не раздавит.

— Ты ведь сказал, что ситуация...Поясни.

— Да, конечно, — сосредоточился на деле Максим и поставил недопитую банку на пол, рядом с креслом. — Хорошая новость в том, что повесить на тебя подстрекательство к мятежу властям не удастся. На видео хорошо видно, что ты в полной отключке. Плюс Звенцова на днях дала показания. Произошедшее что угодно — технический сбой, злонамеренные действия третьих лиц, но никак не умысел. У обвинения нет шансов. Начнут продавливать дело, и твои коллеги их с потрохами съедят. Сегодня тебя посадят, завтра кого угодно...

Андрей понимающе кивнул, мысленно отметив появление в городе Лены и уже начал раздумывать об организации встречи, чтобы обсудить произошедшее. Да и с Анной встретиться не мешало. Тот загадочный патлатый парень из карантинного лагеря все никак не давал Вортову покоя. Пожалуй, он был наиболее удобным кандидатом, если не в организаторы, то в участники покушения. Маячок то однозначно был установлен в лагере, да и вино напичкано химией явно неспроста.

— ...Таким образом, это автоматически отсекает большую часть исков от пострадавших в беспорядках. Но, кто-то же должен быть виноват, понимаешь? Отсюда иск канала...ну, врать не буду, составлен он мастерски — Инга явно затаила обиду, но в корне ситуация выглядит следующим образом. Виноват либо канал, раскапывающий общественно опасные истории, а ты всего лишь жертва обстоятельств. Как максимум, некомпетентный идиот. Либо ты, нагло используя ресурсы канала, заварил всю эту кашу. В этом смысле, их иск о нецелевом использовании средств попытка замазать тот факт, что твое журналистское расследование было санкционировано руководством канала. Здесь я полагаюсь на твою осторожность...ты писал, что предпринял меры, чтобы предотвратить утечку информации. Дашь показания под химией и дело в шляпе. Ты делал свою работу, остальное — воля провидения. Далее идет иск от Зеты Ковальски...но тут ничего не поделаешь, вероятно, компенсацию с тебя сдерут. Конечно, никто требуемого миллиона ей не присудит, но...у тебя как вообще с деньгами?

— Восемьдесят три тысячи на замороженных счетах, — не раздумывая, ответил Андрей. Теперь, после рассказа Макса. Ситуация перестала казаться ему такой мрачной. А тот, тем временем, продолжал:

— Это очень хорошо. Больше двадцати тысяч ей не присудят. Да и мне должок вернуть сможешь, хе-хе, — завершив небольшую речь, Максим, будто празднуя, открыл еще одну банку пива, игнорируя уже начатую.

— Так... — осторожно начал Андрей, — ...в чем же проблема? Тебя послушать и все выглядит просто замечательно.

Макс посерьезнел:

— Ты забываешь про общественный совет. Твое имя пробыло на слуху достаточно долго, так что обсуждение в любом случае состоится. В зависимости от результатов, твое дело могут попытаться решить общим голосованием через сеть. Такое редко случается, это так, но слишком многие пожелали ухватить свой кусок славы, поднять рейтинг ну и все такое. И вот тут возникает такая коллизия. После того как мы тебя отмажем, в глазах общества ты будешь выглядеть некомпетентным идиотом, по вине которого погибли люди. Возмущенные горожане, плачущие перед камерами матери погибших...не мне тебе объяснять. И если будет поднят вопрос о лишении тебя гражданства, а пока все к тому и идет., подобная репутация сослужит тебе дурную службу. Добавь сюда разгневанных фанатов Зеты, желание Инги поквитаться и твои перспективы начинают выглядеть блекло...

— Нужно как-то сбить эту волну, — мгновенно сориентировался в ситуации Андрей. Оценка Макса была верна на все сто. Тема с беспорядками давно остыла и, если не всплывут какие-нибудь сенсационные подробности, не будет никому интересна. За время отсутствия Вортова ее уже успели пережевать сотни раз. Сам же процесс лишения гражданства через процедуры общественного контроля был достаточно редок, чтобы члены совета продавили вопрос просто ради шоу. Суть вопроса вряд ли будет кому-то интересна. Андрей почувствовал себя загнанным в ловушку. Вести медиа-войну против, сосредоточенных в Вавилоне практически в полном составе, представителей планетарных СМИ был самоубийством. С другой стороны, возможно, неверной была постановка вопроса. Кроме пятого канала, ни у кого не было причин топить лично его, и дело могло повернуться по-разному. Но сама неопределенность заставляла не на шутку волноваться. Зато если бы ему удалось перебить самую горячую тему и удерживать внимание публики достаточно долго, то вопрос с лишением гражданства отпадет сам собой. Тема остынет и покажется своре желающих получить с этого какие-то дивиденды малоперспективной.

— Вот в этом то и проблема, — покачал головой Макс. Я тут проконсультировался с Анной, они со Звенцовой на этих общественных делах собаку съели. Так вот, она считает, что эта история с клонами твой единственный козырь. И здесь проблему вижу уже я. Если ты начнешь гнать волну до суда, то вся наша стратегия защиты развалится. После, материал, как у вас говорят, "остынет". Тебе придется раскопать нечто большее, чем малопонятное видео. К тому же, со слов Анны, каждый день истерия с общественным контролем и предотвращением беспорядков будет набирать обороты, а значит, чтобы достичь цели тебе придется собрать что-то действительно убийственное.

Некоторое время Андрей молчал, обдумывая услышанное, а затем обратился к другу:

— Спасибо тебе, Макс. Мне нужно над всем этим хорошо поразмыслить. А ты...пока делай что можешь.

Максим кивнул и поднялся с кресла, намереваясь уходить. В иное время, подобное поведение Вортова могло бы показаться не вежливым, если не сказать больше. Но они дружили уже очень давно и понимали друг друга без слов. Андрею действительно очень нужно было побыть одному.

Итогами долгих размышлений стала, состоявшаяся на следующий день, встреча с Анной Леммех, которая проходила в небольшом кафе в торговом центре на четвертом уровне Вавилона. С первых же секунд, Андрей отметил непривычно нарядный вид женщины. Довольно приличное бирюзовое платье до середины бедер, резко контрастировавшее с сухими блеклыми волосами Анны, туфли на каблуках и удачно сочетавшаяся с данными предметами гардероба маленькая дамская сумочка.

"Кажется, она неверно истолковала мое приглашение", — думал Вортов, мгновенно почувствовавший себя неловко. Сам он был одет в простые синтетические брюки и клетчатую рубашку.

— Хорошо выглядишь, — отпустил комплемент Вортов, лихорадочно ища способ поскорее "приземлить" беседу.

— Спасибо, — улыбнулась Анна. — Я решила, что встреча после стольких лет... Ой, не слушай меня! Я опять несу чепуху! Лучше расскажи, как жизнь.

— Да, кстати об этом... ты, наверное, видела обсуждения в сети. Собственно, поэтому я тебя и пригласил...

— Ах, как жаль, — чуть грустно усмехнулась Анна. — Я думала, что в карантинном лагере обстановка была не слишком подходящей, но..., впрочем, неважно. Как поживает твой напарник?

— Он мертв, — несколько грубовато ответил Вортов. — Я собираюсь, вернуть его прах вдове.

— Соболезную, — кивнула Леммех, — Но тебе стоило озаботиться этим сразу по приезду. В твоей ситуации любая неблагоприятная история может обернуться очень серьезными последствиями.

Андрей кивнул, соглашаясь, и, одновременно, коря себя за забывчивость, поскольку о металлической урне, лежавшей на дне его дорожной сумки, он вспомнил буквально только что.

— Так чего ты хотел? — спросила Анна, потягивая только что принесенный официантом коктейль.

— Меня интересует человек, у которого ты покупала вино в карантинном лагере. Тебе не показалось странным, что оно у него вообще было?

— Нет, я просто воспользовалась ситуацией, — пожала плечами Леммех. — Что же касается того, парня, то он был из наших. Я точно не помню, как его зовут. Карл, или Крис или как-то еще... он присоединился к нам недавно. Могу дать его адрес, если нужно.

Андрей благодарно кивнул и, заплатив за коктейль Анны, отправился на поиски этого самого Криса.

Но как ни торопился Андрей, застать искомый субъект ему не удалось. Нет, физически неопрятный патлатый тип был на месте, в арендованной им крохотной квартирке на втором уровне Вавилона, в которой, конечно же, царил абсолютный хаос, но вот разум его находился в неведомых краях, ведомый какой-то наркотической дрянью, ни запаха, ни цвета которой Вортов не распознал. Управляющий, который за десятку впустил его в квартиру, лишь сплюнул, глядя на развалившегося на полу полуголового нарика и покинул квартиру. Но вот Андрея перспектива уйти, несолоно хлебавши, нисколько не прельщала.

"Да что за день то такой. Сначала эта неловкая встреча с Леммех, потом не менее неловкая передача праха Лауре Гонсало, а теперь вот это", — думал Вортов, со злостью глядя на бесчувственное тело. В итоге он за собственный счет вызвал врача, который вколол

пациенту какую-то дрянь и тот начал подавать признаки жизни.

— А-э-ы, — выразительно пробормотал арендатор квартиры, глядя расфокусированным взглядом на незваного гостя. — Ты кто?

— Тот, кто не дал тебе сдохнуть в луже собственной блевотине, — едва ли не по слогам пояснил Андрей. — И сейчас ты проявишь благодарность и ответишь на мои вопросы, усек?

— А-а-а, — прохрипел нарик, пытаясь опереться на ближайшую стенку, — чего надо?

— Карантинный лагерь недалеко от Равнича, ты помнишь?

Голова наркомана мотнулась, что могло означать все что угодно. Подавив брезгливость Андрей, ухватил того за худое, бледное лицо и, чеканя слова, произнес:

— Равнич. Лагерь. Вино. Где ты взял вино?

— А-ы, — простонало тело, — не помню я. Уматан был. Кажется...

В следующую секунду произошло два события. Во-первых, наркоман, наклонив голову на бок принялся безостановочно блевать, заставив Андрея с матом, отскочить, а во-вторых, в оставленную открытой дверь вошли двое полицейских, в сопровождении управляющего, который, для большей наглядности, указал пальцем на Андрея и заявил:

— Я не знаю, что у этих парней за дела. Но, судя по всему, законностью тут и не пахнет.

"Ну, твою-то мать", — в раздражении думал Андрей. Он был уверен, что уже к вечеру эта история попадет в сеть, дополнив его и так не соответствующий представлениям о добропорядочном гражданине, образ новыми деталями.

К счастью, никаких серьезных последствий не было. Вортову удалось сослаться на Анну, в группе которой и состоял арендатор квартиры, а приводивший наркомана в чувства врач, подтвердил, что его услуги были оплачены из кармана Андрея. На этом полицейские и успокоились, а затем тщательно упаковали наркотики и заодно их владельца, и направились вместе с уловом в участок.

В итоге, единственная хоть чего-то стоящая зацепка оказалась пустышкой. Установить, а тем более изготовить маячок подобный субъект явно не мог. Вино через него мог передать кто угодно. Через некоторое время, Вортов решил не заморачиваться и сосредоточиться на более актуальных проблемах. Но на всем пути до дома, Андрей не переставал мучиться вопросом: "Каким образом этот хандыга доставал в карантине дурь".

Уже дома, Вортов, усевшись на диван, включил голопроектор и начал просматривать дневные новости. К его неудовольствию, интерес к первому за семь лет процессу лишения гражданства не утихал. Всевозможный гражданские активисты старались донести свою позицию по вопросу, который отчего-то внезапно начал их сильно интересовать.

Апофеозом стало выступление главы Церкви Нового Дня Закараиса Смита. Надсказать, что, по какой-то странной причине, католицизм довольно быстро утратил свои позиции на вновь колонизованной планете. Но природа не терпит пустоты, и, возникшая словно из воздуха, новая церковь, с очень близкими к католицизму догматами, перехватила процесс окормления паствы из рук одной из старейших организаций планеты.

Голографический амфитеатр давал возможность зрителю максимально погрузиться в происходящее и теперь, Андрей слушал речь проповедника, будто бы лично находясь в толпе. Это давало ему возможность наблюдать за настроениями захваченных объективом камеры людей. Здесь были все — клерки, рабочие, служащие. Врачи и учителя, торговцы и бизнесмены. И даже стоявшие в оцеплении полицейские с неослабевающим вниманием слушали невысокого, лысеющего человека в светло-коричневой сутане. Говорил он негромко, но его мягкая речь была наполнена такой убежденностью, что Андрей и сам чуть

было не поддавался очарованию секрета, которым оратор как бы делился с окружающими. Сбросив с себя мимолетное наваждение, Вортов понял, что речь Смита ему совершенно не нравится.

— ...Я не могу с уверенностью судить плохой ли это человек или хороший. Я с ним не знаком. Не мне судить о его профессионализме. Пусть это делают его коллеги. Но одно могу сказать вам точно. В душе мистера Вортова нет места для нашего Господа! Не далее, как несколько часов назад одна из наших прихожанок утешала вдову Энрике Гонсало, человека, который долгое время был коллегой Вортова. И когда настал час Энрике предстать перед создателем, кто провожал его в последний путь? Человек, совести которого хватило лишь на то, чтобы небрежно швырнуть прах мужа в лицо безутешной вдове!

В толпе послышались неодобрительные выкрики и преподобный поднял руку, чтобы успокоить толпу.

— Я не могу судить этого человека. Не мне определять степень его вины. Но могу сказать вам одно, жить с господином Вортовым в одном городе я не желаю. И если Совет сочтет нужным поставить вопрос о лишении гражданства на голосование, я призываю всех верных сынов и дочерей Господа нашего сказать этому малодушному человеку — нет!

Тон выкриков из толпы изменился — теперь люди кричали в одобрение.

Андрей выключил голопроектор и направился в спальню к вирткапсуле. Впереди было много работы и совершенно недостаточно времени. Информационную волну нужно было сбить во что бы то ни стало. К счастью, у Вортова уже был наготове план.

"...с сожалением, я вынужден признать, что колониальная зависимость нашей планеты от метрополии гораздо сильнее, чем это принято считать. Большинство экспертов сходятся во мнении, что уровень технического развития Вавилона отстает от уровня Земли даже до начала колонизации. Только представьте перспективы нашей экономики, если бы мы имели в своем распоряжении последние достижения нашей далекой прародины. Из всех высоких достижений, вроде создания, описанной в научной фантастике нейросети, мы получаем что-то большее похожее на полусырые прототипы и это уже не говоря о том, что большая часть орбитальной группировке подчиняется непосредственно спецпредставителю ООН..."

"Политическое обозрение", выпуск N 96.

Если бы Андрей имел привычку рассказывать окружающим о своих планах, то большинство тут же сообщили бы ему, что его нынешний — так себе. Но поскольку Вортов не имел подобной привычки, сей прискорбный факт ему приходилось осознавать самостоятельно. Впрочем, все было не так плохо, как казалось на первый и единственный взгляд. Почему единственный? Да потому что ту публику, с которой собирался связаться Андрей, вторым взглядом едва ли кто удостоит. Кроме, разве что, профессиональных параноиков, в чьи обязанности и входил догляд за гражданами. Уже бывший начальник Андрей, Готлиб Майер характеризовал эту публику как сборище маргиналов, которые, вот уж совпадение, составляли значительную часть аудитории Вортова.

Как бы то ни было, среди этой категории людей, верящих в сверхъестественное, теории заговора и прочее в том же духе, особенно выделялась прослойка параноиков, уверенных, что все эти необычные явления так или иначе направлены против них и, в связи с этим, единственной возможностью уберечься от неведомых опасностей они считали слияние с огромной, серой человеческой массой. К несчастью для них, уровень полицейского контроля достиг таких высот, что выражение "залечь на дно" зачастую означало, самое что ни ан есть, дно общества. Конечно, во второй половине третьего тысячелетия это самое дно не было карикатурной клоакой, коей оно являлось в его начале. В обществе, где принципы сегрегации были возведены едва ли не в абсолют, ты либо являлся гражданином более-менее стабильного политического субъекта с минимальными правами и хоть каким-то экономическим подспорьем, либо нет... Но в этом случае, для первой категории людей тебя просто не существовало. И, тем не менее, оказавшиеся на дне социальной пирамиды были мало кому интересны, а это давало возможность затеряться даже не столько отъявленным преступником, но тем, кто когда-то увидел или услышал, то что могло оказаться опасным для жизни. Иными словами, тем, кто представлял из себя желанную добычу для тех, кто превращал разрозненную информацию в, пусть иногда дурно пахнущий, но все же качественный информационный продукт.

Разумеется, чтобы отыскать сих интересных субъектов, требовались связи в их среде обитания. А, с учетом того, что значительную часть преданных фанатов Андрея составляли постоянно обитающие там маргиналы, его план подключить их к поиску нужной информации начинал выглядеть более перспективно, тем более что, на протяжении многих лет ему время от времени удавалось получать более-менее правдивую информацию из этого источника. И, что более, важно, почти всегда она оказывалась, в той или иной степени скандальной, а это означало рост рейтингов для всего канала. Ну а сейчас настало время припасть к живительному источнику знаний ради спасения собственной шкуры и, несмотря на то, что по этому поводу мог бы сказать сторонний наблюдатель, Вортов не видел в этом ничего плохого.

Суетной день, наполненный безуспешными поисками внезапно пропавшего наркомана, подходил к концу, и лишь одно важное дело оставалось незавершенным — общение с публикой.

В назначенное им самим время, Андрей погрузился в вирткапсулу и активировал программу выхода в виртуал. Лишь неприятное покалывание во всем теле оставалось единственной связью между реальным миром и воображаемой реальностью глобальной сети.

Появление в виртуальном мире было как всегда внезапным. Секунды назад он еще засыпал в вирткапсуле, а затем без подготовки очутился в богато отделанном императорском ложе римского коллизея. Психологи утверждали, что подобная персонализация виртуального пространства указывала на завышенную самооценку. Андрею же приятнее было думать, что эти самые психологи просто шарлатаны. Впрочем, рациональное зерно в их рассуждениях он видел, но ничего не желал предпринимать по этому поводу.

Но вот, наконец, Андрей садится на отделанный пурпурной тканью золотой трон и тут же, пустовавшие до того, трибуны напротив оживают. Демоны, герои комиксов и популярных боевиков, представители фэнтезийных рас и свертехнологичные роботы, а также многочисленные черные пятна со знаком вопроса — аватары его виртуальных друзей.

Проходит совсем немного времени и на золотистом песке арены начинают появляться первые участники чата.

— Идущие на смерть, приветствуют тебя! — кричат они обусловленный пароль и присоединяются к чату. Вскоре их становится так много, что арена становится похожа на стадионное поле в день проведения концерта.

Усилив воли отстранившись от возникшего гомона, что на самом деле было тонким изменением настроек, которое позволяло почувствовать себя хозяином собственной маленькой вселенной, Андрей обратился к толпе:

— Добрый вечер, дамы и господа. Прежде чем мы начнем, я хотел бы поблагодарить вас за ту поддержку, которую вы продолжаете оказывать в эти тяжелые для меня дни. Не могу передать, насколько она важна для меня. Теперь непосредственно к делу. Я знаю, что у большинства собравшихся здесь очень разные представления о свободе информации. Одни полностью поддерживают систему общественного контроля, для других взлом серверов планетарного конгресса — недостаточно радикально. Но это не столь важно. Важно другое — материал из-за которого заварилась вся эта каша...мы не можем позволить властям скрыть эту историю. Игры с человеческим геномом могут стать нашим концом как вида. Или, как минимум, как общества. Если мы позволим корпорациям замещать людей на,

выращенных ими, марионеток — мы проиграем. Поэтому я прошу неравнодушных подписать обращение на имя спецпредставителя ООН Мартина Штрайдера с просьбой расследовать обстоятельства, при которых было снято то видео. Но это еще не все. Нельзя позволить людям забыть о том, какой опасности мы подвергаемся. Клонирование не просто так запрещено повсеместно, что на Земле, что на нашей планете. Расскажите своим друзьям, знакомым, коллегам, всем кому можете о том, что наше правительство в любой момент может быть заменено марионетками алчных корпораций. Это касается нас всех, и я не могу остаться в стороне. Многие из вас знают, что я неплохо плачу за материалы или наводки на людей, которые могут обладать интересной информацией. Сейчас я готов пойти дальше — десять тысяч амеров или эквивалентная сумма в другой валюте тому, кто раздобудет любую конкретную информацию по этому видео. Мне нужны места, имена, даты. Все что вы можете достать. Тысячу получит тот, кто даст хорошую наводку. На этом все. Подробности пришлю рассылкой.

Закончив свою речь, Андрей поднялся с трона и, мгновения спустя, окружение изменилось. Теперь он находился в античном дворце во главе пиршественного стола, на другом конце которого появлялись его собеседники, пожелавшие выразить поддержку или уточнить некоторые детали. Беседы шли одна за другой и проходили примерно по одному сценарию. Приветствия, детали предстоящей работы, способы оплаты. Постоянное мельтешение цветастых аватаров ничуть не разнообразило монотонную процедуру.

Тем более неожиданным стало начало новой беседы, когда на другом конце стола возникла полноватая фигура в костюме английского путешественника конца девятнадцатого века и сходу произнесла:

— Обезьяны!

— Простите, что? — обескуражено всматриваясь в аватар Майкла Донована, сорока четырехлетнего ксенобиолога, который в отличие от большинства зрителей программы Вортова, относился к так называемой "чистой публике".

— Обезьяны! Обезьяны! — раздраженно повторял он, стопроцентно реалистичный аватар позволял полностью воспроизводить все гримасы владельца. — Я отправлял вам материалы больше двух недель назад. За это время нападения в зоне племен участились на пятнадцать процентов!

— Ах, да, припоминаю... видео с нападением на деревню. Очень впечатляюще, но, к сожалению, руководству канала история показалась бесперспективной.

— Да... Да причем тут перспективность! Люди должны знать правду! Вы сами говорили об этом только что!

— Пожалуйста, успокойтесь. Уверю вас, я рассмотрел вопрос со всей серьезностью. Подобные нападения, конечно, трагичны и в чем-то даже удивительны, но случаи нападения приматов на людей случались и на Земле. Хотя, массовость атаки не может не тревожить. Вы пробовали привлечь внимание научной общественности к проблеме?

— Ну, разумеется! — задыхался от возмущения Донован. — Разумеется, пробовал! В результате, меня подняли на смех! Институт Харпера отказался продлить мой контракт!

— Сочувствую, — успокаивал биолога Андрей, — я сейчас примерно в том же положении, как вы, наверное, знаете.

И это сработало. Донован совладал с собой и уже спокойнее ответил:

— Простите, я сильно волнуюсь, — тяжело вздохнул он. — У меня такое чувство, что никто кроме меня не осознает всю серьезность ситуации. Моя мама даже советовала

обратиться к врачам...ну, вы понимаете.

— Невеселая ситуация, — кивнул Вортов, — Но, скажите, в чем вы видите... серьезность ситуации? Возможно, если бы я мог взглянуть на ситуацию под другим углом...

— Видите ли, в своих исследованиях я опирался на работы профессора Такимази, который первым семьдесят лет назад...

— А можно как-нибудь попроще, не вдаваясь в научную специфику, — твердо оборвал его Андрей, — Всю необходимую дополнительную информацию вы можете переслать мне файлом.

Донован немного помялся, а затем все же ответил

— Ну, хорошо... Если до предела упростит, то получается, что мы имеем дело с приматами менее чем за столетие перешагнувшими как минимум одну ступень эволюции. Об их уровне до начала колонизации мы можем только гадать. Вы понимаете? Фауна планеты во многом совпадает с земной, и наличие подобного вида приматов может означать, что это...

— ...местный прообраз человека, — потрясенно закончил Андрей.

— Именно! — торжествующе воскликнул Донован. — Но это еще не все! Они очень, очень агрессивны! По моим данным в Зоне Племен имели места массовые случаи пожирания людей и даже специальной охоты на наш вид...

Андрей замолчал, осмысливая полученную информацию, а затем ответил:

— Вы знаете, это очень серьезная тема. Даю вам слово, как только я разберусь с текущими заботами, то непременно возьмусь за освещение темы. Ведь это просто сенсация!

Донован горячо поблагодарил и, после торопливых прощаний, диалог оборвался.

Разговор с ксенобиологом продолжал занимать мысли Андрея даже после того, как он, завершив дела в сети, покинул вирткапсулу. Многолетние поиски чудес немного смазывали чувство того, что он столкнулся с чем-то не обычным, но оно все же было. Солнце уже давно скрылось за горизонтом, и Вортов оказался перед выбором — с головой погрузиться в новую головоломку или же набраться сил перед завтрашним днем, который, как и несколько предыдущих не обещал ничего хорошего.

Решив отложить изучение документов Донована на завтра, Андрей направился в ванну и приготовился хорошо отдохнуть. Последней новостью уходящего дня стало сообщение от Макса, который извещал, его о том, что, возможно, при определенных условиях, ему удастся добиться досудебного урегулирования споров.

"Хоть какая-то хорошая новость", — подумал Андрей, погружаясь в сон.

В отличие, от предыдущего дня первой утренней новостью стало извещение от общественного совета города Вавилон, о том, что после длительного рассмотрения дела было принято решение о начале процедуры лишения гражданства, через всеобщее голосование. Из любопытства, Андрей заглянул на городской портал и, в соответствующем разделе, увидел свою полную биографию и краткое описание общественных достижений, суммарный итог которых сводился к несчастным девятнадцати социальным баллам. Первыми свою лепту внесли сетевые тролли, накинувшие несколько десятков голосов в пользу изгнания. Просто так, смеха ради, и нисколько не заботясь, что на кону находится судьба реального человека. Затем, были разгневанные родственники пострадавших в погромах, сошедшиеся в сетевых баталиях с фанатами Андрея. Явного перевеса пока не было, Но Вортову, лучше многих было известно, что, в конечном итоге, решать будет безразличное большинство.

В итоге, Вортов разместил приложение с графиком, отражавшим ход голосования, в режиме онлайн, на планшете и отправился по делам.

Уже на подходе, к возвышавшейся над соседними зданиями, станции струнника, Андрей уточнил у Макса обстановку на судебном фронте. Тот раздражено ответил, что во всем разберется и пока все идет по плану.

"Это радует", — думал Андрей, глядя на проносившиеся мимо здания пятого уровня. До прибытия на место оставалось всего лишь несколько минут. Одним из самых больших преимуществ расположения бывшего места работы, Андрей считал его близость к транспортным артериям города. Вот и сейчас, данная особенность расположения прищлась очень кстати, поскольку Андрей намеревался навестить одного из своих бывших коллег.

Спуск на скоростном лифте занял около пяти минут, что совсем не удивительно, ведь станция шестого уровня являлась самой высокой точкой мегаполиса. Оказавшись на улице, Андрей воспользовался подземным переходом и перешел к соседнему зданию, на первом этаже которого располагалось небольшое, уютное кафе, в котором любили обедать окрестные клерки. Когда Вортов вошел помещение, от столика возле дальней стены ему уже махал Марк. В отличие от Андрея, который по своему статусу в мире масс-медиа недалеко ушел от простого видеоблогера, Макс Солано, ведущий популярного телешоу "Мода на власть", был настоящей звездой. Он даже работал в настоящей студии, что в эпоху, когда любые помещения было легко нарисовать на компьютере, было показателем.

Как и всегда одет Солано был более чем экстравагантно: лиловый с блестками джемпер, узкие, темные очки дополнительной реальности и киберпанковского вида серьга в виде чипа с черт знает какими функциями создавали образ человека, не просто находящегося на пике моды, но эту самую моду создававшего. Довершала образ сложная прическа в виде нескольких наложенных друг на друга снежных сугробов, которая, впрочем, не слишком сочеталась с темными волосами Марка.

— А вот и человек часа! — с легкой иронией негромко воскликнул Солано, когда Андрей подошел к столику и протянул руку для рукопожатия.

— Вот так ждешь свою минуту славы, а потом понимаешь, что не зря говорят: "Бойтесь своих желаний", — подстроился под тон собеседника Андрей, усаживаясь за стол и начиная изучать электронное меню.

— Вот! А я всегда говорю, что нужно точно знать, чего хочешь! — энергично поддакнул Солано, торопливо набирая заказ в папке с меню-планшетом. — Я уже успел внести свою лепту и отдал голос в твою пользу.

— Не упомянешь меня в программе? — полушутя попросил Вортов. — Твои зрители могли тоже могли бы внести значительный вклад.

— Могу посоветовать хорошего стилиста. И это все, — ответил Марк, рассматривая принесенное официантом блюдо — местную разновидность королевских креветок с гарниром в виде салата. — Моя аудитория закидает тебя какашками просто из принципа. Seriously, я давно тебе говорил, что ты одеваешься как деревенщина. Эта твоя ужасная шпормовка... Короче, моим зрителям тебя лучше не показывать. Для твоей же пользы. А вообще, давай к делу. Мне еще нужно успеть на маникюр.

— К делу, да... — согласился Андрей, оставив в сторону кружку с пивом, которую он взял "в нагрузку" к тарелке сэндвичей. — Меня интересуют два вопроса: первый — кто из корпоративных воротил мог заиграться и влезть в эту бодягу с клонированием. Мне нужно знать — откуда начать копать. Второй вытекает из первого, кому были выгодны беспорядки

в Вавилоне. Если у них на руках есть достойный компромат — это станет достойной компенсацией за то, что из меня сделали козла отпущения.

Солано не торопясь дожеввал салат, и, указав вилкой в сторону собеседника, спросил:

— А ты уверен, что у вас с заказчиком беспорядков одинаковое понимание того что такое справедливо?

— Это уже моя проблема. Мне просто нужно твое мнение, Марк.

Несмотря на легкомысленный внешний вид и такое же отношение к жизни Солано, бывший в свое время известным политическим консультантом, был хорошим специалистом. Настолько, что, по слухам, его даже "попросили" уйти из бизнеса и теперь он рассуждал с телеэкранов не носил ли почивший недавно представитель оппозиции того или иного сектора колумбийский галстук. Все это, конечно же, перемежалось рассуждениями о цветах и форме предметов туалета и ныне здравствующих политиков, а также не слишком навязчивой рекламой модных брендов. В общем, несмотря ни на что, репутация у человека была очень серьезная.

— Если тебе нужно мое мнение, Андрей, то ты гандон.

— Не понял? — возмущенно произнес, поперхнувшийся пивом, Вортов.

— В этом то и состоит твоя проблема, друг мой, — беззаботно ответил Солано, отправляя в рот очередную креветку, — тебя использовали самым циничным образом, а ты даже не понимаешь кто, как и зачем. Ну-ну, не надо на меня так смотреть. Это видео с клонами не твой уровень. И не мой. Это уровень планетарного комитета по охране правопорядка, а скорее уровень покойника, которого закопали, прежде чем он успел что-то там опубликовать.

— Я догадывался, что это подстава и даже принял кое-какие меры, чтобы уберечься. Не помогло, — грустно произнес Андрей, но мне нужно знать, какая из корпораций за этим стоит. Мне нужен материал, который позволит сбить волну. Отвлечь внимание общественности, понимаешь?

— Я-то понимаю. А вот понимаешь ли ты? Говорят, что Консорциум — это организация, которая дергает за ниточки сенаторов от корпоративных секторов. Байки для глупцов. На самом деле все намного проще. Это совет директоров. Нет никаких кланов химиков или электронщиков. Вместо них есть господин А, владеющий пакетами акций в корпорациях один, два и три. И вот этот господин А, вместе с господином Б и ему подобными и представляют собой консорциум. Правда, распространять твое мнение очень не рекомендуется, а то можно оказаться в ситуации, наподобие твоей, а то и похуже. Теперь понимаешь? То, что ты нарыл, если правда, означает, что власть вышеозначенных господ простирается далеко за пределы корпоративных секторов. И судя по всему, кому-то это очень не нравится.

— Но почему я? — потрясенно спросил Вортов, судорожно сжимая полупустую кружку.

— Не знаю, — пожал плечами Солано, — Может карма, может Санта решил, что в этом году ты был плохим мальчиком. Но, скорее всего, ты оказался просто удобным каналом для вброса. Только и всего.

— После таких откровений... даже не знаю, что и делать.

— Ну, здесь вариантов немного. Можешь бежать из города и забиться в какую-нибудь нору, а затем как все поутихнет, поселиться где-нибудь на побережье в Латинском секторе. С нашими доходами там всю жизнь прожить можно. Этот вариант я тебе очень рекомендую.

— А других не предвидится?

— Отчего же. Можешь продолжать делать, то, что делал если преуспеешь и соберешь достаточно компромата, то к тебе рано или поздно подойдут люди в модных пиджачках и предложат сделку. Они вообще любят сделку. Так вот, что бы ни предложили — соглашайся. Даже если предложат ублажить их всех прямо посреди площади Единения, потому что в противном случае ты точно так же окажешься на побережье Латинского сектора. Только в этом случае в виде обглоданного трупа, который выловят рыбаки.

Гнетущую тишину прервала легкая вибрация планшета, и Вортов поспешил отвлечься от мрачных мыслей, принявшись читать поступившие сообщения.

— Твою ж мать!

— Что-то случилось? — вежливо поинтересовался Солано, кладя приборы на опустевшую тарелку.

— Решение суда. Минус тридцать тысяч в пользу Зеты Ковальски. Спасибо, хоть счета разморозили.

— Есть и хорошая сторона, Андрей. Если счета разморожены, значит Вавилон снял с тебя все обвинения, — Попытался приободрить его Марк. — Но все же тридцать тысяч... эта птичка на подобных исках, наверняка, зарабатывает больше, чем за всю свою творческую деятельность. Кстати, ты слышал — она застраховала свою грудь полмиллиона?

— Ели она действительно клон, то это, практически идеальное преступление, — мрачно отозвался Андрей

Солано усмехнулся, а затем внезапно застыл, размышляя.

— Ты знаешь, а мне вот только что в голову пришла идеальная теория заговора. — Примерно через полминуты нарушил тишину он.

— Так поделись, — подначил Андрей, допивая пиво.

— Ты помнишь, как все эти демонстранты требовали проверить весь планетарный конгресс на "подлинность". Долой марионеток и так далее. Ты видел, наверное, записи.

— Вортов кивнул и Солано продолжил:

— Так вот, единственный человек, который имеет право инициировать проверку это спецпредставитель ООН. Ну, если конечно, предполагаемые клоны в конгрессе не проголосуют за подобное предложение сами. Вот кого нужно подменять. С подчиненной ему "противометеоритной" космической группировкой и полномочиями — у него власти побольше, чем у любого короля древности.

Андрей пораженно замер, в то время как Марк, видя его реакцию, усмехнулся:

— Впечатлен? Я тоже. Слава всем богам, что подобное просто невозможно.

— Невозможно? — в ступоре переспросил Вортов.

— Разумеется. Раз в пять лет ООН направляет к нам нового представителя. Старому придется вернуться для отчета и фокус с клонированием быстро раскусят.

— Впечатляющий полет мысли, — оценил теорию Андрей — А теперь давай закажем еще по одной и расходимся.

"Что же касается Ушедших, то данная секта не оказывает какого-либо влияния на мировые политические процессы, хотя многие и опасаются их все возрастающих возможностей в информационном пространстве..."

"Политическое обозрение", выпуск N 92.

Красная колонка, отображавшая число голосовавших за изгнание, постепенно уходила в отрыв. Восемь процентов — не так уж много, но и определенно не мало. Впрочем, голосование было открыто в течение недели и потому пока что эти цифры мало что значили. Всего лишь одной причиной для оптимизма меньше. Но в настоящий момент оптимизм был той роскошью, которую Андрей не мог себя позволить. Постоянная работа с информаторами выматывала. И не только самого Вортова, но и его банковский счет. Несмотря на то, что вознаграждение было обещано лишь за стоящие наводки или информацию по теме, ему приходилось время от времени поощрять информаторов, которым удалось добыть хоть что-то. Пятерка там, десятка здесь, так деньги и расходились. А ведь иногда приходилось выплачивать и значительно большие суммы.

Так, пятьсот амеров было выплачено человеку, идентифицировавшему одного из рабочих на видео. Марк Козински засветился на записи четырехлетней давности, сделанной активистами из "зеленых". На записи Марк отгонял тщедушных девиц от клеток с приматами, которые роботы-погрузчики укладывали в грузовики.

"Опять чертовы обезьяны", — с раздражением думал Вортов. Ничего, кроме самых общих сведений на этого человека найти не удавалось. И это при том, что он был разнорабочим, а не агентом какой-то сверхсекретной спецслужбы. Андрей, конечно, вновь бросил клич среди подписчиков его виртуального аккаунта, но пока все что им удалось раздобыть была бесполезная выжимка из социальных сетей. Друзья, родные, хобби и на этом все.

И, разумеется, даже за это пришлось немного заплатить, но отношения с информаторами, в целом, того стоили. В общем, Вортов дал указание копать дальше, может, кому и повезет, а сам занялся улаживанием текущих дел. И первым в списке стоял визит к Раевскому. Искренне восхищаясь тем, что Макс умудрился уладить почти все проблемы, почти не вовлекая его самого, Андрей все желал контролировать такие аспекты собственной жизни.

Контора Раевского располагалась на четвертом уровне. Не слишком престижно, но для адвоката средний руки лучше и не придумаешь. Шестнадцатизэтажный бизнес-центр, в котором располагалась и искомая фирма, находился на некотором удалении от основных торгово-развлекательных площадок уровня, так что добираться пришлось на такси.

И вот некоторое время спустя, Андрей с удобством расположился в мягком кожаном кресле в кабинете Раевского и ждал пока тот покинет вирткапсулу.

— Ты знаешь, мне кажется, что чем дальше двигается прогресс, то тем меньше мы заботимся о преобразовании пространства вокруг себя и все больше уходим от реальности, — пожаловался Макс, возвращаясь из виртуала и усаживаясь в кресло у рабочего стола.

— Разные формы эскапизма существовали всегда, — пожал плечами Андрей. — Это просто часть нашей культуры.

— Да, но есть же определенная грань... — начал в подробностях описывать причину недовольства Раевский. — Только что общался с клиентом. Он из "ушедших". Чокнутый овощ, подключился к аппаратам искусственного жизнеобеспечения и не желает возвращаться в реальность.

— Что поделать, фриков всегда было полно, — ответил Андрей, которому не терпелось перейти к делу.

— А вот не скажи! — возразил Макс. — Мой нынешний клиент, например, считает, что именно такие как он — будущее человечества. А мы с тобой так, существа второго сорта.

— Может быть, в его виртуальных грезах это и так, — в свою очередь не согласился Андрей. Но в реальности все обстоит несколько иначе. Но если вдруг "ушедшие" попробуют воплотить свои идеи силой оружия, уверен преимущества будет на нашей стороне. Чем вообще этот тип на жизнь зарабатывает? Если, конечно, это можно назвать жизнью.

— Стоп, — остановил его Макс. — Давай-ка на этом прекратим обсуждать мое клиента. Иначе я не смогу удержаться, и нарушу конфиденциальность. Лучше перейдем к нашим с тобой делам. Здесь все получилось, почти так, как я и предсказывал, за исключением того, что мне удалось урегулировать все вопросы в досудебном порядке.

— Ты просто волшебник, дружище. Ладно, Ковальски, но как тебе удалось отвалить муниципалитет?

Раевский тут же посерьезнел и, облокотившись на спинку своего кресла, ответил:

— Здесь...не все так просто. Видишь ли, Зета...она телезвезда и говорят, да и пишут про нее всякое. В ее случае возмещение могло ограничиться и десятью тысячами, но я сознательно увеличил сумму, чтобы ее отказ был сформулирован так, чтобы присяжным казалось, что ты стал жертвой обстоятельств. Думаю, это в какой-то степени помогло убедить прокурора пойти на мировую.

Андрей помолчал, а затем, тряхнув головой, ответил:

— Тебе, конечно, следовало согласовать такое решение со мной. Тридцать тысяч — это не кот чихнул. Но, с другой стороны, еще неизвестно чем бы обернулись суды. Так, что в целом я тобой доволен.

— Подожди, рано открывать шампанское. Видишь ли, я убежден, что на позицию прокурора повлияло мнение представителей Первого Городского банка. До меня доходили слухи, что они встречались с прокурором Томазо. Я не отрицаю своих заслуг, но, честно признаться, во время нашей встречи он был гораздо более сговорчивым, чем я от него ожидал....

— Не понимаю, зачем им это... Нет, в смысле суть то я уяснил. Им проще будет выкинуть из квартиры лицо без гражданства, но зачем? По меркам банка — это копейки.

— Причины могут быть разными. Лично я считаю, что они видят в этом возможность "показать зубы". Твоя история достаточно раскручена, чтобы донести нужное послание, как для должников, так и для конкурентов. А вообще, мало ли что у них на уме.

— И что же мне теперь делать?

— Уповать на мудрость свободных граждан Вавилона, — пожал плечами Раевский. — А вообще ситуация не из лучших. Если я могу чем-то помочь, ты только скажи.

— Непременно, — отозвался Андрей. — Я уже принял кое-какие меры, но не совсем уверен, что это поможет.

— Будем надеяться, что поможет, — несколько рассеяно ответил Макс. — Кстати, ты слышал? Звенцова и ее команда чудиков собираются начать компанию в твою поддержку.

— Серьезно? — восторженно воскликнул Андрей. — Только это еще и не хватало. Они скорее хуже сделают.

— Ну не знаю. Лена может быть и кукла, но свое дело знает, — не согласился Раевский. Андрей привел контраргументы, и этот спор продолжался еще какое-то время, а затем Вортов попрощался и отправился домой. Разговор с другом натолкнул его на интересные мысли. Несмотря на то, что "ушедшие" считались такими чудаками, была одна важная деталь, которую многие почему-то упускали. Образ жизни "ушедшего" был весьма недешев. Одно поддержание "в рабочем состоянии" телесной оболочки ежегодно обходилось им в небольшое состояние. Многие из "ушедших" были высококлассными специалистами в области информационных технологий и смежных областей. А еще не подлежал сомнению тот факт, что едва ли кто-то на планете знал сеть и, в особенности, виртуал, лучше, чем Ушедшие. Так что, если кто и мог достать нужную информацию в сжатые сроки, так это они.

Всю дорогу до дома, Андрей обдумывал появившуюся идею, но постоянно упирался в банальный факт — ему нечего было им предложить. У него просто не было необходимой суммы, чтобы заинтересовать тех, кто тратил на поддержания тела капсуле суммы эквивалентные его трехлетнему доходу.

Впрочем, ситуация не было абсолютно безвыходной и, к моменту, когда Вортов, уже дома, начинал погружение в виртуал — основа переговорной стратегии была сформирована.

"Ловить нужно на идеологию", — твердо решил Андрей, чувствуя знакомое покалывание по всему телу.

Пару секунд спустя он оказался в императорской ложе его личного Колизея. Далее последовала процедура аутентификации, обыгрываемая его сознанием как восхождение на трон. Еще несколько мгновений поиска и пространство вновь изменилось. Вместо арены Колизея он видел вокруг себя бесчисленный мириады фиолетовых нитей, одна из которых была для Вортова путеводной. Он, словно на американских горках, несся между запутанных узлов виртуальных связей, пока процессоры капсулы обсчитывали точку прибытия.

Окружающая реальность вновь изменилась, и Андрей оказался среди маленькой квартирки, единственной достопримечательностью которой оказалась поистине массивная вирткапсула с подключенными аппаратами жизнеобеспечения.

Вортов попытался рассмотреть содержимое капсулы, пока негромкое покашливание из-за спины. Стремительно развернувшись, Андрей обнаружил перед собой невысокого лысого субъекта в больничном халате, с сероватой кожей и пронзительно яркими голубыми глазами, ненатуральный блеск которых лишь подчеркивали набухшие под ними мешки.

— Оригинальный образ. — Прокомментировал увиденное Вортов. И действительно, представший перед ним пользовательский аватар разительно отличался от многочисленных фэнтезийных персонажей и супернакачанных мачо, образы которых были широко распространены в виртуале.

— Благодарю, — сложив ладони лодочкой и прижав их к груди, собеседник

поклонился, а затем, растворившись в пространстве, возник за спиной Андрея. — Это мой настоящий облик. По крайней мере, по состоянию на февраль этого года. Так чем я могу вам помочь?

Вортов вновь развернулся и увидел, что теперь человек в больничном халате в позе лотоса восседал на собственной вирткапсуле.

— Мне нужна определенная информация.

— Ах, ну да, ну да, — часто закивал собеседник Вортова. — Глупый вопрос с моей стороны. Я ведь как раз и занимаюсь ее поиском. Меня даже зовут Яндекс-56. Не слышали? Это поисковая система, возникшая на заре формирования сети. Кстати, русская, если вам интересно.

— А почему пятьдесят шесть? — удивленно спросил Андрей.

— В те времена поисковых систем было немного, и быть оригинальным в нашей среде довольно сложно, — пожал худыми плечами пятьдесят шестой. — Но по крайней мере это не Гугл, вот это уже настоящая пошлость.

— Понимаю, — обескуражено промолвил Вортов.

— Вряд ли, — беззаботно отозвался Яндекс-56, усомнившись в правдивости собеседника. — И все же мне любопытно, что конкретно привело вас сюда. Нет, я примерно предполагаю, что вам может быть нужно. Но я также знаю, что позволить себе мои услуги вы не можете. А еще мне известно, что вы это тоже знаете. И все же вы здесь.

— Все верно.,- после продолжительной паузы произнес Андрей, — Здесь, то, что я хотел бы получить.

С этими словами в руках Андрея материализовалась глиняная табличка с текстом, которую он передал пятьдесят шестому, который изучил ее меньше чем за минуту.

— Примерно так я и думал. Раздобыть то, что вы просите законными средствами, не удастся. А ведь мы, Ушедшие, всеми силами стремимся избегать грязи внешнего мира. Но, кажется, от людских склок нам не укрыться даже в нашем собственном разуме.

— Это значит, что вы не возьметесь? — уточнил Вортов.

— Это значит, что мои услуги обойдутся вам в сто тысяч, — неожиданно жестко оборвал его пятьдесят шестой. — У вас таких денег нет. И все же, вы на что-то рассчитывали, появившись здесь. И мне интересно узнать на что?

— На принципы вашего сообщества, — честно признал Андрей.

— У меня складывается впечатление, что мы очень по-разному понимаем принципы общества Ушедших, — грустно покачал головой Пятьдесят Шестой.

— Возможно, — признал Вортов, — однако, насколько я понял, вашей главной задачей является недопущение всех...тревог внешнего мира. Так вот, хочу сказать, что если игры корпораций с клонированием зашли достаточно далеко, то рано или поздно ваш уютный мирок тоже схлопнется. Мы говорим о людях, для которых контроль это все.

— Честно сказать, речь не слишком впечатляющая, — ответил Ушедший. — И вместе с тем, в ваших словах есть доля правды. Но, остается вопрос оплаты моих услуг...

— Вы и сами знаете, я не могу их себе позволить, — констатировал очевидный факт Вортов.

— Знаю, — кивнул Пятьдесят Шестой. — И потому, даже если я найду нужную информацию, то сделаю это не ради вашего блага и поступлю с ней так, как сочту нужным.

— Что ж...справедливо, — признал Андрей, а сам в это время подумал: "А не совершил ли я ошибку, обратившись к тебе".

— Рад, что мы это выяснили, — кивнул Ушедший. — А теперь вам пора уходить. В данный момент я держу связь сразу с несколькими клиентами и, несмотря на весь мой опыт, это несколько утомительно.

Кивнув на прощание, Андрей разорвал связь и резко очнулся в своей виртуальной капсуле.

"Рисковая ставка, — подумал он, — но выбирать не приходится".

Число проголосовавших за лишение Вортова гражданства Вавилона, превышало число голосовавших против на двенадцать процентов.

В последующие шесть дней ситуация значительно улучшилась. В предпоследний день голосования перевес в пользу сторонников изгнания сократился до шести процентов. Но даже это не означало окончательного поражения. Несмотря на весь ажиотаж, в голосовании приняло участие не более полу процента городского населения. Все остальные решили просто наслаждаться шоу. С каждым проходящим часом нервозность Вортова возрастала. Он прекрасно понимал, что в последнюю минуту обязательно найдутся люди, желающие почувствовать себя вершителями судеб. И, вероятнее всего, их будет много. В итоге, получалось так, что его судьба будет зависеть не просто от прихоти толпы, но и с помощью метафорической игры "орел и решка".

Пока что все его усилия повлиять на результаты голосования не приносили ощутимых результатов. Да, поклонники его передачи пытались склонить мнение людей в его пользу на всех возможных площадках. Но в то же время, Звенцова, со своими чудаковатыми активистами добилась значительно больших результатов. Андрей понимал, что такой эффект достигался благодаря тому, что Лена многие годы работала над образом борца за правое дело. И теперь этот образ работал в его пользу. Что касается Пятьдесят Шестого, то он просто отказался вступать в какой-либо контакт с Вортовым, так и не дав однозначного ответа.

Пожалуй, на сегодняшний момент самой эффектной стала последняя акция, которую Андрей наблюдал через свой голографический амфитеатр. Более десяти тысяч человек, как сторонников Андрея, так и набранных Звенцовой, вышли на улицы под лозунгами борьбы за свободу слова, свободу высказывать свое мнение и за право народа знать правду. По правде говоря, чуть больше десяти тысяч на мегаполис с десятками миллионов жителей — меньше, чем капля в море. Но благодаря современным технологиям зрители, не выходя из домов, получали возможность как бы участвовать в шествии, заряжаться настроением толпы и проникаться ее лозунгами. Все это, разумеется, играло Андрею на руку. Чем больше людей будут ассоциировать себя с теми, кто сейчас несет плакаты с его фотографиями, тем выше шансы, что они проголосуют против изгнания.

Вортов был впечатлен. Он и не догадывался, что Звенцова способна срежиссировать такое. Люди в толпе выглядели словно тщательно подобранная репрезентативная выборка населения Вавилона. Там были люди разных слоев, возраста и национальностей. Зрителю казалось, будто весь город, все его соседи вышли на защиту незыблемых прав и свобод. Единственным неприглядным моментом были вклинившиеся в толпу вызывающе одетые типы. И Андрей с горечью подозревал, что как раз они-то и представляют собой группы его поклонников.

Шествие было недолгим. Да власти и не позволили бы, кому бы то ни было,

маршировать через весь город. Это означало бы необходимость перекрытия дорог, что было равнозначно транспортному коллапсу в городе.

Андрей неотрывно наблюдал за происходящим. Благодаря эффекту присутствия, ему казалось, что это он вместе со всеми этими людьми шагает по залитым светом широким улицам шестого уровня мимо монументальных небоскребов с вычурными фасадами и многочисленными окнами, из которых многочисленные клерки с безразличием поглядывают на проходящую мимо толпу.

Вскоре они дошли до площади Единства, которая к тому времени уже была плотно оцеплена полицией. Ровные шеренги, одетых в толстую, темно-синюю тканевую броню, сотрудников службы охраны правопорядка надежно перекрывали подходы к конусообразному зданию планетарного конгресса с развивающимися знаменами ООН и планеты соответственно. Четырехэтажная пирамида муниципалитета была также надежно прикрыта полицией. Вортов с тревогой наблюдал, как за рядами полиции разворачиваются специальные, приспособленные для метания зарядов со слезоточивым газом, роботы на гусеничном ходу. А события тем временем продолжали идти своим чередом. К центру полутора километрового круга площади, где возвышался двенадцатиметровый позолоченный шпиль в честь колонизации планеты, начала подтягиваться большая часть толпы. Разномастно одетые люди скандировали разнообразные лозунги — одни выступали за свободу слова, другие против варварской традиции изгнания, но через какое-то время задор толпы начал утихать. Было очевидно, что среди собравшихся на площади людей, не было ни внятных лидеров, ни какой-то объединяющей цели. Устрашающий вид, оцепивших площадь, полицейских также не добавлял собравшимся людям энтузиазма. Андрей изумленно разглядывал отлично экипированных стражей порядка. В подобной броне из терстелина они могли бы выстоять против собравшейся толпы, даже если бы каждый в ней был вооружен легким стрелковым оружием. Создавалось такое ощущение, будто власти к чему-то готовились.

И не успел Вортов обдумать эту мысль, как на больших уличных экранах, перед зданием конгресса, которые время от времени, транслировали заседания, появилось бледное лицо человека, которого Андрей знал лишь по нику — "Яндекс-56".

— Приветствую вас, дорогие друзья! — обратился он к собравшимся. — Я знаю, что вы пришли сюда по разным причинам. Кто-то защитить свои идеалы и убеждения, кто-то, чтобы просто развлечься, но я знаю, что для всех нас важна правда. Правда, которую власти упорно пытаются от нас скрыть, подвергая репрессиям, любого кто пытается открыть людям глаза на то, как алчные представители корпораций бессовестно узурпируют власть на нашей планете. На то, как метрополия закрывает на это глаза.

И сегодня, вы узнаете правду. Ее не утаить, как бы беспринципные воротилы не пытались спрятать все концы...

С последними словами Ушедший пропал с экрана и вместо него появился довольно жуткий видеоряд: сотни замороженных тел в криокапсулах, выращиваемые в пробирках органы, сожжение "отработанных" тел, и что самое главное, эмблема корпорации "Рикард Фарм Корп". Одновременно с появлением видеоряда, люди в толпе начали доставать всевозможные устройства....

Негромкий сигнал отвлек Андрея от голографического амфитеатра и, несколько секунд спустя, он осознал, что сообщения от Ушедшего получили не только участники митинга. Быстро просмотрев содержимое, Вортов осознал, что помимо того же видеоряда, в

сообщении были обозначены имена, даты, места — иными словами все, что было связано с программой клонирования.

"Кажется...получилось", — с удивлением подумал Вортов и вновь повернулся к голопроектору.

Буквально за несколько минут объединяющая идея, и теперь многочисленные гневные возгласы сливались в один устрашающий гул. По другую сторону баррикад ситуация изменилась столь же разительным образом. Возникшая после начала трансляции, суэта прекратилась. А вскоре погасли и уличные экраны. Но то, что случилось дальше стало настоящим шоком. Без всякого предупреждения роботы вскинули, вмонтированные в одну из верхних конечностей, пусковые установки и, оставляя дымный след, снаряды со слезоточивым газом устремились в толпу. После секундной заминки, шеренги полицейских вскинули винтовки и нацелили их на толпу. Звуков выстрелов не было, но, несмотря на это, Вортов с ужасом наблюдал, как-то ту, то там на землю падали люди. Осознание того, что полиция использует нелетальные парализаторы пришло несколько позже, что несколько притупило, смешанный с изумлением, ужас. Андрей заворожено наблюдал, как в желтоватом дыму, то тут, то там, падают парализованные люди. Другие, позабыв обо всем, пытаются убежать от подступающих шеренг полиции, которая в данной обстановке, выглядела как безжалостные инопланетные захватчики.

Отчаянно храбрый оператор перевел камеру на выход с площади, куда, в давке, устремились испуганные массы людей, лишь для того чтобы уткнуться, в перегородивший дорогу блокпост из нескольких бронемашин с установленными на них, несуразно большими антеннами, а также, появившихся непонятно откуда, нескольких шеренг полиции.

На какое-то мгновение, Андрей ощутил быстро нарастающее беспокойство, а затем трансляция внезапно прервалась и это чувство исчезло также внезапно, как и появилось.

"Это конец, — обреченно думал Вортов, глядя на техническую заставку, — чем бы ни закончилась эта история мне не выпутаться. Сколько человек смотрели акцию в прямом эфире? Миллион? Пять? Десять?"

Он не сомневался, что после сегодняшнего происшествия голосование закончится не в его пользу. Наверное, это было несколько эгоистично, но Андрея нисколько не заботила судьба тех бедолаг-протестующих попавших под пресс закона. Больше всего его занимал вопрос: почему все произошло именно так? Непонятная взбудораженность властей, жесткие действия полиции и объявившийся в самый неподходящий момент сектант — все это выглядело словно одна большая постановка. А Вортов по опыту знал, что за постановками такого уровня стоят или очень большие деньги или очень большие секреты. Чаще — и то, и другое. И хотя вяло шевелящееся профессиональное любопытство требовало немедленных действий с целью найти ответы, он знал, что совсем скоро ему придется думать над тем, как в очередной раз обустроить свою жизнь практически с нуля.

"Многочисленные территориальные споры привели к законодательному упрощению деятельности частных военных компаний. И хотя с трибуны планетарного конгресса неоднократно звучали заявления о том, что эпоха войн между государствами осталась в прошлом, реальность свидетельствует о том, что теперь эти войны лишь ведутся под чужим флагом..."

"Политическое обозрение", выпуск N 312.

Транспортник вертикального взлета с гулом оторвался от земли и, заходя на разворот, скрылся из виду. Сотня обритых наголо, построенных в две шеренги людей провожали взглядом самолет, доставивший их на маленький скалистый остров, на котором была расположена тренировочная база частной военной компании "Кондор".

Стоявший во втором ряду Андрей, как и все остальные, глазел на транспортник и невольно размышлял о перипетиях собственной судьбы.

Вот уже почти месяц, как во всех планетарных базах данных он числился лицом без гражданства, даже несмотря на то, что его затея с попыткой отвлечь население Вавилона сенсацией удалась на все сто. Вспыхнувший с новой силой скандал, заставил планетарный конгресс взять дело о нелегальном клонировании на контроль. Вортова не слишком интересовало, чем же закончится вся эта история, поскольку жесткое подавление якобы возникших волнений окончательно закрепил за ним имидж поджигателя беспорядков. Итог был закономерен. По итогам открытого голосования, муниципалитет известил его о том, что с момента вынесения решения, он больше не является гражданином вольного города Вавилон. С этого момента начались проблемы. Во-первых, банк в срочном порядке потребовал пересмотра кредитного договора, угрожая судебным разбирательством, выиграть который для человека без гражданства было практически нереально. Но это, что называется, было лишь первой ласточкой. С этого момента почти любые разбирательства были крайне нежелательны, что на корню убивало идеи о приобщении к братии независимых журналистов.

Выход подсказал Макс. Оказалось, что один из их бывших "соратников" сделал неплохую карьеру в одной из частных военных компаний и мог поспособствовать тому, чтобы и Вортов мог вступить в их ряды. Конечно, профессия солдата удачи далеко не синекура, но гарантированный доход в полторы тысячи амеро в месяц позволял сразу же снять все возможные претензии банка. А перспектива получения гражданства германского сектора и вовсе позволяли считать это предложение манной небесной. Впрочем, имелись и недостатки. В большинстве Западноевропейских секторов существовал достаточно большой имущественный ценз для проживания в наиболее благоустроенных поселениях. А значит, Вортову нужно было постараться заработать как можно больше, что автоматически означало

участие в наиболее высокооплачиваемых, а значит и рискованных миссиях. В ином случае, приобретаемое гражданство теряло смысл, потому как уютится в трейлере или полуразвалившемся щитовом домике можно было где угодно.

Как бы то ни было, "соратник" поспособствовал и теперь Андрей стоял в строю среди сотни таких же одетых в светло серую курсантскую униформу парней.

— Сми-и-ирно! — выкрикнул показавшийся из-за ближайшего ангара сержант чуть полноватый темноволосый мужик лет сорока, с крупными, мясистыми чертами лица. За ним, не отставая, следовал капрал, на ходу что-то набиравший в планшет.

Строй немедленно выровнялся и сержант, скептически оглядев курсантов, произнес:

— Так, а теперь перестроились по росту. Левый фланг, немедленно свернули свой арабский базар и перемешались с другими курсантами.

Группа арабов, турок и прочие, подходящие под описание тут же пришла в движение и через пару минут вся сотня курсантов перестроилась еще раз.

— Хорошо, — кивнул сержант, — Я верю, что проблем с вами не будет. В конце концов, выбрали вас не просто так. Некоторые курсанты имеют опыт службы в секторальных армиях, другие в полиции, а третьи просто вели очень занимательную жизнь. В общем, люди здесь собрались бывалые...

Затем сержант уткнулся взглядом в щуплого, бледного парнишку лет девятнадцати, и он продолжил...

— ...Или обладающие обширными техническими знаниями. В общем, подробнее вам все объяснят кураторы. А теперь так: технари и прочие спецы строем отправляются во-он туда, к восточным ангарам. Чуть дальше за ними расположены казармы и учебные классы. Все остальные вместе с капралом Симсоном отправляются к КПП. Там вас уже ждет грузовик — жить вы будете прямо на полигоне. Все понятно?

— Так точно, сэр! — выкрикнул строй.

— Это хорошо, — удовлетворенно кивнул сержант, — Я так сразу понял, что люди вы понятливые, но сейчас, на всякий случай, капрал будет называть ваши фамилии и номер группы. Затем он же укажет группы, которые отправятся на полигон. Вопросы есть?

— Никак нет, сэр! — вновь рявкнул строй.

Сержант вновь кивнул, одновременно давая команду капралу начинать.

— Ренье Савват, Мухаммед-эль-Баради, Нил Дженкинс, Вэн Чонг — группа А1...

После недолгой переключки и большая часть курсантов направилась к выходу с аэродрома. Оставшиеся двадцать человек под командованием сержанта, отправились к казармам, где их уже дожидались еще четыре капрала.

— Ваши будущие подопечные, парни, — добродушно пояснил капралам сержант и, не дожидаясь ответа, развернулся и пошел по своим делам.

Несколько секунд новобранцы рассматривали четырех солдат в точно такой же серой униформе, но с капральскими шевронами на предплечьях. А затем самый здоровый из капралов скомандовал:

— Группа Б1, строиться!

— Группа, Б2...- вторил другой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Строй распадался на части. Мужчины и женщины, зрелые и совсем юнцы, все они были совершенно не похожи друг на друга, но на их лицах было написано одно и то же желание выгрызть у судьбы лучшую долю для себя и своих близких. И сейчас они разделялись,

расходились по разным дорожкам, ведущим к одной и той же цели.

Андрей и трое его товарищей оказались в группе БЗ, куратором которой оказался невысокий мужчина слегка за тридцать с мышиного цвета волосами и в целом абсолютно непримечательными чертами лица. Когда он провел их в кубрик, то оказалось, что его голос был столь же бесцветным, как и его внешность:

— Итак, отделение. Меня зовут Густов Пальзак и с этой минуты я ваш куратор, а после окончательного подписания контракта и командир. Чтобы вступить в ряды частной военной компании "Кондор", вам необходимо сдать четыре зачета. Физподготовка, рукопашный бой, стрельба и, самое важное, радиоэлектронная разведка. Рекрутеры отбирали вас с мыслью о том, что с этими четырьмя дисциплинами у вас не должно возникнуть проблем и, по большому счету это формальность. Но если ваш общий балл окажется недостаточно высоким, то компания будет вынуждена отказаться от ваших услуг. С этим все понятно?

— Так точно, сэр!

— Не нужно тянуться, — отмахнулся Густав. — И вообще, можете присаживаться на кровати. В армии, конечно, такое запрещено, но мы наемники народ сознательный и все понимают необходимость дисциплины. Кстати, психологи при отборе, вроде, учитывают этот момент, но, скажу сразу — кто начнет быковать, может считать контракт расторгнутым. Лично мне лишней геморрой совершенно ни к чему. Это понятно?

— Да, сэр, — неуверенно произнес самый младший в их четверке.

— Еще раз, — ровно произнес капрал. — Всем все понятно?

— Да, сэр, — вразнобой ответили остальные.

— Хорошо, — кивнул Густав. — Да, не стойте, садитесь.

С этими словами он сам, подавая пример, уселся на ближайшую к окну кровать. Андрей первым последовал примеру командира и уселся на кровать, стоящую возле двери. Туда же уместился его товарищ, молодой араб лет двадцати пяти. Остальные двое: коренастый кореец с сединой в волосах и бедный худощавый парень лет девятнадцати расположились, напротив.

— Помимо основных требований, существует еще ряд навыков для нашей специальности, за которые компания платит прибавку. Саперное дело и информационные системы предполагают прибавку в пять сотен. Важно, чтоб вы понимали, что под последним понимается взлом защищенных систем. Еще есть управление беспилотником и обслуживание робототехники — по сотне за каждую. Вопросы?

— Сэр, неужели нас привезли сюда только для сдачи тестов? — Подал голос араб.

— Нет, — ответил капрал, — основная задача — слаживание подразделений. После сдачи тестов на знание основ, последует ознакомление с техникой. Все остальное время — физическая, строевая, огневая, а также тактическая подготовка. Еще вопросы?

— Еще вопросы?

— Никак нет, сэр, — вразнобой ответили все четверо, после короткой заминки.

— Что ж... — продолжил Пальзак, — ...в таком случае, сейчас я немного расскажу вам о компании, а затем задам вам пару вопросов.

Дождавшись согласия подчиненных, капрал начал рассказ:

— Итак, частная военная компания "Кондор" включает в себя, помимо структур управления, два полка, численностью около тысячи человек в каждом. В настоящий момент спешно разворачивается третий. Структура полков примерно одинакова — два линейных батальона, ударный, и батальон поддержки. В составе линейных батальонов находятся три

роты бойцов в броне на основе экзоскелета. Мы используем китайскую модель "Дрого-6", о нем вам подробнее расскажут на занятиях. Кроме того, в составе линейных батальонов: командные структуры, отделение тяжелого оружия, взвод управления беспилотниками и робототехникой. Последней, к слову, в подразделении что-то около сотни единиц, включая вспомогательную. Итого имеем порядка трехсот человек личного состава. Ударный батальон ровно в два раза меньше. В нем минимальной единицей выступают хорошо защищенные тройки бойцов в тяжелой броне типа "Тор" разных модификаций. И наконец, батальон поддержки, в котором мы с вами и будем служить. Первое, что вам нужно знать — батальон не является в полном смысле единым подразделением. Командир скорее выполняет роль менеджера, который распределяет подчиненных между другими батальонами. Медики, инженеры, хакеры, связисты, саперы и ремонтники, а также две разведроты — все это входит в батальон поддержки. Собственно, мы относимся к роте радиоэлектронной разведки. Наша основная задача установка сигнальных датчиков, а также средств контроля поля боя. Ну и, соответственно, обнаружение и деактивация подобных средств противника. Так, кажется все...

— Сэр, разрешите вопрос? — дисциплинированно обратился к командиру кореец.

— Давай, — кивнул Бальзак.

— Какого рода задачи чаще всего выполняет компания?

— Чаще всего... — задумался капрал, — ...чаще всего охрана коммерческих объектов — нефтедобывающие платформы и все в таком духе. Несколько реже — противопартизанские действия. Совсем редко — участие в вооруженной конкуренции корпораций. Ну, думаю теперь пришла моя очередь задавать вопросы. Я хочу, чтобы сейчас каждый из вас коротко представился, и по каким причинам решил стать наемником.

Первым, недолго думая, ответил араб:

— Али Перьер, двадцать шесть лет, гражданин французского сектора. Причина найма — долги.

Пальзак кивнул и жестом указал Андрею, чтобы тот продолжил эстафету:

— Андрей Вортов, тридцать два года, хочу получить гражданство германского сектора. Кому интересна предыстория — в сети полно материалов на тему.

— Ослаф Торвальдсон, девятнадцать лет, гражданин сектора Скандинавия, — почти восторженно представился самый молодой член их команды, — решил окончательно завязать с играми в виртуале. Меня из-за них вышперли с факультета радиопроизводства.

— Ван Чон Со, двадцать лет, гражданин корпоративного сектора Самсунг — не меняя выражения лица, произнес последний, — Не хочу всю жизнь вкалывать на корпорации и потому желаю получить гражданство.

— Хорошо. — Подытожил капрал. — Думаю, уместно будет рассказать кое-что о себе. Зовут меня, как вы уже знаете, Густав Пальзак, с недавних пор гражданин германского сектора, а также ваш командир. Служу в первом полку, в который мы с вами и вернемся, поскольку часть опытных бойцов перейдут в формирующийся третий. Теперь главное — в вещевых шкафах находятся планшеты с загруженной программой тестирования. У вас есть время до обеда и три попытки. В четырнадцать ноль, ноль — построение у входа в казарму. На этом все.

С этими словами Пальзак поднялся с кровати и вышел из кубрика, оставив своих подчиненных рассматривать друг друга и скудную обстановку.

— Ну что, парни, будем служить вместе? — жизнерадостно заявил Олаф, прервав

повисшую тишину.

Али молча встал с кровати и, подойдя к шкафчику со своей фамилией, достал планшет.

Андрей и Со последовали его примеру и лишь Торвальдсон растерянно переводил взгляд с одного на другого.

Как и обещал Пальзак, тест действительно оказался по большей части формальностью. Хотя, не было сомнений в том, что человек без базовых знаний по специальности с ним бы не справился. Тест по физической подготовке также не представлял собой ничего особенного, хотя Вортов и не получил за него высших баллов. Впрочем, тот же Торвальдсон не справился с заданием вовсе, что, отчего то никого не волновало. Уже позднее Андрей узнал, что молодой норвежец проколол курс мышечных наноадапторов, стоимость которого была равна годовому жалованью наемника. А вот с рукопашным боем дело как-то не задалось. Тот же Торвальдсон стал единственным, кого Вортову удалось одолеть. Лишь хорошие баллы за тест по стрельбе стали той поддержкой, которая не позволила обстоятельствам раздавить изрядно побитое самолюбие.

В остальном, после прохождения тестов, ничего интересного не происходило. Хотя, пожалуй, Андрею было любопытно наблюдать, как задохлик Олаф на глазах превращается в атлета. Многочисленные занятия в классах, строевая и физическая подготовка съедали почти все время. Пожалуй, наиболее "живыми" можно было назвать занятия по тактике, которые проводил Пальзак в рваном ритме, то поднимая отделение в несусветную рань, то глубоко за полночь.

Вот и сегодня Андрей рывком соскочил с кровати, слегка потряхивая левой рукой, на которую пришелся живительный разряд тока от совмещенных с будильником, наручных часов, на дисплее которого красовались четыре знака — пять сорок пять и надпись — тактическая подготовка в шесть ноль-ноль. Вортов торопливо заправил кровать, не обращая внимания на суетливое копошение сослуживцев, а затем рванулся к шкафчику, в котором находилась форма и сумка с предметами личной гигиены.

Накинув форму, он рванулся к двери, ненароком заметив, что Со успел его обогнать.

Стараясь бежать как можно тише, чтобы не разбудить обитателей соседних кубриков, Вортов вместе с отделением, добрался до ванной комнаты, где и совершил доведенный до автоматизма утренний ритуал.

В пять пятьдесят утра маленькая колонна из четырех человек уже стояла возле, расположенного рядом с казармой здания оружейки, где их уже ждал облаченный в тестерлиновую броню командир.

В отличие от линейной пехоты, вспомогательным частям броня с экзоскелетом не полагалось. Вместо этого приходилось довольствоваться тканевой, больше похожей на один перешитый под все части тела бронежилет. И хотя тестерлин обеспечивал достаточно неплохую защиту от оружия с патронами на классических пороховых смесях, он все же больше применялся для изготовления брони для полиции. Единственным отличием от полицейской брони была раскраска в цвета хаки и силиконовый "поддоспешник" с многочисленными присосками, которые приблизительно оценивали силу удара пули и, на основании этих данных, оценивали степень полученных повреждений. Но поскольку в броне из тестерлина не было автоматического медицинского модуля, то для самого бойца пользы в том не было. Однако вся информация передавалась на компьютеризированный шлем, а оттуда непосредственному командиру, который уже решал, как лучше оказать помощь...или не оказать, если повреждения оказывались слишком серьезными.

Тем временем, отделение заканчивало облачаться. Андрей, то и дело дергая правым плечом, стараясь вправить перекошенную липучку. На экране шлема раздражающе мелькало сообщение об ошибке и отвлекало внимание.

Подошедший сзади Али, ткнул открытой ладонью в нагрудник где-то в районе правой лопатке и, секунду спустя, сообщение об ошибке исчезло и появился экран загрузки параметров. Андрей благодарно кивнул и торопливо достал из бронированного шкафчика с его фамилией на дверце оружие — винтовку "Ремменгтон-800". Здоровенный полутораметровый дрын с рифленным цевьем и закрепленным слева, вдоль ствольной коробки, двадцатисантиметровым патронным картриджем.

Прислонив винтовку у дверцы шкафчика, Вортов потянулся за, походившем на арбалет, частотным сканером на ремне, который вскоре и повис на его левом плече. Там же разместилась плечевая сумка с инструментами, расходниками и прочим барахлом.

Перехватив винтовку правой рукой, Андрей поспешно выскочил на улицу, где уже стояли Али и Со, а также уткнувшийся в планшет Пальзак, который вернулся в реальность, только после появления Олафа.

— Ну, друзья мои, я так не играю, — с притворной обидой обратился к ним капрал. — Шесть ноль четыре, господа. Куда это годится? Я-то к вам со всей душой, даже вот передвинул на полтора часа занятия строевой подготовкой. Так что теперь вам не придется бояться опоздать.

Пальзак выдержал паузу, дожидаясь, когда кто-нибудь спросит почему они должны опоздать, но дураков не было и потому, капрал просто продолжил свою речь:

— А ведь опоздать вам придется, ведь эти полтора часа вы будете бегать вокруг рощи в полном снаряжении. Всем все ясно?

— Так точно, сэр! — дружно отозвалось отделение.

— Хорошо. Да, забыл упомянуть, заниматься будете вместо обеда, чтобы в следующий раз вашим разжиревшим задницам было проще влезать в броню. А теперь за мной.

До места добрались за десять минут Полигоном для "обкатки" специалистов служила небольшая лиственная роща с искусственными завалами и густым подлеском.

— Сегодня будем отрабатывать поиск и деактивацию вражеской сети слежения. Что делать вы знаете. — сообщил Пальзак, когда они дошли до опушки. — А теперь построились и выдвигаемся.

Олаф и Али немедленно выдвинулись вперед, сжимая в руках "химеры" — небольшие пневматические автоматы, стреляющие кислотными капсулами с неважнецкой точностью, но просто запредельной скорострельностью. Капрал, сжимая в руках планшет, двигался в середине. Вся полученная со сканеров информация поступала непосредственно к нему. Андрей и Со разошлись по флангам и замкнули их маленькую колонну.

Примерно через двадцать метров капрал приказал остановиться:

— Стоп! Следов условного противника не обнаружено. Наше условное прикрытие держит периметр. Приступаем к выполнению задачи.

Андрей перевесил винтовку за спину и взял в руки сканер. Быстрая активация и на миниатюрном экране отобразились анимированные изображения радиоволн.

— Северо-восток чисто, просвет — шесть, — первым отрапортовал Олаф.

— Юго-восток чисто, просвет — два, — вторил ему Али.

— Два? — переспросил Пальзак.

— Ну, здесь завал...

— Тогда ты знаешь, что делать, Перье.

Али не стал спорить, а споро полез со сканером изучать завал. Минут через пять он отрапортовал:

— Чисто!

— Так, ладно. В западных секторах ничего быть не должно, так что продолжаем движение.

И они продолжили, пока метров через тридцать Олаф не завопил.

— Северо-восток, есть сигнал! Источник — четыре метра

— Отделение, что мы знаем о сборщиках информации? — обратился к подчиненным Пальзак.

— Самые распространенные модели пассивных сборщиков информации засекаются сканером с расстояния в два метра, сэр, — ответил Андрей. — А значит, перед нами либо датчик, либо ретранслятор.

— Все верно, — кивнул Пальзак, — А теперь движемся к источнику сигнала и постараемся вычислить сеть.

Отделение двинулось в сторону устройства, продираясь через переплетенные между собой ветви кустарника.

— Обратите внимание, иногда, когда противник готовит сеть для виртуализации поля боя, он защищает передающие устройства минами-ловушками и растяжками. В иных случаях миниатюрную сеть специально выставляют напоказ как приманку, — на ходу начал читать лекцию капрал.

— Еще один сигнал, сэр! — возбужденно воскликнул Олаф. — Перед нами явно ретранслятор.

— Двигаемся к источнику, — спокойно кивнул капрал, и пять минут спустя отделение стояло вокруг высокого раскидистого клена. Точнее, здешнего аналога клена земного.

— Итак, мы у цели, — сообщил Пальзак. — Что будем делать, господа?

— Нужно определить тип устройства, сэр, — ответил Али, разглядывая дерево. — Это может быть, как начало цепочки в виде датчика, так и конец, а значит перед нами хранилище информации.

— И что вы собираетесь делать дальше? Ну же, вопрос ко всем.

Андрей с товарищами переглянулись, а затем Олаф предложил решение:

— Устройство, скорее всего, находится в верхних ветвях. Если вы поднимете меня повыше, я смог бы его снять...

Поскольку других вариантов предложено не было, Андрей с Али сцепили руки и приподняли Олафа вверх, где он начал руками раздвигать ветви. Несколько секунд спустя послышался резкий хлопок и всю четверку обрызгало краской.

— Поздравляю, джентльмены. Отделение утратило боеспособность, и задача осталась не выполненной, — констатировал Пальзак, равнодушна глядя на чертыхающихся подчиненных. — Но вас больше должен волновать тот факт, что, если бы мина — ловушка была настоящей вас всех отправили бы домой по частям. С другой стороны, есть и положительные стороны. Вот, например, в случае с Али — его страховки как раз хватило бы, чтобы рассчитаться с долгами. Сколько раз нужно повторять, что перво-наперво нужно вскрыть структуру вражеской сети. Как раз во избежание подобных сюрпризов.

Но, черт, с вами — на сегодня все. Возвращаемся к точке старта. Вам еще двадцать кругов вокруг рожи бежать.

Этот эпизод запомнился Андрею надолго, несмотря на то, что вскоре ускоряющийся поток событий вновь вынес его к берегам Восточного континента.

Не было никакого подобия выпускного экзамена или финальной аттестации. Просто однажды Пальзак объявил, что их команду считают готовой и вскоре у них появится возможность показать себя в реальном деле. Впрочем, вскоре капрал поспешил унять, охватившую отделение, легкую нервозность, пояснив, что они всего на всего направляются к месту дислокации взвода, который в настоящий момент выполняет задание с минимальной степенью риска.

— Политика, компании, парни, — пояснял капрал, уже при посадке на межконтинентальный рейс, — Даже вспомогательные подразделения не сидят без дела, а, по мере возможности, приносят прибыль.

Как бы то ни было, вскоре два десятка "выпускников", покинули островной лагерь и коммерческим рейсом добрались до города Боливар, огромного мегаполиса, являвшегося жемчужиной Латинского сектора и всей северо-восточной части континента. Там команды разделились, отправившись к местам дислокации своих подразделений. Не было исключением и отделение Пальзака, которое в полном составе отправилось на юг, в пограничный город Тобаско, который...также не был конечной точкой их маршрута. По правде сказать, двадцатитысячный городок и пограничным то не был. Официальная граница Латинского сектора пролегла в восьмистах километрах к югу. И вместе с тем, из-за постоянной неразберихи, восстаний местных хунт и практически непрерывной череды кризисов огромные пространства оставались неосвоенными и практически были отданы на откуп сектантам, нелегальным старателям и прочей публики, старавшейся держаться подальше от властей.

Разумеется, в подобных местах о развитой инфраструктуре не могло быть и речи. В этом Андрей имел возможность убедиться, трясясь в кузове забитого ящиками грузовика, то и дело подпрыгивая каждый раз, когда могучая машина подпрыгивала на ухабах того, что местные считали дорогой.

Делать было нечего и Вортов начал прислушиваться к разговору между капралом и тремя незнакомыми бойцами.

— Так что, одна зелень? — с интересом спросил высокий, худощавый латинос чем-то похожий на крысу-переростка.

— Вроде Али имеет кое-какой опыт, — мотнул головой Пальзак, указывая на Перье. — Полицейский спецназ, если я не ошибаюсь.

— Так точно, сэр! Был техником в отряде быстрого реагирования, — отозвался Али.

— Таак тоочно, сэр, — передразнил его еще один боец, скрытый за стопкой ящиков. — И правда зелень. У Янека будет праздник.

— Заткни пасть, Хастингс! — прикрикнул на него Пальзак. — Или я сам тебя заткну.

— Прошу прощения, сэр, — немедленно ступевался боец.

Кaprал еще пару секунд смотрел в сторону, укpывшегося за ящиками, Хастингса, а затем обратился к первому собеседнику:

— Как там твой дядя, Рауль?

Тот немедленно подобрался и со всей серьезностью ответил:

— Зверствует. Патрулирование усилено. Передвижение только в полной выкладке. Ну и вообще — усиление бдительности. Ассистент профессора пропала. Нашли только кулон и

обрывки одежды. Как проморгать умудрились до сих пор не пойму.

Пальзак неодобрительно покачал головой и заметил:

— Расслабились вы тут совсем.

— Вот и дядя так же сказал, — поддакнул Рауль. — С вашим прибытием теперь еще и пешие патрули начнем вглубь территории. Может, что и найдем.

— Да ничего мы не найдем, наверняка эту дуру просто звери сожрали — вот и все! — подал голос из своего закутка Хастингс.

— А вот это абсолютно неважно кто и как ее уволок, — заметил Пальзак. — Этого в принципе не должно было случиться. Штрафов то навешали?

— Это уж, как водится, — кивнул Рауль, — Провалить такую миссию — позор, по пять сотен с каждого сняли. Теперь вот изображаем бурную деятельность. Даже лагерь местных сектантов обшарили. За сто километров мотались, чтобы хоть что-то начальству доложить.

— Нашли что-нибудь? — внезапно спросил, прислушивавшийся к разговору Олаф.

— Кучу наркоты, да не совсем страшных девок. Короче, не могли они это повернуть. Никак.

Пальзак обернулся к собственным подчиненным и с наигранным добродушием сообщил:

— Похоже, ребятки, ваша практика окажется веселее, чем я думал.

В конечном итоге, так оно и вышло.

"...В этом отношении история колонизации представляется кладезем сверхценной для специалистов информации. Несмотря на огромное сходство с нашей далекой прародиной, населяющие планету нации не пошли проторенным путем, а вместо этого избрали для себя самые разнообразные формы политического устройства, порою коренным образом отличавшиеся от того, что было у них на Земле. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает, что мечта о едином, сплоченном человечестве остается недостижимой даже в эпоху освоения дальнего космоса".

"Политическое обозрение", выпуск N 617.

Заснеженные пики Туманных гор, словно частокол, ограждали густые лиственные леса латинского сектора от, расположенной в прерия, зоны племен и ее обитателей. Преодолеть естественную преграду без специального снаряжения, по общему мнению, было решительно невозможно и потому угрозу с той стороны можно было исключить, а потому — причина исчезновения одной из ученых оставалась загадкой. Наиболее правдоподобной версией случившегося, которую в той или иной степени разделяли все участники научной экспедиции, было нападение диких зверей.

И, тем не менее, установить в точности, что же произошло так и не удалось и даже спустя неделю поиски продолжались. Прямым следствием этой ситуации стало то, что отделение Андрея включилось в работу сразу по прибытии. Несмотря на то, что количество ученых и обслуживающего персонала не превышало трех десятков, а сам лагерь представлял собой семь быстро возводимых модульных домиков разного размера и назначения, дел было предостаточно. Помимо постоянного патрулирования, весь взвод время от времени прочесывал окрестности, даже несмотря на то, что ближний охранный периметр был буквально напигован сигнальными датчиками.

В общем, и новобранцы, и старослужащие сходились во мнении — предпринятых мер должно быть более, чем достаточно. Но, к несчастью, для Андрея и его сослуживцев единственно верное мнение их командира взвода сержанта Рамиреза было совершенно другим.

Как рассказывал выматывающимся подчиненным Пальзак, сержант, в общем-то, был неплохим мужиком. В свои сорок три года он успел поучаствовать в нескольких корпоративных войнушках и бесчисленных охранных миссиях, свидетельством чему являлся почти идеально ровный ожог на правом виске, который тот нарочито выставлял напоказ, зачесывая волосы в косу, которую носил на левой стороне. Как пояснил все тот же Пальзак, это не было позерством, но свидетельством удачи — от лазерных установок не защищала даже тяжелая броня.

Однако, шло время и, несмотря на заверения капрала, познакомиться с лучшей стороной личности комвзвода новобранцам так и не удавалось. Фактический провал абсолютно

безопасной миссии буквально выбешивал ветерана, что, естественно, сказывалось на его отношении к подчиненным.

— У вас мозги то есть, кретины? — спрашивал Рамирез понурившегося Олафа, в то время как лицо Со было лишено даже намека на эмоции. — Какого черта вы расставили автономные накопители?

— Ладно, Августо, остынь, — вмешался Пальзак. — Ну, нет у парней еще опыта. Согласно наставлениям, нужно выставлять именно их, чтобы избежать обнаружения штаба и накрытие его огнем артиллерии.

— Какой на хрен артиллерии, Густав? — продолжал беситься сержант. Черты его лица еще больше заострились, превращая загорелое лицо в скверно скроенную маску. — Кто здесь нас обстреливать будет, макаки?

— Ладно, успокойся. Сейчас Вортов и Перье проведут внеплановые учение по поиску информационных накопителей.

Сержант прислушался к совету Пальзака и уже гораздо спокойнее, с усмешкой спросил:

— А провинившиеся что будут делать?

— Бегать вокруг лагеря, — пожал плечами Густав, — пока их товарищи не найдут все накопители и не заменят их ретрансляторами.

— Мне нравится ход твоих мыслей, капрал, — осклабился Рамирез, а затем обернулся к провинившимся. — Вы двое, бегом марш.

Олаф и Со тут же побежали, а Пальзак обратился к Вортову:

— Давайте за оборудованием и вперед в лес.

— Можете не торопиться, — добавил Рамирез. — Накопители никуда от вас не убегут. Эти двое тоже. Они ведь по кругу бегают.

Андрей и Али отдали честь и направились к расположенной в казарменном блоке каптерке. После того, как оружие и снаряжение было подготовлено они быстро покинули лагерь и отправились по вчерашнему маршруту провинившийся парочки.

— На их месте могли быть мы, — начал разговор Али.

— Могли быть, — пожал плечами Андрей. — А может еще будем. Со всей этой кутерьмой и не знаешь, чего ждать.

— Нужно просто уметь слушать, — лениво отозвался Али. — Вот лично я знаю, чего стоит ожидать.

— И чего же? — спросил Андрей, подыгрывая несколько тщеславному Перье.

— Неприятностей! — с апломбом ответил тот, отворачиваясь от Вортова вместе с частотным сканером.

— Это и дураку ясно, — фыркнул Вортов. — Ничего другого мы пока в этом лагере и не видели.

— Нет, я серьезно. Ребята говорили, что лейтенант Фингер пытался приударить за одной местной цыпой, а теперь вот ему стало не до этого. Говорят, он стал слушком уж нервным.

Андрей негромко хмыкнул. Лейтенант Вильгельм Фингер командовал ротой технической разведки и считался одним из самых выдающихся специалистов компании. Неплохие организаторские способности позволяли ему успешно руководить подразделением, которое больше напоминало аутсорсинговую фирму. И вместе с тем лейтенант был глубоко несчастен, не чувствуя себя полноценным лидером и потому отсутствие содержания он компенсировал формой. Это выражалось, например, в том, что

одним из самых любимых занятий у него была строевая подготовка, а сам он только что монокль не носил, старательно изображая из себя прусского офицера очень старой школы. Последнее, с учетом его внешности, было особенно забавно. Ведь при всем стремлении внушать окружающим почтение, Фингер выглядел как мелкий жулик с его непослушной копной рыжих волос и крупными, отчего то кажущимися кривыми, чертами лица на непропорционально маленькой голове.

Впрочем, свои служебные обязанности он выполнял хорошо и, помимо миниатюрных псевдопарадов, не слишком осложнял жизнь своим бойцам. И, что бы о нем не говорили, единичного, пусть и неприятного инцидента было явно недостаточно, чтобы вывести его из равновесия.

— Думаешь неудачи в личной жизни так его раззадорили? — спросил Андрей, перемещая сканер из стороны в сторону до тех пор, пока прибор не пискнул. — Кажется, есть сигнал.

— Вот радость то, — пробурчал Али, делавший вид, что прикрывает напарника от возможных угроз. — Может, чуток подождем, пусть парни побегают.

— Нам еще три штуки собрать нужно. Пока найдем... в общем, побегать они успеют. — Отказался Андрей, аккуратно вытаскивая кору, наложенную на небольшое, вырубленное в стволе дерево отверстие, в котором лежал маленький черный накопитель.

Дальше они шли молча, тщательно сканируя окрестности, поделив два сектора по девяносто градусов.

— Я ведь к чему разговор завел, — внезапно возобновил беседу Перье. — Ходят слухи, что два других взвода были переброшены к северной границе сектора. Фингер вот тоже нервничает.

Андрей остановился, обдумывая услышанное, а затем произнес:

— Заваруха будет. И, судя по всему, не маленькая.

Али кивнул и продолжил:

— Вот так подумать, и понимаешь почему они спешно новые подразделения сколачивают. Тревожно.

— Ну, риск, положим, всегда был, — пожал плечами Вортов. — Такая работа.

— Но все равно, — не согласился Але, — как подумаешь, что бросят в первых рядах в пекло, так сразу мысли всякие появляются.

Вортов проигнорировал слова напарника, а вместо этого сосредоточился на деле

— Кажется, нам туда, — сказал он, указывая на ветвистое дерево и, лежащий рядом с ним, полутораметровый валун.

— Вот ведь затейники, — с чувством произнес Перье. — Нет, им определенно не помешает побегать подольше.

Андрей лишь пожал плечами и сказал:

— Ну ладно, не будем время терять, полезай наверх и доставай накопитель.

— А почему я? — возмутился Али.

— Потому, что прибор нашел я, а ты всю дорогу только и делал вид, что выполняешь приказ.

— Справедливо, — ответил Али и, прислонив к камню автомат вместе с собственным сканером, полез на дерево. Вскоре послышались звуки ударов металла по дереву — в правой перчатке хранился миниатюрный набор инструментов как раз для таких случаев.

— Ты это слышал? — внезапно спросил Али.

— Слышал, что? — поинтересовался Андрей, отвлекаясь от настроек сканера.

— Не знаю... мне показалось...

Вортов так и не успел услышать, что именно показалось его напарнику. Внезапный удар чем-то тяжелым, отбросил Андрея в ближайшие кусты. Инфопанель шлема информировала о полученном ударе по броне средней тяжести, но как ни странно, никакой информации о повреждениях не было, но думать о таком времени не было — из-за кустов доносились испуганные вопли Перье и еще чей-то яростный нечеловеческий визг.

Секунду спустя ветви кустов раздвинулись, и Андрей увидел перед собой невысокую волосатую фигуру, покрытую шерстью, с синей мордой и заостренными клыками.

Не тратя времени на раздумья, Вортов потянулся к упавшей неподалеку винтовке, однако его необычный противник мгновенно распознал опасность и, кинувшись к лежавшему на земле человеку, бросился наносить мощные удары чем-то вроде дубины. К счастью, броня могла выдержать и не такое, однако из-за силы ударов, Вортову приходилось прикрывать рукой забрало шлема, которое могло и не выдержать, ведь система управления броней информировала о том, что сила ударов примата практически равнялась попаданию пули из короткоствольного оружия. Удары сыпались один за другим, пригвождая Вортова к земле и не позволяя не то что подняться, но просто хоть немного отвлечься от собственной защиты.

Примат продолжал яростно верещать, пока Андрей, улучив момент, все также оставаясь на земле, не зарядил ему ногой в промежность. После этого тональность воя резко изменилась, превратившись в едва ли не в скулеж, однако Вортов, в данной ситуации, был совершенно не склонен к сочувствию. Торопливо подхватив винтовку и сняв ее с предохранителя, Андрей прицелился и нажал на курок.

Прозвучавший выстрел был подобен раскату грома. Тело примата с немаленькой дырой в животе, повалилось назад и упало за поваленную корягу. Не теряя времени, Андрей вскочил на ноги и кинулся на помощь напарнику, где и застал довольно неприглядную картину — еще трое приматов из-за всех сил колотили дубинами крутившегося на земле Али, который, как мог, старался уберечь голову. Но даже несмотря на то, что у него это, с горем пополам, получалось, приматы, с поразительной прозорливостью продолжали наносить удары в районы колен, локтей и в промежность. В общем, туда, где тестерлиновая броня имела наименьшую толщину. И все же, несмотря на то, что ему приходилось явно не сладко, Али не терял боевого духа, матеря нападавших на дикой смеси арабского и французского.

Андрей вскинул ружье и, прицелившись в ближайшую тварь, точным выстрелом буквально разнес ей голову. Два оставшихся примата ответили яростным визгом, но стоило Вортову перенести прицел на одну из них, как они немедленно растворились в окрестных зарослях, так что третий выстрел пропал впустую.

Сделав для верности еще пару выстрелов, чтобы распугать зверей, Андрей подбежал к распластавшемуся на земле напарнику.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Я... нет, я... — прохрипел Перье, — что это было?

— Понятия не имею, нужно доложить о случившемся. — Сказал Андрей и, не теряя времени, так и поступил.

Прибывшая вскоре подмога во главе с сержантом Рамирезом, по мере возможностей прочесала район. Сержант долго не мог поверить в произошедшее, однако доказательства

были налицо. Два трупa приматов, выведенные из строя сканеры и автомат Али, а также записи с камер шлемов не оставляли повода для сомнений. Восторгу ученых не было предела, как оказалось, целью экспедиции было изучение малоизученных видов. Однако, их восторги несколько поутихли, после того как лейтенант Фингер высказал не лишнее смысла, предположение о том, что подобная стая, скорее всего, причастна к пропаже девушки. Впрочем, вся эта удивительная история закончилась для бойцов взвода технической разведки ничем. Буквально через два дня их перебросили на соединение с остальными двумя взводами, в полевой лагерь на окраине города Кортес, расположенного на берегу озера, являвшимся первым в цепи озер, получивших названия в честь олимпийских колец из-за их взаиморасположения.

Палаточный городок выглядел не слишком впечатляющим, в отличие от миниатюрного модульного дока, где день и ночь, инженерные роботы варили корпуса примитивных барж.

На третий день пребывания в лагере, Фингер приказал построить роту и отвел их в небольшое арендованное кафе, помещение которого использовалось как лекторий.

— Итак, очень надеюсь, дураков среди нас нет и ситуацию объяснять не нужно. — Заявил Фингер, оглядев рассаженных повзводно бойцов. Сам лейтенант выглядел уставшим. Под глазами залегли темные круги и от не даже пахло выпивкой, но сказать, что он совсем уж расклеился было нельзя. — Приказ о начале вторжения в сектор вольных городов будет получен со дня на день. Насколько мне известно, помимо "Кондора" в деле примут участие и другие компании. Нам же выпала честь идти в авангарде. Но это так, к слову. Что касается задач роты, то по мере продвижения вглубь вражеской территории каждый взвод будет выполнять задачи в зоне ответственности батальона, к которому он будет придан. При штурме городов и укрепленных пунктах рота будет действовать отдельно. Вопросы есть?

— Никак нет, сэр!

— Зря, — ответил Фингер и отхлебнул из набедренной фляжки. — Я ведь еще ничего не сказал о возможном противодействии. Не стесняйтесь задавать вопросы и включайте мозги. Поможет вам увеличить шансы на выживание. Итак, силы противника. В основном, ожидается противодействие ополчения с легким стрелковым оружием, а значит, скорее всего, они прибегнут к партизанской тактике. А это значит, большая доля ответственности за недопущения вражеских налетов ляжет на нас. Кроме того, есть вероятность, что Китай или Африканский союз попытаются оказать вольным городам помощь. Значит, следует ожидать появления боевых роботизированных платформ, борьба с которыми также в значительной мере ляжет на нас. В общем, легко не будет. Теперь есть вопросы?

На этот раз никто не спешил изображать придурковатую лихость, но и с вопросами не спешили, обдумывая сказанное лейтенантом. Тот терпеливо ждал, пока, наконец, Андрей не решился задать свой вопрос:

— Сэр, а каков предполагаемый статус конфликта? От чьего имени мы выступаем?

— Хороший вопрос, — заметил Фингер, вновь прикладываясь к фляге. — Охренительно своевременный вопрос. Но ответ, боюсь, вас не порадует — я не знаю, как будет называться местное временное правительство. Его сейчас подбирают и жителей городка на той стороне озера. Боюсь без краткого экскурса в местные реалии мне не обойтись. Если очень кратко — сектор вольных поселений очень лакомый кусочек, на который зарятся все соседи, так что напряжение витало в воздухе давно, но полыхнуло, как это обычно и бывает внезапно для всех. Хотя насчет всех я не уверен. Как бы то ни было, в один далеко не прекрасный день какой-то придурок рванул представительство какой-то корпорации в Равниче. Консорциум

отреагировал оперативно и начал планомерно экономически душить весь сектор. Вскоре местные провозгласили создание собственного независимого государства. Не всем это пришлось по нраву и потому мы здесь. Я так понимаю, что вскоре объявится единственное легитимное правительство, которое и станет нашим нанимателем и нашей задачей будет освобождение сектора от узурпаторов, объявивших себя правительством чуть раньше. А по факту будет очередная ширма, которая, в зависимости от ситуации, будет либо проталкивать интересы корпоратов, либо всеми силами подталкивать местное население к переходу под их руку. Естественно, свободному волеизъявлению эти псевдовласти мешать не будут. Но это, в сущности, не наше дело. Так, теперь о том, что из этого следует. Во-первых, ни один из участников будущего конфликта не признан планетарным конгрессом, а значит, будет проходить в серой правовой зоне. То есть, за любые возможные инциденты с местным населением ответственность ляжет на компанию, которая, не буду скрывать, предпочтет подыскать подходящего козла отпущения. Все понимают, что это значит?

Не дождавшись ответа, лейтенант произнес:

— Вопрос не риторический.

Его слова вновь были встречены молчанием, и Фингер был вынужден пуститься в пояснения:

— Это значит, что если вы видите безоружного человека в гражданке и без оружия, то и относиться к нему будете как к гражданскому, даже если лично видели, как еще вчера он бегал по лесу с автоматом и по ходу пристрелил вашего лучшего друга. Любые происшествия будут однозначно трактоваться не в вашу пользу. На этом, пожалуй, все, а теперь — освободите помещение, будут инструктировать следующую партию.

Несмотря на то, что инструктаж был, в общем-то, малоинформативен, для многих он стал символом наступившей определенности, что самым лучшим образом сказалось на психологическом состоянии солдат. Так что когда, через три дня, последовала команда на выдвижение, бойцы встретили приказ ели не с энтузиазмом, то принятием будто давно ожидаемого события.

Перевозка полка через озера растянулась почти на стуки. По непонятным причинам командование вовсе не торопилось, наоборот, офицеры и сержанты старались залезть в каждую дыру, настаивая на как можно более тщательной подготовке.

Рота лейтенанта Фингера высаживалась в первой волне. Вместе с ними были разведчики, которые тут же взяли под контроль небольшое номерное поселение на западном берегу озера. Десятка три малоэтажных домиков, в которых селились, в основном, выходцы из латинского сектора, причем такие, которым власти того самого сектора были не слишком рады. Глядя на откровенно прохиндейские рожи шныряющих вокруг горожан, Вортов пришел к единственно возможному выводу — заседавшее неподалеку "временное правительство" было откуда-то в спешке импортировано. Ничем иным объяснить их пафосные, наивные, но, вместе с тем, довольно благозвучные речи было нельзя.

Более глубокий анализ произошедшего пришлось оставить на потом, потому что Фингер приказал всем свободным от постановки датчиков помогать снабженцам оборудовать полевой лагерь, который предполагалось разбить в километре от городка.

Тем временем, набитые всевозможным грузом баржи продолжали прибывать. Неуклюжие карты-погрузчики то и дело сновали туда-сюда, перевозя ящики со снабжением и оборудованием, инженерные машины выкапывали блиндажи под полевые склады, штаб и прочие помещения, а неутомимые снабженцы перегоняли автоцистерны и прочий

управляемый человеком транспорт.

Все это происходило под аккомпанемент негромких хлопков, которыми ознаменовывались выстрелы тридцатимиллиметровых минометов, размещенных на роботизированных платформах. С каждым хлопком небольшие снаряды взлетали и подрывались в воздухе, рассеивая по окрестностям тысячи миниатюрных датчиков, что позволяло без особых усилий создать сплошную контролируемую электроникой зону в несколько сотен метров. Конечно, часть датчиков повреждалась еще при выстреле, часть уже на земле, но при абсолютно ничтожной стоимости это было не важно. Опытные солдаты из первого взвода сноровисто подтаскивали снарядные картриджи, и, время от времени, дистанционно управляли передвижением машин.

Время препровождение остальных было менее занимательным. Второй взвод помогал снабженцам, а третий был занят тем, что выгружал ротное имущество, экономя время специализированных машин. Надо сказать, что снабженцы шаг Фингера оценили, и все блиндажи роты уже были практически готовы, причем, что называется, в лучшем виде.

— Нет, нет, и еще раз нет! — повышенный голос капитана Шульца, командовавшего первым батальоном, отвлек Андрея от созерцания массивного металлического короба, во время переноски которого их отделение устроило импровизированный перерыв. — Никаких мин, вы слышите меня! Охранные платформы также не ставить! На данном этапе мы должны избегать любых инцидентов, а в этой дыре полно дураков, которые на пулю пойдут ради дозы. Часовые должны ясно продемонстрировать всем — опасность реальна! Что-то более сложное они просто не поймут!

Фингер и лейтенант саперов пытались ему что-то втолковать, но Шулец просто отмахнулся от них, продолжая командовать выгрузкой батальона. Андрей невольно засмотрелся на выгружавшихся бойцов. Что бы там ни говорили о китайской броне на основе экзоскелета, работать над дизайном они научились. Конусообразные шлемы с непрозрачным пластиком забрала, вылизанные линии поножей и наручей, а также имитировавшие драконьи шипы, убирающиеся нарукавные лезвия придавали бойцам вид готового броситься в атаку, хищника, даже несмотря на достаточно стандартный защитный окрас и блестящее на солнце, словно лак, противозащитное покрытие.

— Так, завязываем с отдыхом, пока сержант не пришел, — скомандовал Пальзак и вместе со всеми схватился за крепежные рукояти короба.

— Да какого черта! — неожиданно не выдержал, обычно довольно робкий, Олаф. — Я ведь не робот, чтобы это тащить!

— Ищи хорошие стороны, — подбодрил его капрал. — С подобными нагрузками ты вскоре им станешь. А теперь заткнись и берись за короб!

— Есть, сэр, — понурился Торвальдсон.

— Может хотя бы броню снимем? — внезапно поддержал товарища молчаливый Со.

— Ты что смеешься? — удивился Пальзак. — Мы в зоне боевых действий. Снимать броню не положено. Если тебя прямо сейчас внезапно пристрелит снайпер, то твоя семья не получит страховку, если установят, что на тебе была неполная защитная экипировка. К тому же,

Как только закончим с разгрузкой — выходим на маршрут, расставляем накопители.

Предотвращая возможное недовольство, капрал добавил:

— На первый взвод ляжет основная нагрузка в пути. Охрану движущихся колонн нам доверят, а потому первый взвод сейчас отдыхает. Считайте выход тренировкой,

приближенной к боевым.

— То есть противодействия не ожидается? — уточнил Перье.

— Эй, я сказал тренировочный выход, а не отпуск, — ответил Пальзак, — Бдительность в любом случае терять нельзя.

Как и предсказал капрал, их взвод направили на расстановку информационных накопителей. Андрей шел в арьергарде, внимательно оглядывая окружающие деревья и густые заросли кустарника. Шедшие впереди Олаф и Али тщательно просвечивая сканерами окружающее пространство. Пальзак шел в центре, время от времени давая указания, относительно мета установки накопителя, или же связывался с базой, и вскоре окружающий лес наполнялся звуками разрывающихся снарядов с датчиками. Вортов и Со обеспечивали прикрытие, вода из стороны в сторону стволами "ремингтонов" и брея на прицел любое подозрительное место. Но как бы серьезно Андрей не относился к работе, его взгляд время от времени останавливался, на экране, болтавшегося на шее сканера. Десятки тысяч датчиков, посылающих сигналы в пространство, словно звезды на ночном небе, отображались устройством. После установки очередного накопителя, сигналы окружающих датчиков переключались на него, образуя очередной элемент паутины охранной сети.

— Вы слышали? — внезапно спросил остановившийся Олаф.

— К бою, — немедленно скомандовал Пальзак, и в мгновение ока, отпрыгнул к ближайшему дереву, выхватывая на ходу "химеру".

Андрей и Со поступили точно также и еще усерднее принялись обшаривать стволами окружающее пространство. Поспешил укрыться и Торвальдсон, пусть и после короткой заминки. Укрывшийся напротив Али неодобрительно косился на напарника, не переставая искать источник возможной угрозы.

Секунды шли за секундами, перетекая в минуты, но помимо журчания ручья и переклички окрестных птиц, лес был тих и безмятежен.

— Так, кажется, ложная тревога, — с облегчением выдохнул Пальзак. — Я снял данные с окрестных датчиков, они ничего не зафиксировали. И Торвальдсон, в такой ситуации нужно подавать сигнал, а не топтаться на месте как остопоп.

— Э... прошу прощения, сэр, — смущенно пробормотал Олаф. — Больше не повторится.

— Уж надеюсь, — пробурчал Пальзак, — Будь это настоящая ловушка, мы бы уже, верно, были все мертвы. Ну, чего ты там услышал то?

— Хруст веток, сэр, — торопливо объяснялся Торвальдсон, его выпученные от переживаний глаза были хорошо видны, сквозь прозрачное забрало шлема.

— Наверняка, какое-нибудь зверье, — пренебрежительно отозвался Али.

— Вроде обезьян, Перье? — добродушно подколот капрал. Тот негромко выругался на арабском.

— Сэр, а что именно зафиксировали датчики? — поинтересовался Андрей.

— Ничего, — Ответил Пальзак.

— Совсем ничего?

— Совсем, — с ноткой раздражения вновь откликнулся капрал.

— Но, сэр, даже если это было зверье, то датчики должны были зафиксировать хоть что-то...

На несколько секунд тяжелое задумчивое молчание, прерывалось лишь журчанием ручья.

— Я доложу на базу, — сказал, наконец, Пальзак. — А пока продолжаем выполнять задание. И...давайте-ка повнимательнее. В случае если услышите что-то подозрительное — сразу же подавайте сигнал.

"Многим кажется, что люди, живущие в секторе вольных поселений — не более чем сборище маргиналов. На самом деле это заблуждение, основанное на наблюдении за пограничными населенными пунктами сектора. На самом деле, все те люди, которых так любит показывать телевидение есть не более, чем изгнанники из пограничных с вольными поселениями стран. К формирующейся общности, расселившейся в бассейне двух великих рек, они практически не имеют никакого отношения".

"Политическое обозрение", выпуск N 1428.

"Один из плюсов профессиональной компании, — размышлял Андрей, — это то, что никто не стремится манкировать своими обязанностями. Отрабатывают от и до".

И действительно, никто не попытался отмахнуться от происшествия в лесу, не списал все на разыгравшееся воображение молодого солдата. Вместо этого разведка прочесала окрестности, но ничего подозрительного так и не было обнаружено. В конечном итоге, все списали на сбой аппаратуры, тем более, что охранная сеть так и не была установлена и кроме дополнительных датчиков, рассеянных в квадрате, никаких дополнительных мер принято не было.

Впрочем, для Андрея и его товарищей эта история вскоре перестала представлять какой-то интерес — все их внимание было сконцентрировано на подготовке к маршу, приказ, о начале которого должен был вот-вот поступить. И все же, несмотря на то, что понуканием были постоянно заняты не только командиры отделений и сержант Рамирез, но и лично лейтенант Фингер, вечно грозивший всевозможными карами нерадивым, новость о предстоящем выступлении стала для всех полной неожиданностью.

Буквально на следующее утро Фингер построил всю роту и отдал приказ о выступлении. Техническая разведка, вместе с саперами и развед-диверсантами быстро заняли свои места в бронемашинах и отправились обеспечивать безопасность продвижения полковой колонны.

К удивлению Андрея, всего через сорок минут дороги, Пальзак отдал приказ выгружаться. Покинув бронетранспортер через задние створки, он быстро осмотрел небольшой пяточок, на котором сгрудились все пять бронемашин взвода, из которых уже начали выгружаться бойцы, а также приданные им роботизированные платформы.

— Строиться! — скомандовал сержант, и весь взвод мгновенно образовал шеренгу напротив головной машины. — И так, взвод, слушай мою команду. Нам поставлена задача — установить сигнальные сети на всем протяжении маршрута. И это наш первый участок, пять километров в длину и по триста метров в глубину на каждую сторону дороги. После того, как мы закончим постановку на этом участке, переходим к следующему, где нас уже будет ждать машина снабжения с расходными материалами. Вопросы есть?

— Никак нет! — хором рявкнул взвод.

— Хорошо, — довольно кивнул сержант, — тогда, за работу!

Уже через десять минут после короткого инструктажа, Андрей занимался привычной работой, которая в какой-то момент, незаметно для него самого превратилась в рутину.

Привычно хлопали разрывы, начиненных датчиками снарядов. Привычно занимали свои места, настроенные лично Пальзаком информационные накопители, маскируясь, то в искусственно выдолбленных дуплах дерева, то между груд камней или же в корнях трухлявого пня. Все шло своим чередом, и не было никаких тревог, о возможно подстерегающей на каждом шагу опасности.

Эта рутинная тянулась день за днем, километр за километром, сопровождая неспешное движение сотен машин полковой колонны. Оборудование охранного периметра лагеря ничем не отличалась от привычной работы, разве что ее интенсивность возрастала многократно. Конечно, довольно редко полевой лагерь разбивался в чистом поле или, хуже того, на опушке леса. Гораздо чаще временным пристанищем бойцов "Кондора" становились окраины небольших безымянных поселений, в которые заходили без боя. Более того, единственными потерями с момента начала кампании стали двое бойцов линейной роты, отравившихся местной выпивкой. Ходили слухи, что это была диверсия. Так это или нет, Андрей не знал, но подозревал, что распространение подобных слухов выгодно командованию, в отличие от других, ходивших по лагерю. Так, говорили, что пешей разведке удалось отыскать следы шныряющих вокруг отрядов, однако отследить ни один из них не удалось. Вообще, подозрительная пассивность противника порождала всевозможные нехорошие слухи и подозрения.

Напряженное затишье кончилось внезапно и самым неожиданным образом. Во время марша к перевалу Дейла и, расположенного там же, одноименному городку, Несколько деревьев по обе стороны дороги рухнули на проезжающую технику. Конечно, само по себе это не могло принести большого вреда, однако наклепленная на стволах, в большом количестве взрывчатка уничтожила шесть броневиков и еще полтора десятка получили повреждения той или иной степени.

Минная засада обошла полку в двадцать восемь человек убитыми и более полусотни раненых. Больше всего Андрея поразила устойчивость тяжелых доспехов "Тор". Броневик с тяжелыми пехотинцами разорвало, словно упаковку из-под чипсов, а бронекостюмы, на фоне горящей техники и, низведенных почти до состояния опилок, деревьев, казались практически неповрежденными. Это, однако не уберегло самих бойцов от внутренних повреждений — двое погибли сразу — еще двое были отправлены на базу с минимальными шансами на выживание.

С этого момента движение колонны замедлилось еще больше. Больше не надеясь на выучку и техническую оснащенность саперов, командование приказало инженерам расчищать лес в местах, где он слишком плотно примыкал к дороге. В итоге, расстояние, которое ранее полк проходил за три часа, теперь не всегда удавалось одолеть и за восемнадцать. Кроме того, в целях усиления бдительности командование решило выпускать больше беспилотников, которые разбрасывали на некотором удалении от маршрута полка тысячи новых датчиков вместе с ретрансляторами сигнала.

Результат появился сразу же — в первый день было потеряно два беспилотника. Помимо получения разведанных это послужило еще одной цели — напоминание о том, что противник постоянно находится где-то рядом.

Как бы то ни было, оставшийся путь до городка Дейл был проделан без происшествий, после чего оное поселение было занято без малейшего сопротивления со стороны местных.

Второстепенные дороги, ведущие, затерянным между холмов, ранчо были немедленно взяты под контроль, равно как и речной порт, который, наряду с госпиталем, входил в довольно короткий список местных важных объектов. В остальном, россыпь трех — четырехэтажных домишек, дававших кров, не превышавшему двадцати тысяч человек населению, работавшему на многочисленных скотобойнях, не представляла из себя ничего особенного. Но, вместе с тем, тот факт, что на этот городок замыкалась единственная магистральная дорога, ведущая в юго-восточную часть сектора, предавал ему стратегическую важность. В общем, всем было понятно почему именно руководство компании решило разместить в Дейле не просто постоянный гарнизон, но и, на период контракта превратить его в опорную базу. Не понимали другое — почему противник так легко уступил стратегически важное место, отдавая вместе с городком стратегически практически четверть сектора. С другой стороны, все действия повстанцев до сегодняшнего дня были подчинены какой-то странной логики, которой никто из бойцов младших командиров не понимал. И это тревожило людей.

Как бы то ни было, одна из промежуточных задач кампании была выполнена. По слухам, подкрепление двигалось следом за "кондором", а "законное правительство" уже начало набирать собственную армию, костяк которой должны были составить частные военные компании низшей ценовой категории, разбавленные авантюристами всех мастей.

Насколько правдивыми были эти слухи так и осталось загадкой, поскольку весь полк, за исключением наиболее пострадавшего в минной засаде второго батальона, выдвинулся к следующей цели — крупнейшему региональному центру переработки аграрной продукции, городу Локрейн.

— Пошевеливайтесь, парни, — громко призвал Пальзак, глядя на то, как его подчиненные перенастраивают охранных роботов, с тем, чтобы улучшить качество приема сигнала с, развернутых в округе, датчиков. — Выступаем на рассвете, нужно еще успеть получить снаряжение.

— Снаряжение, сэр? — переспросил Олаф.

— Ожидается сопротивление, — поморщившись, пояснил капрал, — Сканеры не пригодятся.

Через десять минут отделение уже стояло возле наскоро возведенного бункера, определенного под склад. Чернявый капрал-снабженец, внезапно вынырнувший из не приметного закутка, поздоровался с Пальзаком за руку и объявил:

— Вы у меня сегодня последние. С чего такая задержка?

— Настраивали системы охраны, — ответил Густав, — а то ведь мы уедем, а вы без нас пропадете.

— Тут главное, чтобы вернулись вы в полном составе, — отозвался его собеседник. — А то слухи всякие нехорошие гуляют. Говорят, что как таковых повстанцев тут и нет. Против китайской спецурсы работаем.

— А ты не слушай кого ни попадя, крепче спать будешь, — посоветовал Пальзак.

— Если действительно спецназ, то с моей должностью рискую и не проснуться, — покачал головой снабженец. — Ну да ладно, Рамирез уже все обсказал что да как, так что можешь не утруждаться. Вам приказано выдать РХ-113 и по двадцать снарядов на брата. В каждом по пятьсот датчиков — сертифицированные средства виртуализации поля боя.

С собой возьмете по четырнадцать для "торов" и по шесть для "драконов".

— Шесть... — задумчиво произнес Пальзак, — Не маловато ли?

— Таков приказ, — пожал плечами снабженец и, набрав несколько команд через

планшет, вызвал робот-погрузчик. — Кстати, вам положено пять ящиков со снарядами к мортирке.

— Черт, это уже совсем ни в какие ворота, куда ж мы их девать-то будем...

— Да не переживай ты так, утром на инструктаже Фингер наверняка все прояснит... — попытался успокоить снабженец.

— А толку? — криво ухмыльнулся Пальзак и обернулся к бойцам. — Ладно, чего встали, хватайте ящики и тащите к машине. Робот за вас — это делать не будет — не на курорте.

Ожидание предстоящего выступления не давило на нервы Андрея так, как в первый раз. Однако, весьма высокая вероятность серьезного боевого столкновения еще некоторое время после отбоя не давала уснуть, что отразилось на его настроении, когда электронный браслет послал телу заряд электричества, знаменуя утреннюю побудку. Едва взглянув на проклятый всеми богами девайс, на экране которого отображалось местное время — пятнадцать минут шестого, Вортов поспешил схватить набор с гигиеническими принадлежностями и приступил к традиционным утренним процедурам в полевом исполнении. Антибактериальная жвачка с мерзким привкусом для зубов, такие же салфетки для умывания и неприятно покалывающая кожу желтая жидкость, выжигающая намечающиеся зачатки щетины — неполноценная, но серьезно экономящие время процедуры.

В итоге, примерно через десять минут после побудки уже вся рота в полном боевом облачении стояла на относительно ровной площадке, служившей стоянкой закрепленных за ними бронемашин.

— Так, внимание, — наконец привлек к себе внимание лейтенант Фингер, то и дело поглядывавший на снабженцев, продолжавших грузить роботов в броневики, — Думаю, все уже наслышаны о скором наступлении на Локрейн. Мне остается подтвердить — все правда. Ожидается сопротивление противника, хотя его присутствия в городе не выявлено, но, как показали недавние события, это ничего не значит. Что касается задач. Во-первых, мы должны обеспечить максимальный обзор нашей тяжелой пехоте. Это значит, что любое укрытое от взгляда пространство должно быть нашпиговано датчиками. Это понятно? Хорошо. Сержант, Харрис вы и первый взвод прикреплены к первому батальону и будете штурмовать промышленную зону. Если противник решит оказать организованное сопротивление, то, скорее всего, именно там. Сержант Рамирез, вам и вашим людям предстоит стучаться в парадные ворота вместе с третьим батальоном. Наша вторая задача — обеспечение контроля над городом. К сожалению, у нас не хватит, ни людей, ни роботов, чтобы надежно контролировать город размером с Локрейн. И здесь вступает взвод сержанта Конни. Вам надлежит просеять датчиками все входы и выходы из города, не контролируемые нашими подразделениями. Для этого будет сформирована маневренная группа, куда, помимо вас войдет пешая разведка и инженеры. Остальные детали оставляю на усмотрение командиров взводов.

Также хочу еще раз обратить ваше внимание — необходимо стараться всеми силами минимизировать ущерб гражданскому населению. Малейший перегиб — и вам не понравятся последствия. А теперь еще раз перепроверьте ваше снаряжение и по машинам!

После команды все пришло в суетливое, но организованное движение. Указанные лейтенантом подразделения, торопливо грузились в десантные отсеки бронемашин и отправлялись к точкам сбора подразделений, к которым они были приданы в качестве усиления. Не стало исключением и отделение Пальзака, споро грузившее ящики со

снарядами к "мортиркам" в десантный отсек огромной бронемашины, которая получила в солдатской среде прозвище "мастодонт". Вскоре погрузилось внутрь отделение, бойцам которого впервые за все кампанию пришлось тесниться в, рассчитанном на бойцов в полной броне, десантном отсеке машины. Ящики с боеприпасами сжирали все свободное пространство.

— Вот так наедем на мину, и все это добро детонирует, — мрачно прокомментировал Со.

— Да ты не каркай, придурок, — неожиданно зло оборвал его обычно выдержанный капрал, — "Мастодонты" — машины крепкие. Их только танковым или артиллерийскими калибрами и возьмешь. Пехотного оружия, способного с первого удара их уничтожить не существует.

Если что — выбраться успеем.

— Как же успеем, — вполголоса пробормотал Со, — чертовы ящики все перегородили...

После особо красноречивого взгляда Пальзака, кореец наконец заткнулся, успев, однако испортить настроение окружающим.

Через несколько часов марша, когда передовые дозоры уже въезжали в Локрейн, мрачное пророчество Со все-таки осуществилось — где-то в головной части колонны раздался взрыв и все отделение приготовилось к высадке и возможному бою.

— Оставаться на месте! — рявкнул капрал, напряженно слушавший поступавшие через гарнитуры приказы. — Подрыв головной машины. Присутствия противника не выявлено. Саперы под прикрытием "драконов" обезопасят путь. Начинаем высадку только по моей команде!

Напряжение не отпускало. Бойцы все так же напряженно сжимали в руках оружие, время от времени придерживая, кренящиеся из стороны в сторону, ящики с боеприпасами. Сам Пальзак напряженно вчитывался в информацию на тактическом планшете, но делиться новостями с подчиненными не спешил.

Отделение дисциплинированно молчало до тех пор, пока легкий скрежет поворотных механизмов башни и глухой грохот пушечных выстрелов, не истощили их терпение.

— Сэр, вы не могли бы немного прояснить обстановку? — не выдержал Олаф.

— Поясняю, — с готовностью ответил капрал, — высадку начнем через две минуты. Все остальное — не ваша печаль.

Больше вопросов не было. Через обозначенные две минуты, которые отчего-то показались Андрею часами, с громким шипением аппарат в задней части бронетранспортера вывалилась на землю, и Вортов, следуя указанию, появившемся на тактическом дисплее в левой части забрала, переместился к заднему колесу бронемашины. Плавно переводя ствол с одного разбитого пулями окна на другое, Андрей тщательно выискивал затаившуюся угрозу. Медленно тянулись секунды, но ничего не происходило. Покореженные фасады окраинных домов и испуганные взгляды редких прохожих были единственными деталями, за которые невольно цеплялся взгляд — все остальное от волнения сливалось в хаотичное цветное марево.

— Продолжить движение! — послышалась команда, которая тут же была продублирована на тактическом дисплее, где, помимо этого так же была отражена общая тактическая схема движения всего авангарда, а также отдельно их взвода, отделения и конкретно Андрея.

Саперы в тестерлиновой броне выглядели, словно набитые плюшем игрушки на фоне тяжелобронированных бойцов линейной пехоты, не говоря уже о монстрообразных "торах", едва переставлявших ноги при помощи усиленных экзоскелетов.

Возглавляли колонну гусеничные роботизированные платформы, следом вперемешку двигались саперы, техническая разведка и бойцы линейной пехоты, прикрывавшие также бронемашины, одна из которых была оборудована под командно-штабную. Все остальные помимо средства усиления, исполняли роль передвижных складов с боеприпасами.

За то недолгое время, пока колонна двигалась к первому перекрестку, Вортов успел заново переосмыслить роль их подразделения в отлично продуманной структуре компании.

Тысячи датчиков, раз в несколько секунд выстреливаемых минометным роботом, наряду с десятками, кружащихся в окрестностях, дронов передавали всю полученную информацию на компьютеры КШМ, откуда она, в уже обработанном виде, попадала на тактические дисплеи бойцов. Получавшаяся картина совершенно не радовала. Неопределенная вероятность подрыва почти каждой припаркованной у обочины машины оценивалась как средняя угроза для продвижения колонны и как крайне высокая лично для Андрея.

От всего этого ему становилось немного не по себе, но, как на собственном опыте убедился Вортов, неизвестность пугала гораздо больше. Надписи на тактическом дисплее непрерывно выдавали предостережения о возможной угрозе со стороны снайперов, но в то же время, не давая и намека на то, где они могли быть расположены. Помимо этого, были еще мертвые зоны, неисправность части датчиков и другие неприятности, что говорило о том, что система анализа поля боя далека от совершенства.

С этими мыслями Андрей механически перезаряжал "мортирку", посылая снаряды с более совершенными датчиками в более-менее подозрительные места в надежде, что в случае чего, тяжелая пехота сможет упредить надвигающуюся опасность.

После того, как их батальон закрепился на первом перекрестке, получивший временную передышку Вортов начал осматривать окрестности. Ничем не примечательная улица, была заполнена испуганно-удивленными людьми, разглядывавшими перевернутый багги разведчиков и груды перевернутых торговых автоматов с разлетевшейся по всей улице снедью и банками газировки газировки. Молодой бариста из придорожной кофейни шокировано разглядывал практически обезглавленное тело в хамелеоновой накидке.

Не слишком пострадавшие товарищи убитого давали объяснения лейтенанту линейной пехоты.

— Не зевать! Не на прогулке! — внезапно заорал, незнамо как оказавшийся поблизости сержант Рамирез. — Пальзак, черт тебя задери, а ты куда смотришь!

Подошедший на шум капрал невозмутимо ответил:

— Туда же куда и все, на тело. Пусть парни посмотрят, им полезно будет. Вон у Товальдсона от волнения давление подскочило.

— Удвоить бдительность! — скомандовал, внезапно успокоившийся, сержант и отправился проверять бдительность остальных подчиненных.

— А теперь игра на сообразительность. Кто сможет пояснить последний приказ? — меланхолично произнес Густав.

— Приказы не обсуждают, а выполняют, сэр! — молодежато ответил Со.

— Это так, — кивнул Пальзак. — И все же?

— Противник выдал себя, — задумчиво ответил Андрей — А значит им нужно

задержать нас, выиграть немного времени. Засада?

— И у нас есть победитель, — насмешливо протянул капрал и добавил — Засада или еще какой-то сюрприз. Так что смотрите в оба. Сейчас роботы помогут ближайшей пробке рассосаться, и выдвигаемся вперед.

— Густав, а приз победителю полагается? — поинтересовался Андрей.

— Конечно, — жизнерадостно ответил Пальзак, — раз сообразил, значит, возможно, и поживешь подольше, если повезет. Чем не приз?

Короткий звуковой сигнал шлема, привлек внимание Андрея к появившейся на дисплее тактической схеме, согласно которой их отделение должно было заменить саперов в первых рядах.

— Не стоим, выдвигаемся! — продублировал приказ голосом капрал. И они пошли. По дороге кратчайшим путем, мимо многоэтажной застройки, к центральной площади, где располагалась мэрия и здание управления полиции. На каждом перекрестке от колонны отделялся один броневик, несколько роботизированных платформ и пехотное отделение. Все проулки, улицы и прилегающие дворы тщательно усеивались датчиками.

Каждая минута движения проходила в напряжении и ожидании засады. Наемники тщательно осматривали каждую подозрительную деталь, но в итоге первым заподозрил неладное Олаф.

— Сэр, — неуверенно обратился он к Пальзаку, — инкассаторский фургон на двенадцать часов...

— Вижу, — спокойно отреагировал капрал, — Тридцать четыре процента... Мессер тоже не дурак, саперы уже пошли.

И действительно Пять человек в тестерлиновой броне выдвинулись вперед, управляя парой специальных роботов на гусеничной платформе.

— Сэр, — повторил Торвальдсон, — к фургону протянут кабель...

— Вниз! — внезапно заорал Пальзак. — На землю!

Вбитые тренировками рефлексy не подкачали, и Андрей повалился на землю, наблюдая, словно в замедленной съемке, как створки задней двери фургона распахиваются и сообразившие, что к чему, саперы, повинувшись команде своего капрала, тоже падают на землю. Все действие заняло считанные секунды, за которые Андрей спел нашарить болтавшуюся за спиной, винтовку, а тяжелобронированные пехотинцы, которые при всем желании не успели бы залечь, изготовились к бою и навели оружие на фургон. Однако, даже при всей их сноровке этого оказалось недостаточно. Мелькнула яркая вспышка и сразу пятнадцать меток на тактическом экране Андрей погасли. Целый взвод тяжелой пехоты был уничтожен меньше чем за минуту.

Но, к счастью, бойцы в сверхтяжелой броне успели разобраться в ситуации и открыли ураганный огонь из наплечных малокалиберных пушек. Отделение "торов" в три ствола размолотило бронированный инкассаторский фургон в грудy металлолома, а залегший капрал — сапер, довершил уничтожение вражеской техники, удачно брошенным взрывпакетом. Горящие обломки фургона отбросило в сторону жилого дома, с сопутствующим разрушением придомового сада и блокированием входа в подъезд.

Последовавшая вслед за стрельбой и взрывом тишина казалась оглушающей. Вскоре это ощущение прошло, и разум перестал отфильтровывать звуки городской жизни и потрескивающего пламени. Однако, не успел Вортов осознать произошедшее, все еще держа под прицелом то место, где совсем недавно стоял, оказавшийся ловушкой, фургон, как

противник нанес новый удар.

Сопровождаемый скрежетом сминаемого металла, многотонный бетонный блок, неожиданно упавший с большой высоты, приземлилась на место, где раньше стояла командно-штабная бронемашина, чей покореженный корпус, словно бильярдный шар, был отброшен к противоположной стороне улицы.

Первыми среагировали тяжелые пехотинцы, разнеся будку управления краном из встроенных тридцатимиллиметровых пушек. С жалобным скрежетом стрела крана повалилась на землю, разнося элементы фасада и строительные леса, что породило жуткий грохот, перекликавшийся со стрельбой, то и дело вспыхивающей в разных частях города.

— Говорит лейтенант Марье, — внезапно оживила, встроенная в шлем, рация, — В связи с гибелью капитана Райкхарта и лейтенанта Давоса, принимаю командование. Приказываю перестроиться в походную колонну и совершить рывок в направлении центральной площади и взять под контроль мэрию и управление городской полиции. Приоритет — взятие под контроль оборудования, управляющее городскими системами безопасности. Повторяю, оборудование ни в коем случае не должно пострадать. Томаз, оставишь по отделению "торо" на каждом перекрестке в плоть до центральной площади. Их задача — удерживать позиции до прихода подкрепления. Фингер, оставь одно отделение здесь, пусть продолжают усеивать окрестности датчиками и постепенно двигаются на соединения с нами. Выполнять.

Несколько секунд спустя отряд пришел в движение, несмотря на исчезновение, проецируемых на тактические дисплеи, схем, тренированные бойцы довольно быстро разобрались в том, что нужно делать. Вскоре, Андрей вместе со своим отделением, погрузился в закрепленную за ними бронемашину, которая тут же буквально рванула с места, демонстрируя квалификацию водителя.

Затем был короткий рывок к центру, во время которого Андрей слышал лишь звуки стрельбы с головной бронемшины и звук расталкиваемых к обочинам, гражданских автомобилей.

Примерно пятнадцать минут спустя, Пальзак дал команду на выход, и отделение уже привычно покинуло десантный отсек, а затем заняло позиции возле бронемшины.

Не успел Андрей толком оценить обстановку, как к их броневнику подбежал сержант Рамирез и отдал приказ:

— Пальзак, ты и твои парни идете со мной на штурм управления полиции. Рассыпаться в цепь и следовать за третьей ротой. Саперы пойдут следом.

Линейная рота тем временем перестроилась в три шеренги и выдвинулась к ближайшему проулку. Несмотря на то, что их было чуть меньше полусотни, такое количество бойцов в экзоброне выглядело впечатляюще.

— Отделение, приготовить мортирки.

Андрей и его товарищи изготовили РХ-113 к стрельбе.

— Навесным через арку, — продолжал командовать Пальзак, — а то премся, как идиоты, в неизвестность...

Убедившись, что его бойцы взяли прицел, капрал скомандовал:

— Залп, а затем догоняем "драконов".

Четыре негромких хлопка известили окружающих о том, что прилегающие улицы теперь были плотно засеяны сотнями датчиков, передававших вырвавшейся вперед пехоте тактическую информацию. Следуя приказу, отделение технической разведки рвануло вслед за пехотинцами. Где-то позади слышался топот бежавших следом саперов.

Когда Андрей и его товарищи, наконец-то достигли цели, пехотинцы уже рассредоточились вокруг небольшой стоянки перед двухэтажным зданием управления полиции, контролируя как окна полиции, так и близлежащих домов. Саперы двинулись вперед, сканируя припаркованные полицейские машины и, в первую очередь, фургоны. Память о недавней засаде была еще очень свежа. Затем они выбили взрывпакетом массивную двустворчатую дверь в здание, и Пальзак приказал их отделению выдвигаться на позиции. Снаряды с датчиками немедленно были отправлены в окна первого и второго этажей, а затем, когда они подобралась к подорванной двери, и во все простреливаемые коридоры. После того, как пехота получила картинку, "драконы" повзводно двинулись на штурм. Блокируя лестницы, ведущие на верхние этажи, они зачищали комнату за комнатой. Отделение капрала Пальзака двигалось следом и, время от времени, "давало" картинку. В холле, не прекращая выла арка металлодетектора, извещая о проникновении в здание все новых бойцов. Негромко гудели саперные дроны, летавшие тут и там в поисках подозрительных предметов.

Наблюдая за непрекращающейся суетой, Андрей с удивлением отметил, что меньше, чем за три минуты шестьдесят процентов первого этажа было зачищено.

— Сэр, наблюдаю робота постового перед входом в подвал. Какие будут указания? — отвлек Андрея голос одного из "драконов". И пока капрал-пехотинец размышлял над ответом, вмешался еще один рядовой:

— Не смейся мои тапочки, Эрн. Они вооружены лишь не летальными шокерами.

С этими словами боец шагнул за угол, а следом послышалось шипение и треск электрического разряда.

— Твою то мать! — выругался пехотный капрал и выпрыгнул следом, за подчиненным, длинной очередью из автомата, приведя робота в неработоспособное состояние.

— Ломайте дверь, — приказал он оставшимся бойцам — Техник, подсветишь помещение. Нам больше не нужны подобные сюрпризы. Карла буквально зажарило.

Один из "драконов", одним ударом ноги легко вынес дверь, после чего Андрей, не рискуя соваться в коридор, торопливо выставил туда руку с "мортиркой" и выстрелил.

Через несколько секунд данные начали поступать на тактические дисплеи "драконов".

— Черт, — скупко прокомментировал обстановку капрал. — Небольшой холл в конце коридора и еще четыре подобных уroda. Техник, запульни-ка туда электромагнитным, я знаю у вас такие есть.

— Сэр, в следующей комнате может располагаться центр управления городскими системами безопасностями, — попытался возразить Андрей.

— Рядовой, в данный момент ты находишься в моем подчинении, — раздраженно оборвал его капрал, — разговоры пишутся, ответственность моя. Еще есть вопросы?

— Никак нет, сэр, — ответил Вортов, доставая из подсумка небольшой черный цилиндр. Затем он достал оттуда снаряд, который помимо стандартной маркировки был дополнительно выкрашен в матово серый цвет. Переломив ствол РХ-113, Андрей извлек оттуда снаряд с датчиками и зарядил электромагнитный.

— Стреляю по команде, сэр.

— Стреляй, чего уж там, — усмехнулся капрал, игнорируя откровенную попытку переложить на его плечи ответственность.

Вортов в ответ лишь молча выставил в коридор руку с "мортиркой" и произвел выстрел.

Раздался негромкий хлопок и спустя мгновение свет в ближайших помещениях мигнул,

а затем и совсем погас. Tактический дисплей Вортова перестал выдавать какую-либо полезную информацию, а затем погас вслед за светом.

— Проклятье... — негромко выдохнул один из "драконов".

— Кажется, я недооценил мощность этой штуки, — нехотя признался капрал. — Так, уже "проморгались"? Режим ночного видения и вперед, зачищаем помещение. Техник, состояние встроенной электроники?

— Выжгло, — угрюмо отозвался Андрей.

— Значит, остаешься здесь, дальше мы сами.

He успел капрал закончить фразу, как по ушам группы ударил звук отдаленного взрыва. Штурм Локрейна вступил в следующую фазу.

"Нужно также учитывать, что военная орбитальная группировка непосредственно подчиняется спецпредставителю ООН. Таким образом, любые мысли о сессии, которые просто не могли не возникнуть, даются в зародыше одним лишь этим фактом. Вместе с тем, подобное положение дел позволяет подкрепить некоторые решения Планетарного Конгресса. Я имею ввиду запрет на применение авиации в конфликтах, проходящих в густонаселенных районах. Беспристрастный арбитр, имеющий под рукой силы, способные нанести одной из сторон неприемлемый ущерб самым благоприятным образом сказывается на процессах гуманизации ведения боевых действий..."

"Политическое обозрение", выпуск N 816.

Локрейн был взят на второй день штурма, который обошелся компании "Кондор" в двести двадцать семь человек убитыми или серьезно покалеченными. С учетом предыдущих потерь, командование решило реформировать уцелевших в два полноценных батальона. Несмотря на неочевидность разразившейся катастрофы, суть от этого не менялась. Кроме тридцатипроцентного сокращения боеспособности полка на тридцать процентов, присутствовал еще и чисто финансовый аспект. Андрей понятия не имел о сумме вознаграждения, которое компания должна была получить по выполнению текущего контракта, но по разговорам ветеранов, он делал вывод, что при потерях свыше полусотни бойцов "Кондор" не всегда мог остаться в плюсе просто из-за страховых выплат. Но видимо, сумма была поистине впечатляющая, ведь даже по итогам кровопролитного сражения за Локрейн командование сохраняло твердую решимость выполнить этот контракт. Конечно, все дело могло быть еще и в том, что на кону стояла репутация компании, и вся нынешняя стратегия могла быть описана фразой: "строить хорошую мину при плохой игре". Впрочем, по собственному опыту Вортов знал, что по прошествии времени даже Пиррову победу можно было обратить в эпичную сагу о мужестве и героизме, перебив тем самым любые первоначальные репутационные потери., что, однако, не отменяло того факта, что "здесь и сейчас", последние могли быть очень вредны для бизнеса.

Но между тем, нынешнее положение "Кондора" не дотягивало даже до этого сомнительного успеха. Победа получилась какой-то половинчатой. После того, как наемники взяли под контроль порт, центр города и главную электростанцию и промзону, сражение за которую превратилось в настоящую бойню, что иронично, поскольку скотобойни и консервные заводы и составляли основу местной промышленности, неуловимый противник перешел к тактике снайперских засад, увеличивая потери среди солдат вспомогательных подразделений. Но этим неприятные сюрпризы далеко не исчерпывались. За прошедшие сутки было уничтожено более полусотни роботизированных боевых платформ, как на гусеничном, так и на колесном ходу. Саперам пришлось подорвать

многоуровневую парковку, которая служила одной из баз для вражеской техники. Поскольку техникой промышленного подрыва они не владели, то неудивительно, что окрестности мгновенно превратились в одну большую, кучу строительного мусора, которая, к тому же, заблокировала близлежащую проезжую часть.

Похожую картину можно было увидеть в районе речного порта, контейнерный терминал которого был почти полностью разгромлен. Противник замаскировал часть своих машин под грузы. Что же касается, с таким трудом взятой промышленной зоны, то ее, в конце концов, пришлось оставить, поскольку на поиски хоть чего-либо в этой мешанине складов и фабрик попросту не было сил. В итоге, командование ограничилось лишь тем, что изолировало район блокпостами, растягивая и без того ограниченный человеческий ресурс.

Что же касается роты технической разведки, командование которой принял сержант Рамирез, после смерти Фингера во время взрыва в муниципалитете, то все двадцать семь человек оставшегося личного состава были заняты тем, что, вместе с полевой разведкой непрерывно прочесывали город в поисках центра управления техникой повстанцев.

Вот и сейчас Андрей, в составе отделения Пальзака, вместе с тройкой разведчиков прочесывал улицы в одном из центральных районов Локрейна, в надежде перехватить сигнал, похожий на те, что были распознаны во время атак боевых платформ противника.

— Поверить не могу, что нам приходится этим заниматься, — раздраженно бурчал Али, поглядывая то на частотный сканер в руках, то в сторону капрала, который вместе с Со и Олафом, занимался тем же самым. Двое бойцов-разведчиков, в накидках-хамелеонах молча продолжали изучать окрестности. — Это все равно, что искать иголку в стоге сена.

— Если прикажут, придется и иголку искать, — равнодушно бросил Андрей, который, в общем то, понимал причины недовольства напарника. В своей тестерлиновой броне на мирных улочках города они выглядели нелепо и, продолжавшие жить своей жизнью горожане, поглядывали на наемников со смесью страха и любопытства.

— А-а-а, да чтоб им провалиться этим мятежникам! — продолжал разоряться Перье — Почему они не могут просто заползти в самую глубокую нору и там сдохнуть?

Никто не ответил и Али раздраженно принялся поглядывать по сторонам, будто бы надеясь немедленно обнаружить так раздражающих его мятежников.

Андрей развернулся к напарнику, чтобы привести его в чувство, как вдруг сигнал сканера уведомил его о том, что был обнаружен сигнал на тридцать семь процентов соответствующий характеристикам, присланным из штаба.

— Вортов, что там у тебя? — немедленно уточнил по рации Пальзак, получавший данный на командирский планшет в режиме реального времени.

— Машина сэр, — отозвался Андрей, — сигнал определенно шел от одной из машин.

— Отлично, — обрадовался капрал, — сейчас сообщу Рамирезу и можем возвращаться в лагерь. У нас есть зацепка, а ты можешь рассчитывать на премию.

Так оно и вышло. Примерно через час все отделение отдыхало в быстровозводимом пластиковом модуле, одним из многих в полевом лагере на окраине Локрейна. Окруженный, позаимствованными с местных строек, бетонными плитами и баррикадами из мешков с землей, он представлял собой довольно внушительное зрелище, благодаря царившему всюду единообразию и наличию множества вооруженных солдат и боевой техники. Однако, несмотря на тотальную милитаризацию окружающего пространство, в жилых модулях велись обычные житейские разговоры.

— Поверить не могу, ты настоящий везунчик! — с несвойственной ему горячностью

воскликнул Со. Несмотря на то, что его лицо практически не отражало эмоций, притворно-восторженный голос был явственным свидетельством того, что второй стрелок отделения явственно завидовал. Сидевший в отдалении капрал, проверявший крепления датчиков к внутренней поверхности брони, с неудовольствием покачал головой, явно сожалея о том, что решил в открытую поздравить своего подчиненного с премией в две тысячи амеро, что было довольно значительной суммой для многих. А для выходца из корейского корпоративного сектора такая сумма и вовсе могла показаться сокровищем, учитывая, что собственные боевые в размере шести сотен Со получил за два уничтоженных вражеских робота. Тот факт, что Андрей в силу обстоятельств, уничтожил четыре и, соответственно, получил в два раз больше, лишь еще больше разжигал огонек зависти, ясно видимый в глазах корейца.

— Я бы не стал называть никого, из находящихся в лагере, везунчиками. А возможно и всех участников этой кампании, — попытался сменить тему Андрей.

— Вот только не надо нам здесь пораженческих разговоров... — неожиданно вмешался Пальзак, завтра подойдет подкрепление, батальон компании "Красный ястреб" и вооруженные формирования нашего истинно демократического правительства, которое мы здесь как бы представляем...

— В том то и дело, что как бы... — пробурчал Андрей, но один взгляд, брошенный капралом заставил его умолкнуть на полуслове. Однако, буквально через пару минут, когда командир покинул помещение робкий голос Торвальдсона вдохнул новую жизнь в угасшую было беседу.

— Так...с чего такой пессимизм? — поинтересовался Олаф, доставая, упрятанный в подсумке, гражданский планшет.

— Богатый жизненный опыт, — ответил Вортов. — У меня создается такое впечатление, что главная цель всей этой диверсионной войны — создание телевизионной картинки. Seriously, разбежавшаяся полиция означает трупы гражданских, вину за которые можно запросто свалить на нас. Постоянные снайперские обстрелы из жилых домов — провокации на ответный огонь. Прибавьте ко всему этому подорванные саперами здания, едва ли не до тла сгоревший порт и раздолбанные броневиками дороги и выйдет картина, что надо. Не забывайте, ни одна из сторон конфликта не признана Планетарным Конгрессом, так что террористами или военными преступниками может оказаться кто угодно.

— В главном офисе тоже не дураки сидят, — подал голос с лежака Перье, выглянувший из-за порно журнала, — разберутся. В конце концов, ребята не первый год в бизнесе и знают на кого ставить. И вообще, я думаю, что у тебя просто профессиональная деформация.

— Ты знаешь, что такое профессиональная деформация? — притворно изумился Олаф и получил прилетевшим журналом по лицу.

— Французский сектор — культурная столица нашей планеты! — с пафосом провозгласил Али. — Короче, это я к тому, что не нужно видеть то, чего нет. Нам и с тем, что есть, проблем хватает.

— Поддерживаю. — коротко отозвался из своего закутка Со.

— Ну, — несколько неуверенно произнес Олаф, — как сказал Али, командование знает на кого ставить.

— Они-то может и знают, — раздраженно оборвал его Андрей, — Вот только нам, игральным фишкам, легче от этого не будет.

Несколько секунд все молчали, пока Перье не воскликнул:

— Я понял! Это и есть фирменный русский пессимизм — Достоевский, зима близко и все такое прочее.

Вортов раздраженно фыркнул, в то время как остальные сдержанно рассмеялись. Как бы то ни было, тема угасла сама собой и присутствующие переключились на обсуждение подкрепления, которое должно было прибыть со дня на день.

— Я говорил с ребятами из киберкоманды... В одной из онлайн игр...в общем, не важно, — сумбурно объяснял Олаф. — как я понял, помимо нас и "красных ястребов", в кампании участвуют ЧВК "Юпитер", "Гнев Кали" и "Харон". Итого четыре полка, примерно нашего состава и индийская бригада. Плюс силы ДСВП, которые и составят основу нашего подкрепления.

— ДСВП? Что это? Тип древесины? — осведомился Али.

— Демократический Союз Вольных Поселений, — с готовностью ответил Торвальдсон. — Иными словами весь тот сброд, который начали собирать, как только мы пересекли границу.

Перье грязно выругался, а затем, приподнявшись с лежака раздраженно спросил:

— Ну и зачем тогда они здесь нужны? Будут только пугаться под ногами да мародерить, имидж нам портить. Думаю, наш русский журналист не одобряет...

— А я так совсем не против, — равнодушно произнес Со. — Пойдут в первой волне, пулеуловителями. Я сюда за деньгами приехал, а не подыхать за чужие представления о демократии, за которыми скрывается желание нахапать побольше.

— Цинично, — прокомментировал Олаф.

— Жизнь в корпоративных секторах учит смотреть на мир трезво, — мрачно ответил Со.

Внимательно наблюдавший за ходом беседы, Али решил высказать свое мнение:

— И все же этот сброд будет только мешать.

— Зато их смерти дадут хорошую картинку, — пожал плечами Андрей. — Одно дело банды наемников, поработавшие мирных жителей в интересах корпораций, другое дело внутренний конфликт, в котором, априори, эти самые жители должны гибнуть с обеих сторон.

— И все же у тебя профессиональная деформация, — покачал головой Али и на этом дискуссия завершилась. С конечным итогом в виде сигнала наручных браслетов, передававших приказ на построение.

— Так, внимание, — обратился к строю солдат усталый сержант Рамирез две минуты спустя, — Благодаря находчивости, проявленной бойцами нашей роты, центр управления вражеской техникой был обнаружен. Именно поэтому отделение Пальзака отправится в усиление штурмовой группы. Я, Мердок и Лазински будем дежурить на трех блокпостах в промзону. Остальные, согласно составленному графику дежурств. У вас полчаса на отдых и подготовку. Разойтись.

Старая истина, гласящая, что инициатива наказуема воплотилась в жизнь, несмотря на то, что собственно помимо должностных обязанностей, никакой излишней прыти Андреем проявлено не было. Однако, это не помешало Со то и дело бросать на него недовольные взгляды, в то время как командир роты "драконов", лейтенант Раскас вяло переругивался с администратором, окруженного его бойцами, небоскреба. Проблема заключалась в том, что милостивая тридцатилетняя женщина с повадками отъявленной мегеры не совсем правильно оценивала баланс сил, полагаясь на поддержку полноватого лысого мужичка за

сорок, который, судя по форменному пиджачку и бейджику, являлся начальником охраны.

Командир группы быстрого реагирования того же охранного агентства смотрелся несколько лучше, в отличие от его ребят, которые в легкой, полу гражданской тестерлиновой броне на фоне усиленной роты наемников не смотрелись совсем. Администратора, однако, такие мелочи мало интересовали и потому она продолжала с напористостью бульдога трепать нервы лейтенанта "драконов".

— Да вот они, черт вас задери, мои полномочия! — не выдержал, наконец Раскас, взмахом руки указывая на изготовившихся к штурму тяжелобронированных солдат. — Они же юрисдикция и права! Все, мы входим.

Толстобрюхий начальник охраны нервно сглотнул, а командир группы быстрого реагирования приказал своим людям податься назад. Тут, кажется и до администраторши начало что-то доходить, и она мгновенно сменила тон с возмущенно-угрожающего на просительный.:

— Подождите, подождите! Арендатор уже съезжает! Час назад они прислали охрану, и если начнется стрельба, пострадают соседние помещения! Страховка...

— Что? Как съезжают?! Вперед, на штурм! Приоритет — оборудование! Старайтесь не повредить оборудование! — буквально прорычал лейтенант и кивком головы велел сопровождающим увести женщину в сторону.

— Не оказывать сопротивления! Повторяю — не оказывать сопротивления! — Надрывался в рацию толстый охранник, в то время как Андрей и его сослуживцы наводили стволы "РХ-113" на массивные стеклянные двери-витрины центрального лобби.

— Залп! — скомандовал Пальзак и через несколько секунд пять снарядов заполнили центральный холл здания тысячам датчиков. Секунду спустя, тяжелобронированные пехотинцы устремились на штурм, по ходу беря под контроль центральные лифты и боковые лестницы. Два из трех входов немедленно разделились и отправились занимать верхние этажи.

— Торвальсон, Вортов, за мной, остальные на штурм западного крыла! — скомандовал Пальзак, соответственно разделяя собственное подразделение. Меньше чем через минуту, все трое уже готовились преодолеть длинную череду лестничных пролетов.

Их цель — помещения местной службы беспилотного такси, находилась на четвертом этаже. Командовавший взводом "драконов" сержант оставил одно отделение прикрывать подходы. Трое остались контролировать первый этаж и еще двое отправились на пятый, отсекая любую угрозу сверху. Третий, милостью Пальзака, был просто наштигован датчиками, и потому людей на охрану было решено не выделять.

Дверь в офисный комплекс на четвертом этаже поддалась с первого удара облаченной в доспех на основе экзоскелета ноги. В ответ, совершивший действие боец, получил длинную пулеметную очередь, две пули из которой легко пробили забрало — тактический дисплей, отправив того в могилу. Не дожидаясь команды, прижавшийся к стене, слева от дверного проема, просунул туда ствол "мортирки" и отправил порцию датчиков в помещение. Два негромких хлопка и, командовавший штурмом, сержант вскоре сориентировался в тактической обстановке:

— Баррикада из мебели, двое. Рокки, будешь приманкой. Шрайк, уберешь их. Два помещения, слева и справа — сперва техники их "подсветят", затем штурм. Донован, твоя

сторона левая, Родригес — берешь правую. Всем все ясно?

Дождавшись подтверждения, сержант кивком дал команду приступать. Бойцы отделения Пальзака временно отступили вниз и вверх по лестнице, а среди столпившихся в проходах "драконов" наметилось оживление. Еще один "дракон" показался в проеме двери и тут же в коридоре снова загрохотали выстрелы, заглушая крики испуганных гражданских из соседних офисов. Пули барабанили по броне, силой ударов чуть отбрасывая бойца назад и отворачивая в сторону. Мгновением позже, еще один боец, практически прижавшийся к полу, показался в проеме двери и длинной очередью скосил оборонявшихся, заодно превратив импровизированную баррикаду в груды металла и пластика.

Не успел запах синтетических пороховых смесей растаять в воздухе, как штурмующие, прикрывая друг друга, двинулись в коридор занимая позиции перед офисными дверями, на пересечении коридоров и у дверей, ведущих в другие офисные секции.

Андрей мельком взглянул на трупы двух чернокожих здоровяков, в залитых их собственной кровью, рабочих спецовках, один из которых так и не выпустил из рук штурмовую винтовку. Следуя заранее согласованному плану, Вортов занял позицию слева от двери в один из офисов, крепко сжимая "РХ-113" в руках. С другой стороны коридора Торвальдсон занял зеркальную позицию, в то время как не занятые в зачистке близлежащих помещений "драконы", продвинулись вперед, контролируя все возможные входы и выходы. Как и при входе на этаж, один из "драконов" попытался выбить хлипкую пластиковую дверь ударом ноги, только вот, в отличие от первого раза эту пародию на защиту не вынесло вперед, как можно было ожидать...а силой ответного взрыва отбросило в коридор, куда и отправился, попытавшийся осуществить проникновение, боец.

Андрей, игнорируя звон в ушах и легкую контузию, снова направил ствол "мортирки" в образовавшийся проем и, после небольшого взрыва, сопровождавшего разлет датчиков по всему помещению, стал наблюдать за получившимися новыми указания штурмовиками.

Далее последовала зачистка офисных боксов, одного за другим, потом был офис управляющего, а также серверная и прочие технические помещения. Насмерть перепуганных гражданских сгоняли к секретарской стойке, а затем под конвоем выпроваживали из здания. Разумеется, за исключением тех, на кого было указано, как на управляющих. Их оставили для последующего допроса. Из комнаты в комнату, опасаясь получить пулю из-за любого угла и, в то же время, опасаясь стрелять через непрочные стены, чтобы не задеть гражданских, они шли, проверяя каждый закуток и расставляя на пути сигнальные датчики. Зачистка других офисных секторов проходило примерно по тому же сценарию. Взвод штурмовиков, атаковавших через западное крыло также столкнулся с сопротивлением, которое, впрочем, было довольно быстро подавлено. И в конечном итоге, как заявил Раскас, операция завершилась успехом. Силы "Кондора" потеряли одного бойца убитыми еще одного серьезно раненым. Аппаратура компании была захвачена, а также уничтожено шесть боевиков, которые оказались не такими страшными, какими их описывала солдатская молва. Впрочем, на тот момент все это не имело большого значения. Накатившая во время боя волна адреналина постепенно отступала, оставляя место тупой усталости, переходившей в апатию. Командиры, не будучи идиотами и на волне недавнего успеха, отправили бойцов отдыхать.

И вот уже ближе к вечеру, отделение капрала Пальзака, в отсутствие командира, сгрудилось у жилого модуля и наблюдало за подходящим к лагерю, подкреплением.

Выглядело оно, прямо скажем, не очень. И если "красные ястребы" были довольно

прилично обмундированы, большинство — в более ранней версии китайской экзоброни "Дрого-4", то силы ДСВП больше всего напоминали кое-как сколоченную разношерстную банду, коей, справедливости ради, они и являлись. Однообразное полевое обмундирование сидело на большинстве, как на корове седло, но, пожалуй, знаковым являлось повсеместное нарушение формы одежды. Банданы, нарукавные повязки со всевозможной символикой, а в особо вопиющих случаях повязанные рукавами на бедра кители явственно демонстрировали, что о слове дисциплина эти ребята могли вообще не слышать.

— Чувствую, от этих ребят будут одни проблемы, — сделал вывод Олаф, пожевывая зубочистку. Выглядел, при этом, он совершенно по-дурацки.

— А ты, я смотрю, умеешь замечать очевидное, — усмехнулся Али, обнажив ряд идеально белых зубов. — Кстати, о неприятностях, вы слышали, что Раскаса штрафанули на десять кусков за то, что вместе с офисным планктоном, могли просочиться переодетые диверсанты?

— Да он, в общем то, все правильно сделал, — немедленно отозвался Со. — Тут вообще неизвестно чем кампания обернется, а клеймо военного преступника — гарантированный планетарный ордер. Затеряться — никаких денег не хватит, так что эти десять штук еще мелочи.

— А то, что эти гады снова нам в спины стрелять будут, это как? — неожиданно рассердился Торвальдсон. — Да мы с ребятами таких...банили безжалостно.

К концу фразы самый молодой боец отделения ожидаемо смутился, все остальные сделали вид, что ничего такого они и не слышали. Так они и стояли, разглядывая копошащееся по всему лагерю подкрепление, пока к их модулю не прибежал запыхавшийся Пальзак.

— Отделение, смирно! — внезапно скомандовал он, а затем, разглядывая, вытянувшихся по струнке, товарищей приводил себя в порядок. — Ладно, отставить парад и начинайте собираться. Я говорил с Рамирезом, и мы вот-вот получим приказ на выдвижения. Задача, усеять лес к северо-западу от города датчиками так, чтобы мышь не проскользнула. Туда бросят все, что осталось от технической разведки. Остальные направления возьмут на себя дроны.

— Сэр, скажите, а правда, что противник для наведения боевых роботов использовал программы вызова такси? — неожиданно спросил Олаф, застав своим вопросом командира врасплох.

— Ты...очень хорошо информирован, Торвальдсон., - нашелся с ответом капрал. — Позволь полюбопытствовать откуда тебе это известно?

— От киберкоманды, сэр, — живо отозвался тот. Мы с ними в одно время играли в разных кланах, вот и свели знакомство.

— Ага, — почесал подбородок капрал, — ну, значит с тебя сотня за нарушение режима секретности, а с командиром команды я поговорю. Значит так, помалкивайте об этом. Слово разойдется и все замыслы командования прахом пойдут. Пока они не знают, что нам известны их возможности они не станут торопиться с прорывом и у нас будет время установить вокруг города сигнальное кольцо. Собственно, да, вот только что поступил приказ. Готовьтесь к выходу. Кто не уложится в норматив, будет безжалостно оштрафован.

Неуверенно переглянувшись, Андрей и его товарищи поспешили обратно в модуль.

"Никаких сомнений не вызывает тот факт, что очень многие депутаты Планетарного Конгресса голосуют за законопроекты, противоречащие интересам их национальных секторов. Однако, не стоит забывать, что зоны, так называемых, малых государств, со временем превратились в этакие продвинутые версии этнопарков. Не нужно быть гением, чтобы дойти до очевидной мысли о том, что во многих случаях, в таких секторах на принятие политических решений влияют корпорации. Другой вопрос — каким образом уже они согласуют собственные интересы. И в этом свете, конспирологические теории о истинном предназначении Консорциума, могут представлять определенную ценность..."

"Политическое обозрение", выпуск N 1018.

Непрерывный шелест листвы перемешивался с журчанием многочисленных ручейков, спадавших то тут, то там по переплетающимся корням окрестных деревьев, и неизбежно исчезающих в густом, труднопроходимом подлеске. Мелкие капли дождя плавно скользили по забралу, забавно подсвечиваемые разноцветными надписями на тактическом дисплее, с которого Андрей внимательно считывал схему уже поставленных полей датчиков и ретрансляторов и неторопливо размышлял о том, каким образом максимально эффективно расширить уже существующую сигнальную сеть с тем, чтобы сделать ее действительно непроходимой.

Не то чтобы он яростно ненавидел местных повстанцев или тех наемников, которые за них сражались, но после недельных боев, постоянной тревоги и ожидания пули из-за угла, теплых чувств к ним он также не испытывал. Как говорится: "Ничего личного — только бизнес". Или, в случае Вортова, работа, которую он стремился сделать как можно лучше, ведь как он уже успел убедиться материальное поощрение в случае успеха не заставит себя ждать.

Но как бы Андрей и его товарищи не старались, успеха достигнуть так и не удалось — противник все также сидел в городе, не делая попыток прорваться из города. Впрочем, каких-либо громких акций они также не совершали. Поначалу они, конечно пытались вернуться к старой тактике, но все их успехи ограничились отстрелами патрулей из банд, которые рядились под армию ДСВП. Те в ответ, тоже не слишком церемонились, беззастенчиво вламываясь в жилые дома и попросту расстреливая тех, у кого находили синяки от приклада или же просто подозрительных. С учетом того, что местный муниципалитет был уничтожен взрывом, а полицейские разбежались, неизбежный в подобном случае поток жалоб хлынул на головы командования частей ЧВК,

расквартированных в полевых лагерях на окраине Локрейна. Те, же готовясь к броску на Равнич, футболили несчастных от одного лагеря к другому. Иными словами, шансы города на возвращение к нормальной жизни при власти правительства ДСВП выглядели откровенно неважно.

Впрочем, отделение капрала Пальзака, как и остальных уцелевших из роты технической разведки, это касалось лишь опосредованно, хотя и не довольно сильно. Вот уже четвертый день техники "Кондора" всеми силами пытались как можно сильнее старались уплотнить сигнальную сеть в лесах к северу от города, даже несмотря на зарядившие на второй день дожди.

— Проклятье! — выругался Перье, оступившийся в луже и немедленно подхваченный мрачно-молчаливым капралом. — Спасибо, босс! В лагере пасется куча народа и только мы горбатимся в этом лесу. Это просто не справедливо!

— Справедливости нет, — равнодушно отметил Андрей, — "ястребы" и прочие опоздали на нарезку задач. Одна радость — на штурм Равнича они первыми пойдут, а уж там то будет заварушка не чета этой...

— Премияльных тоже не будет, — ровным тоном отозвался Со, — за штурм города нехилая премия положена вообще-то, но нашей я пока еще не вижу.

— Полевая разведка получила, — мрачно ответил на невысказанный упрек Пальзак, — за противодействие диверсантам.

Отделение остановилось как вкопанное и только раздраженный сыростью и недостатком сна спросил:

— Да как же так-то? Я чего-то не понимаю?

— Руководство компании считает, что штурм не было, — совершенно неожиданно окрысился капрал, — а значит и премии за штурм не положено. Было всего лишь нападение диверсантов, смекаете?

— Да... как же так... — растерянно пробормотал Али.

— Да вот так! — Рывкнул Пальзак. — Перье, еще раз откроешь не по делу пасть, я помогу тебе ее захлопнуть! Вопросы есть?

— Никак нет! — придурковато крикнул Али, распугивая укрывшихся от дождя, под кронами деревьев, птиц.

— Вот и хорошо, — начал остывать Пальзак, — двигаем! Вортов, тебе особое приглашение?

— Движение на восемь часов, — отстраненно пробормотал Андрей, разглядывая собственный сканер.

Пальзак, в свою очередь, бросил взгляд на тактически планшет, и раздраженно произнес:

— Это лес, умник, здесь всегда движение, тем более, что наши датчики...ничего...не показывают...совсем...ничего...Так, отделение, оружие к бою!

Капрал быстро уловил суть проблемы. Высокочувствительные датчики улавливали движения даже небольших птиц и грызунов, передавая информацию на накопители, ретрансляторы или иную приспособленную технику, где она, впоследствии фильтровалась. В кишачем жизнью лесу полное молчание сигнальной сети было событием очень маловероятным.

Следуя указаниям на тактическом дисплее, Андрей занял место на крайне правом фланге задней части клина, вершиной которой являлся сам капрал вместе с Али и Олафом,

следовавшим чуть позади. Крайне левый фланг замыкал Со, также, как и Вортов, вооруженный мощной винтовкой.

Следуя указаниям в виде движения глаза, автономная боевая система в шлеме Андрея свернула тактический дисплей к размеру небольшого квадрата в левой части забрала, давая ему возможность самостоятельно оценивать обстановку.

Но ничего угрожающего видно не было. Ничего не видел и авангард и тогда капрал приказал Али и Олафу приготовить начиненные датчиками ручные гранаты. Гораздо более худший по качеству аналог снарядов для РХ-113. Но стоило им лишь только свернуть предохранитель в нижней части боеприпаса, как хмурый мрачный лес озарился вспышками выстрелов. Вершина клина оказалась срезана сразу же. Неловко завалился на спину капрал Пальзак, молодой Олаф Торвальдсон нелепо завалился на бок и лишь один Али, отделался легким испугом, получив пулю в плечо и немедленно откатился к ближайшему укрытию, трухлявому стволу дерева, когда-то поваленного ураганом.

Укрытием он казался только на первый взгляд, поскольку пару секунд спустя на место, где залег Али обрушился буквально град из пуль. Но тут свой ход сделал и Со, послав пулю куда-то в направлении вспышек. Оглушающий звук выстрела из "Ремингтон-800" немедленно отвлек нападавших от добивания павших, поскольку на звуки стрельбы должны были вот-вот подтянуться солдаты сержанта Рамиреза.

Повинуясь чутью, Андрей не стал пытаться вслепую пристрелить врага, а вместо этого сместился еще левее, перебежав от раскидистого клена к его более молодому собрату.

"Профи",- подумал, он, когда по его укрытию, где он таился всего пару секунд назад, замолотили пули. — "Мгновенно вычислили схему построения".

Работавший в режиме тепловизора шлем, легко отмечал яркие пятна выстрелов в сыром, прохладном лесу, отображая их на экране забрала. Мгновенно оценивая обстановку, Вортов успел насчитать от пяти до десяти врагов, постоянно менявших позиции и окруживших их отделение полукольцом.

Словно в бейсболе, эти люди постоянно менялись позициями, так, что остатки теплового следа от выстрелов сливались в один малопонятный узор на экране его забрала. "Ремингтон-800" из которого непрерывно палил Со, оставляла гораздо более яркий тепловой свет, подсвечивая позицию стрелка словно гирлянды новогоднюю елку на ночной площади. Но, очевидно, позиция была хороша, поскольку напарник не стремился ее менять, а противник, в свою очередь, несмотря на ураганный огонь, никак не мог достать его. Так до конца и не разгадав систему вражеских передвижений, Андрей не стал брать на прицел то место, откуда велся огонь по его старой позиции, однако ему удалось осознать, что у вражеских флангов были перекрестные сектора стрельбы. Разрядив винтовку, Вортов стремительными движениями начал вставлять в нее картридж с бронебойными патронами и к моменту, когда стрелки мятежников вновь сменили свои позиции, он был готов.

Яркий всполох красного, отображал его шлем, в режиме тепловизора — противник стрелял с колена. Немного сместив прицел вниз, Андрей плавно потянул спусковой крючок и, после оглушительного грохота выстрела, бросился назад.

— Минус один, — негромко сообщил он по общему каналу.

— Рад, что ты жив, — хладнокровно отвечал кореец, — я думал ты сбежал или был убит.

Больше никто из отделения не спешил подать голос и можно было с уверенностью предполагать, что такой возможностью они более не обладали.

— Позиция РК9865475256789, - между тем продолжил Со, — да поспеши, по одному не продержимся.

Андрей так и не понял, что именно хотел ему сказать напарник и продолжил бежать дальше к зоне ответственности другого отделения, в надежде привести подмогу. Он понятия не имел к какой из систем координат относится переданное корейцем. Судя по остаткам тепловых следов, с момента как он открыл врагам свое местоположение не менее трех стрелков переключили свое внимание исключительно на него.

Вортов продолжал бежать, до тех пор, пока не споткнулся о выступающий из земли корень и, чтобы удержать равновесие, ухватился за ближайшее дерево, в коре которого слегка поблескивал матово-черный корпус датчика. И внезапно все стало на свои места. Цифры, которые продиктовал СО, оказались номером ретранслятора, который они установили накануне. Нужно было лишь свериться со сканером и найти нужное место, а противник, даже перехвативший радиопереговоры едва ли мог понять, о чем именно шла речь. Не теряя времени, Вортов, укрывшись за деревом, принялся листать журнал памяти сканера. Повсюду были слышны звуки стрельбы, причем со всех сторон, так что было совершенно непонятно кто, где и с кем воюет. Андрей, полулежал, привалившись на дерево, сжимая в одной руке винтовку, а второй торопливо пытаясь засунуть сканер обратно в подсумок.

Внезапно, шум дождя и шелестящих на ветру листьев, звуки стрельбы и клекот перепуганных птиц был резко перебит жутким, пробирающим до костей, воем. Секунду спустя повсюду начали рваться снаряды и Вортов побежал.

Стараясь выдерживать заданное направление, он бежал, не жалея сил, перескакивая через коряги и валуны, иногда спотыкаясь о переплетенные в узлы корни, но поднимаясь снова, чтобы выиграть в этой невообразимой гонке со смертью. Несколько мелких осколков впились в броню, не нанеся существенного вреда, а еще один рассек подсумку из которой тут же посыпалось снаряжение: патроны, сигнальные и начиненные датчиками, гранаты, запасные батареи для сканера и шлема, а также много мелкого инструмента необходимого в работе.

Но наконец, наступил момент, когда все закончилось. После пережитого ужаса, звуки яростной перестрелки и, надоевшего до печенок, дождя, стали казаться чем-то родным и давно знакомым.

Внезапное чувство страха заставило Вортова замереть. Оно было настолько непохоже на чувство недавно пережитого животного ужаса, что он потратил пару мгновений только на то, чтобы полностью осознать, что именно он испытывает. А затем он увидел его.

Сквозь прозрачное забрало шлема, электронную начинку которого разбило одним из осколков, Андрей смотрел как капли дождя стекают по...прозрачной стене, в которой отражался окрестный лес. Затем стена двинулась. Плавно, не торопливо и практически не издавая не звука. Только теперь, когда невидимка лишился неподвижности, Вортов смог разглядеть сильно размытые человеческие очертания, которые, как бы подчеркивались, стекавшей по накидке влаги. Медленно, стараясь ничем себя не выдать, Андрей поудобнее перехватил винтовку, прицелился и...фигура неожиданно дернулась влево. Понимая, что другого шанса может и не быть, Вортов, не заботясь о безопасности, без паузы произвел шесть выстрелов, один из которых разворотил врагу бок, разнеся в дребезги часть тазобедренной кости.

Дождь усиливался. Настырные капли, казалось, стремились помешать ему увидеть то,

что он сделал с этим, незнакомым ему человеком. Но он видел, подмечая детали и удивляясь каждой из них. Перед ним лежал мужчина азиат, вероятнее всего китаец, в черной, эластичной форме, которая чем-то напоминала его собственный, усеянный всевозможными датчиками, подроспешник. Только в его случае, ткань выглядела гораздо тоньше, изящней и, одновременно прочнее. Сверху на нем был накинут плащ-отражатель, искажавший лучи света таким образом, что для стороннего наблюдателя человек казался едва различимым. Под плащом он носил пояс с миниатюрными гранатами. Сказать что-то большее Вортов затруднялся. Рядом с телом лежал короткий автомат неизвестной модели с массивным патронным коробом и тянущимися к нему от ствола трубками.

"Китайский спецназ", — отстраненно думал Андрей. Загадочный противник наконец то обрел лицо, но легче от этого не становилось.

— А я думал ты погиб, — внезапно послышался равнодушный голос справа. Андрей стремительно развернулся, наводя ствол на, вышедшего на открытый участок, Со. — Возможно, был недалек от истины. Ты выглядишь паршиво.

Вортов, при всем желании, не смог бы опровергнуть это утверждение, да и не хотел. Ему было просто не до того.

— Электроника...накрылась, — хрипло ответил он.

— Да уж вижу, — кивнул Со, — и подсумок твой...да и оружие...Если вернемся, не забудь сдать оружейникам на проверку.

Только сейчас Андрей обратил внимание на пар, образовывавшийся в результате попадания дождевых капель на ствол винтовки.

— С другой стороны, у тебя сегодня это уже второй. Далеко не всем так везет, знаешь ли. Я, например, расстрелял почти все патроны, но так и не смог зацепить хоть одного. Сколько тебе за него дадут? Пять тысяч, шесть? Это ведь явно непростой мятежник.

Словно пробудившись ото сна, Андрей взглянул на своего сослуживца и с удивлением прочитал на его, как и всегда бесстрастном лице неприкрытую зависть. Со судорожно сжимал в руках винтовку, в то время как Вортов размышлял, а не заклинит ли его оружие.

Внезапно Со прислушался к рации в шлеме и четко произнес:

— Идентификация. Рядовой Ван Чон Со, рота технической разведки, отделение капрала Пальзака.

Со мельком взглянул на Андрея и с некоторой неохотой продолжил:

— Вместе со мной находится Андрей Вортов, отделение капрала Пальзака. Его аппаратура выведена из строя. Статус командира неизвестен. Остальных тоже. Вас понял, выполняю.

Со еще раз оглядел Вортова с ног до головы, а затем устало произнес:

— Ноги в руки, Андрей. Выдвигаемся.

Они пошли. С усилившемся дождем пара сотен метров, в постоянном напряжении и ожидании пули из-за каждого куста, показалась марафонской трассой. Но, в итоге, они все же добрались до места назначения, где, в окружении еще шестерых бойцов, один из которых намазывал какой-то мазью его обожжённый затылок, сидел сержант Рамирез.

— Не выбрался значит, Густав, да? — поприветствовал сержант вновь прибывших. — Жаль, хороший был мужик. Много таких легло сегодня. Просто бойня какая-то. Но ничего, может еще кого из уцелевших отыщем...Вам хоть зацепить кого-нибудь удалось из этих гадов?

— Андрей вывел из строя двоих, — добросовестно доложил Со. — Одного насмерть.

Подтвержденный.

Сержант с удивлением воззрелся на Вортова, имевшего в данный момент, совсем не боевой вид.

— Да ты просто зверь, парень, — констатировал он. — Мы с ребятами шестерых положили, но только когда уже минометы на себя навели иначе перерезали бы нас как котят. А так хоть поквитаться думал, напоследок. Но вышло как вышло. Сейчас часть этих гадов зажимают люди Раскеса. Остальные где-то в окрестностях бродят так что всем смотреть в оба. Ну а ты, то парень, я смотрю тоже в нашем квадрате обретался. Долбанные шлемы, взрывную волну ни черта не держат. И кто это дерьмо лепит?

— Так наши же оружейники и komponуют, — заметил солдат, выполнявший в данный момент функции санитаря.

— Ты не отвлекайся давай, — велел ему сержант и продолжил. — Это всего лишь значит, что именно у них руки не из того места растут. О чем, бишь я говорил? Ах, да. В общем, парень, меньше двух штук за каждого тебе не дадут, железно. А вот мне похуже с работой пора завязывать. Куда это годится — голова, как полу проваренное яйцо. Сейчас две минуты вам на отдых и двигаем дальше. Если найдем кого из уцелевших с отделений Пальзака и Ковальски — оказываем медицинскую помощь. Если нет, то нет. Судьба у них такая.

На этой жизнеутверждающей ноте сержант закончил свою речь и сосредоточил все свое внимание на медицинской процедуре. После того как его затылок был надежно укрыт слоями бинта, сержант вновь водрузил на свою голову злополучный шлем и дал команду на выдвижение.

И первой точкой маршрута оказалось место засады, в котором погибли Али Перье и Густав Пальзак. Олаф, как это ни удивительно остался жив, получив три сквозных ранения, не задевших жизненно важные органы и умудрившись, при этом, не истечь кровью. Рамирез немедленно приказал Андрею и Со остаться на месте и попытаться стабилизировать состояние парня, а сам вместе с остальными отправился дальше.

Особых сложностей у них не возникло. Тестерлиновую броню аккуратно срезали ножом для извлечения накопителей из труднодоступных мест, а затем, после повторения процедуры с поддоспешником, Со поместил Олафу на грудь небольшую черную коробочку, сканировавшую состояние пациента и вкалывавшая ему препараты, расположенные в ее корпусе.

— Подмени меня, — внезапно сказал Со.

— Неужели уже устал?

— Не до шуток, — отозвался он. — Дуболомы Раскеса не смогли удержать кольцо, противник разделился на группы и уходит в разные стороны. Могут и сюда заглянуть. Ты, со своей не работающей электроникой будешь полезнее в качестве санитаря. Только винтовку держи под рукой.

Андрей молча кивнул и, положив "Ремингтон-800" под руку, стал ждать сигнала от медицинской шкатулки. Все произошло внезапно. Одно мгновение Андрей наблюдает за обескровленным, бледным лицом Олафа и уже в следующее он разворачивается на звук, чтобы увидеть, как вражеский боец удерживает Со за челюсть, оттягивая голову назад и просовывает нож в образовавшийся между шлемом и броней зазор. С хрипящим бульканьем Со валится под ноги нападавшему, который с изумлением смотрит на ствол направленной в него винтовки, которую Вортов удерживает на весу. Андрей плавно нажал на спуск, но

вместо оглушающего выстрела слышится глухой скрежет, а затем треск, знаменующий момент, когда грозное оружие превратилось в бесполезный кусок металла.

Расчёт нападавших стал понятен секунду спустя, когда Вортов почувствовал сильный рывок сзади. Еще один диверсант решил повторить штуку, которую его коллега только что провернул с Со. Ни раздумывая ни секунды, Андрей ткнул, все еще удерживаемой одной рукой на весу, винтовкой в голову нападавшему и смертоносное лезвие, оставляя борозды проскрежетало по забралу шлема. Вортов вырвался из захвата, повалившись, на труп, лежавшего на земле, Пальзака и подхватил лежавшую там же, "химеру". И в момент, когда противник решил совершить вторую попытку, Андрей вывернул руку с, зажатым в ней автоматом, и во всю силу надавил на спусковой крючок. Короткий стрекот, выпускаемых на волю, кислотных капсул и воздух наполнился криком, полным нечеловеческой боли и ужаса. Вортов постарался как можно скорее переключиться на новую угрозу, но чуда не произошло. Не успел он даже до конца обернуться, как звуки автоматной очереди заполнили собою сознание Андрея. Это стало последним, что он запомнил.

"Возможности современной медициной кажутся нам сказкой. Лишь тонкая грань человеческой эти удерживает нас от того, чтобы они не превратились в кошмар".

"Политическое обозрение", выпуск №901.

Вортов стремительно выздоравливал. Врачи Локрейнской городской больницы совершил настоящее чудо, не только вытащив его буквально с того света, но и регенерировав поврежденные пулями органы. Конечно, за их услуги им было щедро заплачено и Андрею даже не пришлось задействовать выбитую Максом страховку. Десятитысячной страховой выплаты "Кондора" хватило с лихвой. И сейчас Андрей наслаждался возможностями насладиться последними деньками относительно мирной жизни, после чего его должны были перебросить в Равнич, бои за который превратились в настоящую мясорубку. Подоспевшие к городу позже графика из-за раскисших дорог, части наемников столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны, усиленного боевыми роботизированными платформами, ополчения и каких-то полупрофессиональных отрядов неизвестного происхождения. На уровень ожесточенности боев указывает тот факт, что "Красные ястребы", шедшие на штурм города в первых рядах, досрочно разорвали контракт, поскольку суммы, выплачиваемые раненым, покалеченным, а также семьям убитых стали превышать обещанные за выполнение контракта деньги, даже с учетом неустойки. Подчиненных ДСВП боевиков и вовсе никто не удосужился сосчитать, так что их потери оставались неизвестными, хотя по слухам, они были, как минимум, впечатляющими.

Впрочем, слухи и домыслы, витавшие в палатах городской больницы Локрейна, переполненных ранеными бойцами, мало интересовали Вортова. Гораздо больше его интересовали медиа-сводки о бессмысленной жестокости наемников и примкнувших к ним банк, терроризирующих гражданское население сектора вольных поселений. Дебаты Планетарного Конгресса, который на протяжении многочасовых дискуссий так и не смог прийти к единому мнению, а также возможные санкции для каждого, так или иначе вовлеченного в конфликт, были главным объектом внимания для Андрея.

Между тем, дела в Локрейне шли не лучшим образом. Почувствовавшие вкус власти преступники, в массовом порядке записывались в ряды защитников ДСВП, превращая их в настоящие банды, державшие в страхе города и мелкие поселения.

Наглядный пример, Вортов имел возможность лицезреть прямо по выписке из больницы, когда парочка неопрятных типов, в новом, необмятом, но уже чем-то заляпанном камуфляже, настойчиво преследовала женщину в деловом костюме, на лице которой, вместо

испуга, была лишь одна неприкрытая усталость. Не оборачиваясь, она плавным, но быстрым шагом проскользнула на территорию больницы, где ее преследователями занялся, вышедший по этому случаю из караульного помещения, охранник. Появление защитника заставило женщину слегка расслабиться, и она позволила себе небольшую остановку, чтобы оглянуться назад. Увиденное едва ли могло ее порадовать, поскольку именно в этот момент охранник получил прикладом в зубы и повалился на асфальте возле шлагбаума. Возмущенные задержкой водители начали сигналить, но стоило камуфлированному показушным жестом вскинуть в воздух автомат, все сразу сочли за лучшее подождать пока охранник оклемается.

Вортов не имел привычки изображать из себя героя боевика, но поскольку, в последнее время, его жизнь походила на скверно поставленный водевиль, он решил, что хуже не будет. Его уверенность в возможности благоприятного исхода, по большей части, базировалась на уважении, которое, так называемые, силы самообороны ДСВП испытывали к бойцам военных компаний. И сейчас, после выхода из больницы, Андрей был одет в, усиленную тестерлиновыми вставками, темно-серую синтетическую униформу с символом компании "Кондор" по центру, вышитым бейджем с именем и званием, а также символами, обозначающими принадлежность к роду войск и конкретному подразделению, размещенными на рукавах, в районе правого предплечья.

— Какие-то проблемы? — спросил он, со спины подходя к паре, прижавшей женщину к задней двери минивэна. Подойдя ближе, он смог наконец их как следует разглядеть. Плотные, крепко сбитые и, несмотря на разительные отличия во внешности их, благодаря какому-то странному психологическому выверту можно было принять за братьев. Тот, что пониже, молодой парень с примесью арабской или иберийской крови, производил впечатления этакого живчика, заводилы, даже несмотря на то, что беседу, судя по всему вел его более высокий товарищ. Ничем не примечательный мужчина, с грязно-серыми волосами и характерной западнославянской внешностью.

— Проблемы будут у этих молодых людей, если они не перестанут оказывать давление, на члена региональной комиссии по УДО, — неожиданно для Андрея, выразила свою позицию женщина. Вблизи она оказалась постарше, чем представлялось. В прядях ее-светлокаштановых волос явственно выделялись седые нити, а уголки темно-карих глаз были, словно морозным узором, усеяны морщинами.

— Проблемы будут, у тебя, парень, если не прекратишь лезть не в свое дело, — озвучил альтернативный вариант ответа "живчик".

Несмотря на показное равнодушие, Андрей был полностью согласен с этим утверждением. Ввязываться в конфликт с двумя вооруженными людьми, для одного безоружного — не самая лучшая затея. Однако, к добру или к худу, не все в жизни сводится к простому арифметическому расчёту и потому Вортов решил придерживаться выбранной линии поведения до конца, мысленно проклиная сопровождающих, которые и должны были его отсюда забрать.

— Проблемы... они меня не слишком то пугают, — спокойно, словно размышляя вслух, произнес Андрей. — Вот сейчас, к примеру, четыре пули из тела вытащили и вот я снова в строю. Работа такая. Но, хорошо. Допустим. У вас двоих автоматы, а я безоружен. Так что можно сказать, что проблемы у меня будут. Но что потом? Вы то к последствиям готовы? Ведь, что бы там дальше не случилось, перспективы УДО там точно не просматривается. Вообще ничего не просматривается, потому как глазки вам, ребята, наверняка прикроют.

Повисло нехорошее молчание. ДСВПшники не нашлись с ответом, а женщина

очевидно, ожидала дальнейшего развития событий, которые не преминули последовать. Громкий, смачный щелчок затвора известил участников сцены о появлении нового действующего лица. Вернее, лиц. Двое, внешне представляющих пародию, на так и не представившихся, типов, были одеты в точно такую же форму, как и Андрей и, по-видимому, являлись его сопровождением. Единственным отличием были капральские нашивки и невысокого курносого толстяка, сжимавшего в руках уродливую громаду под названием "Зиг-Зауэр 3000", мощный, точный, но при это не слишком эффективный в реальных условиях автомат, хищно смотрел в сторону ДСВПшников, оцетинившись многочисленными газоотводными трубками. Его высокий и худощавый напарник небрежно поглаживал, висевшую на ремне "химеру", с помощью которой он мог в считанные секунды превратить неугодных в визжащие, агонизирующие куски, разваливающейся на глазах плоти.

— Ты гляди, Шарин. Стоило только отойти покурить, и наш герой тут же нашел неприятности на свою голову... — неодобрительно покачал головой пухлый капрал. — А всякое шакаля тут же теряет страх и, подумать только, грозить начинает...

— Послушайте, это не совсем то, о чем вы здесь подумали... — начал было оправдываться славянин, когда капрал резко оборвал его:

— Заткнись. Сказки будешь рассказывать тому парню, которому твой дружок только что зубы выбил. Из-за вас, мудаков, я почти позабыл манеры. Мадмуазель, позвольте представиться — Луи Шранкё, капрал роты обеспечения славной военной компании "Кондор", в котором служат только лучшие из лучших солдат удачи.

На последних словах капрал бережно обхватил руку женщины и плавно поднес её к губам, не обращая внимания на совершенно обалдевшие лица ее недавних преследователей.

— А это мой молчаливый напарник Шарин Макнайер, — продолжал Луи. — Третьего представителя нашей доблестной ЧВК я не знаю, но наслышан о его удаче, что, для новичка в нашем деле, уже кое-что. Даже больше, чем кое-что, я бы сказал. А теперь к вам, господа. Сейчас вы докажете мне, что и вам знакомы хорошие манеры и представитесь. А после поясните зачем вы преследовали эту прекрасную даму.

У вас пять секунд и время пошло.

— Послушай, дядя... — вновь завел свою шарманку "живчик", но капрал, не колеблясь ни секунды, с замахом ткнул стволом автомата ему в солнечное сплетение, после чего быстро перевел ствол на, потянувшегося было за оружием, второго.

Андрей, недолго думая, аккуратно, но проворно, потянул за ремень и снял чужой автомат с плеча владельца, окончательно меняя расклад в пользу наемников.

— Шарин, добавь ему, — приказал капрал, глядя на пытающегося прийти в себя, "живчика".

— Ага, — меланхолично отозвался Макнайер, — а потом с меня возьмут штраф за поврежденное оружие. "Химера" то, она хрупковата.

С тяжелым вздохом, Луи размахнулся и мощным ударом приклада о голову "живчика", окончательно отправил того в нокаут.

— Теперь ты, — обратился капрал ко второму. — Вроде и поадекватней выглядишь, но за все то, что натворили отвечать надо, я прав?

— Да ничего такого мы и не творили! — принялся оправдываться тот. — Я просто хотел узнать о судьбе своего брата! Его должны были освободить три дня назад, но со всей этой неразберихой он просто испарился! От него нет никаких вестей!

— Очевидно, решил половить рыбку в мутной воде, — равнодушно прокомментировал

капрал, когда, молчавшая доселе инспектор, внезапно вмешалась в разговор:

— А я, снова и снова повторяю — у нас нет сведений, ни о твоём брате, ни о ком-либо ещё из секторальной тюрьмы! Даже связь с ближайшим к ней поселением была утеряна. Возможно, это новые протоколы безопасности или, вызванные войной неполадки оборудования, но я, в очередной раз, повторяю — я ничего не знаю!

— М-да, — прокомментировал пылкую речь дамы капрал, а затем двинул ДСВПшнику прикладом по ребрам, от чего, тот сразу же сложился пополам. — В общем, в комендатуру вас тащить смысла нет — там ваши сидят. Но ты запомни, ещё раз поймаю за подобным — просто пристрелю. А теперь, тащи своего дружка в больницу, вдруг над вами сжалятся, да и окажут помощь. Шарин, разряди их оружие, не хочу сюрпризов.

Пока молчаливый солдат выполнял распоряжения капрала, тот, наконец, переключил свое внимание на Андрея и сказал:

— Пойдем, хватит с тебя приключений.

— Машину за периметром оставили? — поинтересовался Вортов, не наблюдавший никаких признаков нахождения на парковке военной или полувоенной техники.

— Да нет, — ответил Луи. — Вон стоит.

С этими словами он указал на ярко раскрашенное авто городской службы такси, которую не так давно использовали вражеские диверсанты для управления боевыми роботами.

— Такси? — только и смог вымолвить Андрей.

— А почему нет, — пожал плечами капрал. — Раз уж их система эксплуатировалась врагом, то и контролировать до окончания конфликта должны мы. Во избежание. А так удобно получилось, да. Риска даже меньше, чем на броневике передвигаться. Незаметность она лучше иной брони бывает.

— Удивительно, — пробормотал Вортов.

— Да это ерунда, — отмахнулся Шранкё. — Удивительно то, как вы вражеских спецов покрошить умудрились. Даже "драконы" наши обделались. Элита, мать их. Все наши, из вспомогательных только о вас и говорят. А о тебе, в особенности. Говорят, за трех диверсантов тебе аж десять штук отвалили — правда или врут?

— Чуть меньше, — рассеяно ответил Вортов. — Ещё был штраф за поврежденное оружие.

Капрал понимающе покивал и продолжил въедливо расспрашивать о деталях прошедшего боя, надеясь выжать из собеседника как можно больше информации. Причина прояснилась уже в полевом лагере, где Андрею было приказано, немедленно отправляться в Равнич, вместе с колонной снабжения, до выхода которой оставалось чуть больше часа.

Сама поездка до Равнича также пролетела как-то незаметно. Большую часть пути Вортов банально проспал в кузове грузовика, примостившись на каких-то тюках.

Но когда он увидел город своими глазами, ему казалось, что он вовсе не просыпался, а его сон просто перешел в новую фазу, сменившись кошмаром.

Пригород с малоэтажной застройкой выгорел практически полностью, открывая взгляду горы пепла и обгоревших остовов домов. Рухнувшие многоэтажки и заваленные обломками улицы представляли собой новый облик когда-то красивого города. Особенно впечатлило Вортова здание вокзала, ставшее похожим на обгрызенную головку швейцарского сыра. Вместе с разрушением прилегающей железнодорожной инфраструктуры, полуразрушенное здание словно бы лишилось цели и обратилось в призрак. Впрочем, несклонные к

сантиментам, наниматели ЧВК решили поступить рационально и разместили в останках строения наемников, которым предстояло стать хребтом гарнизона.

Вскоре Андрей решил, что пока что ему вполне хватит впечатлений о городе и отправился в здание, чтобы доложить сержанту Рамирезу, который и командовал их неполной десяткой — всем, что осталось от роты технической разведки.

— Ну, Вортов, как тебе наш новый дом? — с усмешкой спросил сержант, сверкая новообретенной лысиной, с давними ожогами, образовывавшими странную красноватую окаемку.

— Здание...пригодно для жизни? Центральный лестничный пролет рухнул...

— Не переживай, оставшийся каркас невероятно прочный. А с разрушением окрестных домов, более пригодное для обороны здание найти будет затруднительно. Как там Торвальдсон, держится?

— Еще минимум неделя реабилитации, — покачал головой Андрей. — Он потерял слишком много крови.

— Понятно, — кивнул сержант, — пока можешь расслабиться, ведь для нас, по большому счету, война закончилась. В основном, гарнизон будет состоять из боевиков нового правительства. Роту "драконов" оставили здесь в качестве усиления, ну и чтобы, в случае чего приструнить набежавший в ряды борцов за демократию сброд, если те вдруг совсем уж потеряют берега. Еще сюда перебазируются наши тылы, так что от одиночества страдать не придется.

Что касается наших задач, то здесь все просто. Во-первых, это постановка сигнальных сетей вокруг города. Не представляю, как мы управимся вдвядтером, но таков приказ и ничего не поделаешь. Во-вторых, сопровождение местных бойцов для поддержания контроля над тылом, пока основные силы продвигаются на север, к границе с зоной племен и Африканским союзом. Тут тоже все просто — постановка сигнальных датчиков и предупреждение их командования если их пытаются обойти с тыла или флангов. Вопросы есть?

— С вашего позволения, сержант, — поинтересовался Андрей, — кто будет моим командиром?

— Я, — просто ответил тот. — С нашей численностью проще уже не заморачиваться и не плодить сущностей. Во время командировок, старший пары будет назначаться мной в каждом конкретном случае. Но то так, для порядка. Вдвоем в батальонную колонну перестраиваться не придется. Да, пока не забыл. Тыловики расположились в зале ожидания на втором этаже, сходи и получи новое оружие и снаряжение. Эти клоуны умудрились оборудовать сувенирные и газетные киоски под склады.

— Разрешите выполнять? — для порядка поинтересовался Вортов, на что получил лишь небрежный кивок.

Полчаса спустя Андрей уже заканчивал проверку полученного снаряжения, уделяя особое внимание прочности крепления датчиков к внутренней поверхности брони. Покончив с этим, Вортов направился в расположение отряда, размещенного в бывшем привокзальном изоляторе, а сейчас приспособленном под жилое помещение со спальными мешками на полу, шкафчиками для размещения брони и крючками, которые должны были символизировать оружейные шкафчики.

Оказавшись в помещении, Андрей тут же оказался предметом пристального изучения семи пар незнакомых глаз. Не теряясь, он тут же представился своим малознакомым сослуживцам, служивших ранее в других взводах. Те, представились в ответ. Пара ребят

арабской наружности, один японец, швед, а также трое выходцев из корпоративных секторов, затруднявшихся с определением собственной национальной принадлежности довольно быстро потеряли всякий интерес к новичку и вернулись к своим делам. Единственным, кто удосужился ввести вновь прибывшего в курс дела, стал японец по имени Амадо Харуки.

— ... Так что сейчас, мы практически просто ходим на работу, — пояснял он. — Каждый день четыре двойки в разное время выходят и проверяют информационные накопители. Интервалы и время выхода всегда разные, чтобы вражеские диверсанты не могли изучить наше расписание. Но пока все тихо. Вне службы здание вокзала стараемся не покидать. После всего произошедшего трудно упрекать горожан в отсутствии пылкой любви к завоевателям. Так что никаких увольнительных в город. Само здание вокзала охраняется в основном снаружи. После тяжелых боев, окрестные дома были превращены в руины, в которых лучше не шастать — там размещены секреты. Если станет совсем скучно, можешь побродить, изучить здание, пока не привык. А так, делать здесь больше особо нечего. Что еще. Прием пищи в бывшем кафетерии, по расписанию, но можешь попробовать туда наведаться с целью урвать что-то из уцелевших запасов. Конечно, у наших снабженцев лишнего не выпросишь, но попытаться все же стоит.

Андрей поблагодарил отзывчивого японца и совсем было уже собрался последовать его рекомендациям, как дверь в изолятор распахнулось и в помещение буквально ворвался сержант.

— Вортов, Харуки, Штайн, — гаркнул он. — Живо собирайтесь, поедете со мной в усиление взвода "драконов". Батальон местных вояк отправится с нами.

— Что-то случилось, сэр? — подал голос бледный веснушчатый парень, отрываясь от планшета.

— Планетарная комиссия по вопросам охраны правопорядка выкатила претензию военным кампаниям, работающим в секторе. Вот уже несколько дней они не могут связаться с одной из секторальных тюрем. Наша цель — поселение НМ-916, тюрьма находится неподалеку. Проверим что там и как, и, если нужно, возьмем объект под охрану. Дело важное, так что давайте поживее. Лейтенант Кастенда лично отправится с нами.

Заявление сержанта взбодрило присутствующих и, перекрывая нормативы, указанные им, трое бойцов облачились в броню и навьючили на себя под сумки со снаряжением и боеприпасами. К моменту, когда они присоединились к, ожидавшему на улице, сержанту у здания вокзала уже начала формироваться колонна. Силы ЧВК разместились в бронетранспортерах, образующих авангард и арьергард построения, центром которого были несколько десятков массивных грузовиков, в кузовах которых размещались бойцы нового правительства сектора, а также боеприпасы и снаряжения. Кроме того, несколько легкобронированных джипов, также принадлежавших ДСВП, образовали передовые разъезды.

Выдвижение было стремительным. Даже обычно раздолбайстые боевики нового правительства продемонстрировали несвойственный им уровень слаженности и дисциплины. Впрочем, вероятно, ситуация была настолько серьезной, что командование просто не стало терпеть их обычные выходки. Как бы то ни было, вскоре после формирования, колонна двинулась к обозначенной цели. Дроны беспилотники, вместе с разъездами проверяли все более-менее подходящие места на предмет засад, но на всем протяжении пути так ничего и не обнаружили.

Для Вортова, вся поездка превратилась в одну сплошную тряску, которая не прекращалась на протяжении двух с половиной часов. И потому, когда он покинул десантный отсек бронемшины ему показалось, что худшая часть вылазки уже позади. Впрочем, понимание того, что он ошибался пришло к нему довольно быстро. Вид вышибленных тюремных ворот и испещрённые пулями стены сторожевых башен явно наводили на мысли о грядущих неприятностях.

— М-да, — угрюмо протянул сержант Рамирез и дал отмашку, стоящему рядом с боевой роботизированной платформой Штайну. Тот, закончив вбивать последние настройки, отдал соответствующую команду через планшет и, установленный на платформе миномет начал посылать, начиненные датчиками, снаряды один за другим.

Через пару минут, Рамирез сверившись с данными, поступавшие от активированных датчиков, сказал:

— Никаких признаков жизни во дворе. Ладно, я и Вортов просвечиваем правую башню, остальные левую. Пошли.

И они совершили бросок к башням. Вскоре после того, как они подошли к своей цели, Андрей перестал следить за действиями второй пары и, специальным зарядом проломив дверь вовнутрь, поспешил проскочить внутрь. Сержант следовал по пятам, постоянно выискивая опасность и наводя ствол "химеры" на любой подозрительный выступ. Вслед за ними в здание проникла пятерка "драконов".

Однако, как оказалось, все меры предосторожности оказались излишними, поскольку живых внутри башни не было. Четыре охранника, двое с простреленными головами, другие с многочисленными ранениями по всему корпусу встретились им в верхних и нижних частях башни. Более того, двери, сквозь надземные переходы, ведущие в главный корпус, оказались открыты нараспашку. Равно как и несколько сторожевых постов в самом здании, где вперемешку лежали тела убитых охранников и заключенных. И если на телах первых были явно видны следы огнестрельных ранений, то со вторыми было не так все просто... Более того, создавалось впечатление, что какой-то сумасшедший мясник гонялся повсюду за эти людьми, распарывая им животы, отрывая конечности и разбивая головы, попутно перемазывая кровью стены, пол и даже потолок.

— Штайн, что там у вас? — отвлек Андрея голос Рамиреза. — Да, у нас то же самое. К чертям, я вызываю подкрепления. Будем входить все вместе.

Сержант оказался верен своему слову и отказался двигаться дальше, пока к ним не подошли три десятка бойцов ДСВП, которых ощутимо нервировала окружающая обстановка.

— Приготовьтесь, возможно придется подрывать дверь. — предупредил всех капрал "драконов", вызвавшийся первым войти в центральный блок, где располагались восемь этажей тюремных камер, а также подземные уровни с карцерами, столовой и техническими помещениями.

Когда вся их разношерстная команда приблизилась к дверям центрального блока, Рамирез аккуратно потянул в сторону дверную ручку и, к его удивлению, дверь немедленно распахнулась. Вовремя уловивший момент, Вортов, выстрелил в образовавшийся проем из "мортирки", заполняя помещения датчиками, настроенными на шлемы "драконов". С противоположной стороны, почти синхронно ту же последовательность действий повторила вторая пара.

— Нет признаков движения, заходим, — быстро сориентировался командир "драконов" и пятерка тяжело бронированных бойцов проникла в помещение.

— Заходим! — в свою очередь скомандовал, командовавший солдатами ДСВП, мужчина. И те, менее грациозно, но все же поспешно начали просачиваться внутрь.

Андрей вместе с Рамирезом, вошел последним, мгновенно оценивая окружающую обстановку, но быстро сбился, ошалело разглядывая то, во что превратилась тюрьма. Почти все уровни буквально сочились кровью из камер, часть из которых была открыта. Куда бы ни падал взгляд, везде лежали обезображенные трупы бывших заключенных, которых будто бы переколола копьями озверевшая толпа дикарей. Теперь Вортову казалось, что там, в межблоковых коридорах и секторах охраны, тот самый сумасшедший мясник просто разминался. Попадались и застреленные сотрудники тюрьмы, но по сравнению с истерзанными телами зэков, они выглядели настолько обыденно, что почти не привлекали внимания.

Но пока Вортов разглядывал окружающую обстановку, все остальные не теряли времени даром.

— Чисто!

— Чисто!

— Сектор А-1-40 под контролем!

— Сектор А -2-40 под контролем!

— Продвигаемся! Вперед, вперед!

— Вход на нижние уровни под контролем! Техники, не спать! Живо сюда!

Внезапно с третьего этажа послышался встревоженный вскрик:

— Движение справа!

Андрей резко взглянул в сторону кричавшего и увидел, как к решеткам одной из камер с внутренней стороны подскочил худощавый чернокожий мужчина в ярко-красном комбинезоне заключенного и, не обращая внимание на выпущенную кем-то с перепугу очередь, что есть силы закричал:

— Нуу-а-нии! Нуу-ании! Они уже здесь! Они пришли за нами! Они убьют нас всех Бегите! Спасайтесь пока можете!

Солдаты ошарашенно молчали, глядя на беснующегося зэка, когда в блок вошел лейтенант Кастенда, в сопровождении охраны, и осмотрев помещение, произнес:

— Черт, ну и картинка! Эй, вы там, наверху! Тащите этого придурка к медикам, да спеленайте его покрепче. Вы! Быстро обыскать все камеры, одну за другой — может найдутся еще выжившие. Крант, Войский, сформировать штурмовые группы и приготовиться зачищать нижние уровни. Техники, на вас поддержка. Что встали, дамочки? Приступаем!

"В научных кругах не принято много внимания уделять идеологии "Нового Рассвета" много внимания. Большинство серьезных ученых, относятся к их идеям, как к навязчивому бреда и потому специалистов, которые могут сказать что-то связанное относительно этой организации очень и очень немного. Что касается лично меня, то все, что я знаю о их идеологии это то, что они считают, что все наше общество, вся планета живет в, своего рода, матрице. Последнее отсылка к художественному фильму, мало понятная тем, кто не интересовался историей земного кинематографа. Если вкратце, то они, считают, что все наше общество, вся наша политическая система это одна большая иллюзия, созданная теми, кто на самом деле управляет планетой".

"Политическое обозрение", выпуск N 404.

В течении двух суток из тюрьмы удалось вывезти семьдесят четыре заключенных. Из более чем восьми тысяч. Большая часть была заколота, зарезана или забита тяжелыми предметами по всей территории тюрьмы. Что, касается, охраны, то все полторы сотни были застрелены или уничтожены иным образом. Предполагалось, что на тюрьму был совершен налет и неизвестному числу заключенных удалось сбежать. Все остальное — странная бойня с массовым использованием холодного оружия, которая затронула и жителей прилегавшего к тюрьме поселка, из которого спасти не удалось никому, невероятная жестокость, включавшая вырезанные из части тел органы и большие куски плоти, а также цели всего происходящего оставалось загадкой и оттого еще больше пугало.

Руководство всех вовлеченных в конфликт компаний довольно быстро осознало масштаб катастрофы и, на период разбирательства приостановило боевые действия на севере и юге сектора, стянув самые боеспособные части наемников к Равничу. Среди наемников ходили самые жуткие слухи, причем наиболее пугающими были не те, в которых излагались версии о тюремной расправе, а те, в которых предполагалось кто будет назначен козлом отпущения.

Спустя всего сутки, напряжение достигло таких высот, что офицерам пришлось прикладывать значительные усилия, чтобы успокоить подчиненных. За всеми этими заботами, высокое и не очень начальство упустило один важный момент — сохранение секретности. Спихватились, только когда засекли попытку одного из бойцов ДСВП выложить отснятое в тюрьме видео в местную сеть. Спихватились, да только к тому моменту принимать меры уже стало поздно. Двое "драконов", самовольно отправившихся в бар, чтобы снять напряжение были банально похищены прямо среди бела дня при полном отсутствии свидетелей. И дело было не столько в том, что они могли кому-то там что-то рассказать, нет — дело было во встроенных в шлем камерах, непрерывно записывавших все происходящее. К удивлению, многих, видео так и нигде не всплыло, в отличие от тел пропавших бойцов, которых, вскоре обнаружили местные рыбаки.

Это породило невнятные шепотки в рядах командования, отголоски которых время от времени доходили до рядового состава. Впрочем, чаще всего простых солдат происходящее наверху интересовало мало, по крайней мере до тех пор, пока все эти хитрые ходы не усложняли выполнения боевых задач и не грозили вылиться в иные формы неприятностей. И пока этого не происходило, а жалование платилось исправно многие были готовы закрыть глаза на происходящее, списав все это на, свойственный профессии, риск.

Что касается, Андрея, то он не относился к той категории, которая готова была закрыть на все глаза, пока происходящее их не касалось. Жизненный опыт подсказывал ему, что это самое "пока" может быть крайне недолговечным. Беда была в том, что в одиночку предпринять какие-либо действия он не мог, да и смысла в этом особого не было, поскольку в частных военных компаниях, как и в армии, царил принцип, что самым умным является тот, у кого звезд на погонах больше. А значит, сейчас самым верным курсом было игнорирование резкого ухудшения жилищных условий, вследствие перенаселенности здания вокзала, а также профессиональное выполнение поставленных задач, к числу которых относилась и та, о которой с отстраненным видом вещал в этот момент сержант:

— Сто восемьдесят два человека, осужденных за связи с террористической организацией "Новый рассвет". В течении, этой и следующей недели, тактические шлемы всех военнослужащих компании "Кондор" будут перепрошиты. Помимо стандартного программного обеспечения, будет добавлена система распознавания лиц с базой данных, в которой и будут эти сто восемьдесят две искомые физиономии. Вопросы?

— Зачем такие заморочки, сержант? — спросил Штайн.

— Я рад, что ты спросил, — кивнул Рамирез. — Сейчас официально виновным в тюремной резне считаются члены "Нового Рассвета", а также их пособники. Но если прогресса долгое время не будет, виноватых в любом случае придется искать. Так что здесь ничего нового. Либо мы, либо они. За подробностями можешь обратиться к Вортову, он не только знает, как работает управление общественным мнением, но и уже побывал примерно в такой же ситуации. Результат — вместо того, чтобы наслаждаться жизнью в столице и почивать на лаврах собственного успеха, он теперь месит здесь грязь вместе с нами и подставляется под пули мятежников. Еще вопросы?

— У меня один, — подал голос Андрей, у которого из головы все никак не выходили крики того заключенного. Ему отчетливо казалось, что он уже где-то слышал слово "Нуани". — Как на практике будет осуществляться этот поиск, мы все же не полиция.

— Все верно, — устало произнес Рамирез, — мы не полиция. Насколько я понимаю, то все эти телодвижения один большой реверанс в сторону комиссии. Поскольку после всех разрушений, о единой городской системе безопасности говорить не приходится, мы создаем свою собственную, можно сказать, мобильную систему. Теперь, весь полк будет ходить в пешие патрули. Нас это касается в меньшей степени, поскольку обязанностей по поддержанию сигнальной сети с нас никто не снимал. Но тем не менее, перепрошивку систем сделают всем, чтобы как можно лучше прогнуться перед комиссией. К хорошим новостям, пожалуй, можно отнести то, что с этого момента, всем нам будут разрешены увольнительные. Более того, они будут активно поощряться, но пиво придется пить в полном боевом облачении. Только так. Ах, да, немаловажный момент. Если вдруг система распознавания лиц обнаружит подозреваемого, не пытайтесь его задержать или, еще хуже, устраивать перестрелку. Особенно это касается общественных мест. Сигнал будет послан автоматически. Затем на место прибудет сброд, который именуется вооруженными силами

местного правительства и дальше это их забота. Политика компании — как можно надежнее прикрыть свою задницу и дистанцироваться от всего этого как можно дальше. Настоятельно советую вам придерживаться озвученной политики, потому, что так будет лучше для всех. В том числе и для вас. Если есть еще вопросы — спрашивайте. Будет лучше если мы проясним все неясные моменты здесь и сейчас.

Но вопросов больше не было. Медленно переводя взгляд с одного бойца на другого, Рамирез разрушил момент тишины:

— Хорошо бы, чтобы это значило, что всем все понятно и никто никуда не вляпается. Надеюсь на ваше благоразумие и, в большей степени, на чувство самосохранения. Потому что, если вы умудрились пережить предыдущие бои, значит оно у вас есть.

Ну, либо вам просто дико везет. Ладно, отдыхайте. В четырнадцать часов ровно всем прибыть к логову нашей киберкоманды. Будете проходить инструктаж на тему взаимодействия с технической разведкой других компаний.

С этими словами, Рамирез развернулся и вышел из помещения, оставив подчиненных переваривать полученную информацию.

— Ну вот только этого еще не хватало, — слышалось возмущенное бурчание.

— Да ладно, вероятно просто формальность, — не согласился другой солдат. — Сделают вид, что ведется активный поиск и успокоятся.

Однако, как показала практика, он ошибался. Очень скоро патрулирование превратилось в одно из основных занятий солдат ЧВК. Как и предсказывал сержант, Андрея и его сослуживцев патрульная чехарда коснулась мало. — хватало работы и по профилю. Более того, из-за присутствия коллег из других компаний сигнальные сети накладывались друг на друга попытки получить от них данные, зачастую оканчивались разбором полетов на тему того, как так вышло, что вместо обещанных данных, командование получает непонятную мешанину в неизвестной кодировке. Были также и случаи выезда тревожных групп в места, где пришедшие ставить ретрансляторы, бойцы одной компании опознавались как противник датчиками, установленными солдатами другой. В общем, накладок хватало с избытком. Но жизнь продолжалась, и война в секторе вольных поселений накалялась все больше. После того, как значительную часть наемников перебросили на противодействия загадочным, но оттого еще более зловещим планам организации "Новый Рассвет", ситуация на фронтах стала складываться не в пользу ДСВП. Наскоро собранным головорезам противостояли более мотивированные ополченцы юга, с каждым днем, каким-то неведомым путем, получавшие все более мощное и современное вооружение. На севере была другая проблема, банды из зоны племен перли в дестабилизированный, но богатый по их меркам, регион нескончаемым потоком. Появившееся в их руках оружие со складов Африканского Союза явственно свидетельствовало о том, что этот поток был управляемым. Однако, даже драматичные изменения в зоне боевых действий не сподвигли их нанимателя на пересмотр приоритетов. И потому значительная часть полка, где служил Вортов, сидела в Равнице и прилагала все усилия для поимки беглецов.

Андрей не понимал причин происходящего. Простейшая арифметика говорила о том, что две сотни бывших заключенных, даже если они имеют какую-то подготовку, что было маловероятно, никак не могли быть опаснее тысяч и тысяч вражеских солдат. Непонимание не сводило Вортова с ума лишь только потому, что этому препятствовала всепоглощающая усталость. Даже в тот момент, когда он вспомнил, что раньше слышал слово "Нуани" из уст одного из своих поклонников, который стремился донести миру вести о сверхагрессивных

обезьянах. Теперь, после того, как он побывал в той тюрьме, картинка, описанная тем неуклюжим толстячком, представляла совсем в ином свете. Впрочем, сокрушаться об упущенных возможностях не было ни желания, ни физических сил. Прошлое осталось в прошлом, и Андрей мечтал только о том, чтобы в один, далеко не прекрасный день, оно его не настигло.

Старинная мудрость гласит: "бойтесь своих желаний". И, однажды вечером, Вортову таки удалось увидеть кое-кого из прошлой жизни.

Все произошло во время возвращения из патруля. Легкобронированный пикап службы снабжения, неспешно колесил по неплотно забитым улочкам города, минуя наиболее оживленные его участки, стараясь держаться между деловым центром и рабочими окраинами. Андрей, которому не досталось места в кабине и потому пришлось делить кузов с тремя минометными платформами, уже привычно выискивал среди фасадов домов следы развернувшихся здесь, не так давно, уличных боев. Переводя взгляд с одного здания на другое, Вортов случайно обратил внимание на, гуляющую вдоль набережной, девушку. Испытывая непонятное волнение, Андрей постарался как можно подробнее ее рассмотреть, но тут машина въехала в очередной поворот, и он был вынужден оставить эту затею.

Уже на базе, после рутинного приведения в порядок оружия и снаряжения, Андрей направился к полковой киберкоманде, дневавшей и ночевавшей в комнате управления охранными системами вокзала, от которых, к слову, мало что сохранилось. поприветствовав присутствовавших, многие из которых даже не сочли нужным отрываться от мониторов для ответного приветствия, Вортов тут же направил стопы к рабочему месту своего шапочного знакомого, которого, если он запомнил правильно, звали Марк — довольно высокий жилистый паренек, с пышными огненно-рыжими волосами и представительной козлиной бородкой.

Знакомы они были постольку поскольку, общих интересов было немного. Однако, Марк время от времени заходил, чтобы осведомиться не получал ли Андрей известий от, все еще находившегося, в больнице Локрейна, Олафа Торвальдсона с которым киберспециалист сдружился на почве любви к онлайн-играм.

— Приветствую, — сказал он, отрываясь от микроскопа, через стекло которого он разглядывал маркировки различных деталей непонятного назначения. — Что привело тебя сюда, в этот прекрасный уголок, оторванный от жесткой реальности окружающего мира. Есть новости об Олафе?

— Нет, — покачал головой Андрей, — ту такое дело — мне нужна небольшая услуга.

— Сделаю все, что в моих силах, — с готовностью отозвался Марк. — Или нет, от услуги зависеть будет. Но вообще излагай, здесь становится скучновато.

— Мне нужно просмотреть видео с камеры шлема. Не мог бы ты...дать мне доступ, скажем так?

— Мог бы, — просто ответил Марк. — Но ты ведь понимаешь, что правилами компании такое очень не поощряется.

Андрей ничего не ответил, а просто расчистил немного места в углу стола и водрузил, на освободившуюся площадку, шлем.

— Нда, — протянул Марк. — Давай еще раз проясним ситуацию. Ты понимаешь, что видео в памяти шлема это, образно выражаясь, твой черный ящик. Если ты влипнешь в историю, то запись из него может стать единственным, что спасет тебя от тюрьмы или чего похуже. И если, в процессе трибунала в нем обнаружат следы несанкционированного

доступа, а такое не скрыть, то вся его ценность как доказательства твоей невинности сведется к нулю. Подумай хорошенько, стоит ли рисковать своей страховкой от обвинений в военных преступлениях ради...кстати, чего ради оно тебе так нужно?

— Это немного личное, — Пожал плечами Вортов. Марк посмотрел на него как на идиота, а потом медленно, цедя слова произнес:

— Меня интересуют не подробности, а твое решение. Могу я приступать к работе или нет?

Поколебавшись, Андрей негромко ответил:

— Да.

На это Марк лишь молча кивнул, взял со стола шлем и парой ловких движений извлек из затылочной части батарею. Затем, удерживая его в одной руке, он принялся нашаривать нужные ему инструменты.

— Как-то ты быстро согласился, с учетом того, что сам только что рассказывал, как все это может привести к моему расстрелу, — отстраненно произнес Андрей, пытаясь отогнать мысли о том, что сейчас он совершает глупость.

Марк, не отрываясь от работы, ответил:

— Каждый сам пишет код своей жизни. И за все возможные баги нести ответственность тоже приходится самому. К тому же, здесь действительно стало скучновато. Теперь не мешай, а лучше вернись минут через сорок, когда все будет готово.

Вортову ничего не оставалось, кроме как последовать настойчивой рекомендации и примерно через час он уже рассматривал, шедшую по набережной, женщину и с трудом узнавал ту, которую он привык представлять совсем в другом образе.

— Симпатичная, — прокомментировал Марк, наблюдая как Андрей раз за разом пытается приблизить картинку на экране планшета. — Кто это?

— Анна Лемех, — отстраненно пробормотал Андрей.

— Кто?

— Не важно, — махнул рукой Вортов. — По началу думал, что ошибся, но теперь я вижу, что это она изменилась.

— А-а, — неопределенно протянул спец, — ну, удачи тебе. Чего бы там у вас не было. А теперь, если у тебя нет ко мне иных дел, очисти помещение — мне нужно работать.

С благодарностью кивнув на прощание, Вортов отправился в секцию своего отряда, где, отбившись от предложений перекинуться в картишки, повалился на лежак и постарался обдумать ситуацию. Растревоженный, разбегающимися во все стороны мыслями, Андрей заснул, не в силах прийти к какому-то определенному выводу.

На следующий день ситуация повторилась. И на следующий. И еще через день. Андрей больше не мог думать ни о чем, кроме Анны. При этом это не было любовной горячкой или внезапно вспыхнувшей страстью. Нет, при мыслях о старой знакомой его разум наполнялся смутными подозрениями и предчувствием надвигающейся беды. Он уже совсем было собрался выпросить у сержанта внеочередное увольнение в город, чтобы попытаться найти Анну и наконец разобраться с, тревожащими его, чувствами, когда неспешно вошедший в комнату Щтайн известил его, что его спрашивала какая-то женщина, которую задержали часовые на входе.

Андрей, под аккомпанемент добродушного смеха товарищей, буквально выскочил наружу и попытался разъяснить старшему караула, что ничего страшного не произошло и с Анной он действительно знаком. Финальную точку в споре поставил сержант Рамирез,

давший разрешение отлучиться в ближайшее заведение, с наказом прибыть в расположение не позднее чем за сорок минут до начала выдвигания на обход сигнальных линий.

— Ну, здравствуй, — сказала Лемех, когда они, преодолевая внезапно возникшую неловкость, сделали по глотку местного пива, которое разрекламировал им хозяин, располагавшегося в подвале, бара, в котором они и решили засесть.

— Здравствуй, — ответил он, невольно отмечая, что неприметная тканевая ветровка и простенькие джинсы сделали то, чего не смогло добиться довольно приличное платье, которое Анна надела в их прошлую встречу. Но если тогда, она казалась Золушкой, которой вместо крестной феи попался не очень добросовестный сетевой агент, торгующий предметами гардероба, то сейчас невзрачная одежда лишь оттеняла ее природную правильность линий и живой блеск серо-голубых глаз. Ее русые волосы, повязанные в конский хвост, своей нарочитой простотой еще больше добавляли ей привлекательности.

"А может просто у меня давно не было женщины". - цинично подумал про себя Вортов, а вслух спросил:

— Так, каким ветром тебя сюда занесло?

Анна мягко улыбнулась и ответила:

— Наверное, как и многих, ветром войны. Наша организация начала получать сообщения, о том, что какие-то военные отстреливают редкие виды приматов. Лена — наше лицо, но кто-то должен делать и черновую работу. А пока я безвылазно сижу в том городке, потому что в округе слишком беспокойно. В общем, если не удастся получить хоть каких-то конкретных данных, придется возвращаться в Вавилон.

— Ну, про отстрел приматов я тебе могу порассказать. Только вот наш вид к чрезвычайно редким я бы уж не отнес, извини. — Попытался схохмить Вортов, на что Лемех вновь мягко улыбнулась, давая понять, что оценила шутку. — Что же касается возвращения... Мне кажется, что ты слишком оптимистична. До окончания конфликта выбраться из сектора будет довольно непросто. Надеюсь, ты здесь не одна? Разгула преступности в городе не наблюдается, но это отчасти из-за того, что весь преступный элемент теперь как бы работает на новое правительство и охраняет порядок. Если бы не мы, эти ребята уже начали бы развлекаться по полной. Имел возможность убедиться.

Анна неторопливо отпила из кружки, а затем начала отвечать на заданный вопрос:

— Я живу на квартире у наших здешних сторонников. Довольно милые люди. Когда я собиралась сюда, то мы с Леной даже не думали, что конфликт может настолько обостриться.

— Звенцова — дура, — мрачно буркнул Андрей, также прихлебывая из своего бокала. — Подумай о том, чтобы найти другую работу, а то ведь так и будешь всю жизнь для нее каштаны из огня носить.

— Ты все еще сохнешь по ней? — неожиданно сменила тему Анна, ухмыльнувшись.

— Я? — удивился вопросу Вортов, выпрямляясь на стуле, а затем задумчиво продолжил: — Ты знаешь, нет. После всех этих событий — просто не до того. Я раньше слышал, как люди говорили, что от несчастной любви страдают лишь придурки, которым нечем себя занять. Раньше не понимал, а теперь согласен на все сто.

— Знаешь, когда я увидела тебя на той дороге, то просто не поверила своим глазам. — С ноткой томности произнесла Анна, положив свою руку на руку Вортова. — Мне пришлось связаться с Максом, чтобы уточнить где именно ты служишь. Все равно не верила, но вот мы здесь. Сколько у нас времени?

— П-полтора часа, — тяжело ворочая языком вымолвил Андрей, который неожиданно для самого себя захмелел. — Ты...знаешь, а ведь я все время был в шлеме... инструкция...у нас...такая...

— Поедем ко мне? — игнорируя слова Воротова, спросила Лемех.

— А...эх, — начал было Андрей, но был оборван на полуслове.

— Я закажу такси, — проворковала Анна и завербовала в помощь мужика, сидевшего за соседним столиком.

Так, вскоре Анна, стремительно теряющий связь с реальностью Андрей и неизвестный мужчина покинули бар под равнодушные взгляды завсегдатаев и персонала.

По собственному опыту, Андрей знал, что пробуждение в незнакомом месте не всегда хорошо. Пробуждение в незнакомом месте, после того, как тебя сморило всего лишь после одной кружки пива — вообще ничего. А в ближней перспективе и вовсе плохо, потому как перспективы дальней при таких раскладах не просматривалось. Осознание последнего привело Андрея в чувство быстрее, чем та химия, которую ему вкололи, чтобы побороть действие другого препарата, который, очевидно, был подмешан в пиво.

— Проснись и пой, Андрюша, — ласково пропела Анна, усаживаясь перед ним на стул, повернутый к нему спинкой, на которую она и сложила свои руки. — Признаюсь, твое появление стало для меня просто подарком судьбы. Твой предшественник, оказался гораздо более упрямым.

С последними словами она кивком указала на труп в тестерлиновой броне с простреленной головой, лежавший совсем недалеко от того места, где к, прикрученному к полу, металлическому стулу, был прикован Андрей, который в этот момент смотрел то на оставшийся от покойника шлем, с эмблемой "красных соколов" над забралом, то на снующих по опустошенному вооруженных людей.

— Или слишком глупым... — пробормотал он.

— Можно и так сказать, но с ним беседовал только мой помощник Джумба, — она снова кивнула, но на этот раз в сторону мощного чернокожего мужчины, который все время держался в поле слышимости. — И его должны будут хватиться примерно через пять часов. Несмотря на досрочное завершение нашего с ним сотрудничества он смог нам очень многое рассказать. Например, о том, что сигнальная сеть вокруг города распознает солдат, посылая запросы свой-чужой и поднимая тревогу, в случае если ответ оказался неверен. Разумеется, чтобы избежать путаницы и конфликтов между различными ЧВК...

— Хватит, я все понял, — мрачно произнес Воротов. — Стоп-сигнал мне известен, сообщили на утреннем разводе.

— Да, — несколько отстраненно заметила Анна. — И все же по многим показателям частники уступают регулярной армии. Ну и кто же так заботится о поддержании секретности? Ладно, нам это только на руку. Ты ведь понимаешь, что от тебя требуется, Андрей? Ты всегда был умным мальчиком и потому мне нравился.

— Нравился настолько, что ты отправила по моему следу наемных убийц? — хриплым голосом, но с долей ехидцы спросил он.

Анна выдержала короткую, едва заметную паузу.

— Учитывая обстоятельства, не удивительно, что ты пришел к этому выводу. Как я и говорила, ты всегда был довольно умен. Впрочем, мы теряем время. Сейчас я задам тебе всего один вопрос, и ты либо отвечаешь да, и помогаешь мне и моим друзьям выбраться из города, либо отказываешься и тогда я спрошу: "Не любишь ли ты гей-порно с неграми?" А

затем, следующие десять минут ты проведешь наедине с Джумбой. Затем, я задам вопрос еще раз, но, если мне покажется, что твое психологическое состояние не будет способствовать достижению наших целей, ты присоединишься к своему коллеге на полу, после чего нам придется работать по запасным планам. Тебе все понятно?

— Да.

— Да?

— На оба вопроса, да! — с усилием прохрипел Андрей, которого начала одолевать, вызванная препаратами, сухость во рту.

— Умный мальчик, — улыбнулась Анна и спросила. — Есть ли у тебя какие-то особые пожелания?

— Снаряжение, — после небольшой паузы сказал он, — Нужно проверить снаряжение.

— Его сканер в рабочем состоянии, — впервые за всю беседу подал голос Джумба.

— Не о нем речь, — покачал головой Вортов, — Данные со сканера поступают на тактический дисплей бойца. Я не смогу ввести стоп-сигнал просто со сканера, так что, если шлем поврежден или на нем стоит генетическая привязка — ничего не получится.

Произнеся все это пристально наблюдал за реакцией похитителей, лелея в душе надежду, что в связи с явной спешкой они не успели допросить, попавшего к ним в плен солдата слишком уж дотошно, а то не успел разболтать ничего, сверх того, о чем могли спросить военного его специальности. Наконец, после недолгого колебания, Анна кивнула и Джумба, предварительно освободив Вортова, передал ему шлем.

— Ты знаешь, нам удивительно везло в последнее время. Нам удалось изначально закрепиться на этом складе изображая из себя подразделение ДСВП. Но светлая полоса рано или поздно кончается и потому, нам пора уходить.

— Ты права, — кивнул Андрей, — рано или поздно светлая полоса кончается и начинается темная.

Перед его глазами. На тактическом дисплее в шлеме мелькали сообщения о распознавании лиц того или иного сбежавшего заключенного. Сигналы о их обнаружении передавались на командный пункт.

"Как известно, война — это продолжение политики другими средствами. Однако, не многие делают из этого, подтвержденного столетиями исторического опыта, высказывания выводы о том, что, зная конечные цели войны — нетрудно выяснить какой из политических акторов является конечным бенефициарием конкретного конфликта".

"Политическое обозрение", выпуск N 602.

Последующие события запомнились Вортову в виде эпизодов еще не смонтированного фильма — кадры на месте, но единой картинкой они не представляют. Эвакуация со склада прошла без сучка, без задоринки. Просто в какой-то момент на близлежащих улицах начали останавливаться автобусы и в них начали торопливо грузиться боевики "нового рассвета", изображавшие то студентов местного колледжа, то группу болельщиков местной команды, а то и клерков, собравшихся отправиться на корпоративный отдых за городом. Разумеется, весь транспорт имел соответствующую легенде каждой из групп символику и окраску. После торопливой погрузки, автобусы разделились и двинулись по какому-то сложному маршруту, чтобы, в конечном итоге, собраться в колонну у южного выезда из города, изрядно порушенного, проходившими здесь, боями. На всем протяжении пути, Вортов с нарастающей тревогой думал о причинах, из-за которых его план навести на террористов силы ЧВК мог дать сбой. Отбрасывая версии одну за другой, он с тревогой ждал приближения момента, когда ему придется выполнять обещанное, после чего его шансы остаться в живых уменьшатся до исчезающе малых величин. Последняя надежда на блокпосты также не оправдалась. По какой-то не понятной причине бойцы ДСВП не стали досматривать колонну разномастных автобусов. К моменту, когда последний из них въехал на трассу Андрей уже начал впадать в панику. И в этот момент все и случилось.

Позднее, Вортов смирился с мыслью о том, что лишь полная внезапность нападения обеспечила успех операции. Но тогда, охваченный паникой, он извивался на асфальте, как червяк на крючке. Горящие автобусы с боевиками безжалостно расстреливались, выехавшими вслед за ними из города, бронемашинами. Впереди, из наскоро выкопанных укрытий, до поры, прикрытые деревянными настилами с, уложенным сверху, дерном, вылезали солдаты в экзоброне и сходу открывали огонь. Впоследствии, он не раз благодарил судьбу за то, что в тот момент не пытался вскочить на ноги и броситься к укрытию. Если бы попытался, то нет сомнения, что одна из пуль, наверняка, досрочно прервала бы его жизненный путь. Но он продолжал лежать, наблюдая затем, как экстремисты падают на асфальт один за другим. Некоторые пытались укрыться и у части это даже получалось. Другие же просто застывали в тех позах, в которых их нашла смерть. Срок жизни большинства из них равнялся времени полета двух или трех пуль, которые они успевали

выпустить, как последнее послание перед смертью. Но некоторые держались и дольше. Здоровенный взлохмаченный мужик с пышной бородой и пулеметом в руках, выскочил из-за укрытий и стойко игнорировал попадавшие в массивное тело пули. Но он уже был мертв, даже несмотря на то, что разум отказывался это осознавать, а мозг пытался дать команду пальцам спустить наконец курок. У него не вышло. Еще один попытался бросить гранату, но свалился замертво под градом пуль, а выпущенная его рукой посланница смерти изуродовала его собственное тело и отправила на тот свет трех товарищей. Досталось и Андрею, которого, как выяснилось позднее, контузило от взрыва. Он не мог сосредоточиться ни на чем, кроме болезненного звона в ушах, который, казалось, заполнил собой весь мир. А потом все кончилось. В один момент вокруг гремели выстрелы и свистели пули, а теперь были слышны лишь стоны раненых, треск пламени и гулкие шаги солдат в тяжелой броне. Вортов лежал на выщербленном пулями асфальте, смотрел на небо и размышлял о том, как же так вышла, что жизнь привела его к этой точке именно в таких обстоятельствах. Тем же самым он продолжил заниматься и по дороге в больницу и в самой палате. Вызванные полным ощущением беспомощности, чувства требовали осмысления.

Незаметно для самого себя, с какого-то момента, Андрей начал осознавать, что в профессии наемника он преуспел, едва ли не больше, чем в профессии журналиста. Огромная награда в пятьдесят тысяч амеров, перечисленная на его счет сразу после того, как он дал все необходимые разъяснения по поводу похищения, стали отличным тому доказательством. Кроме того, они также являлись хорошим утешением во время наиболее сильных приступов головной боли, вызванных контузией от взрыва одного из автобусов, перевозивших боевиков "нового рассвета". Это, а еще на удивление яркие воспоминания о забитых дымом легких, мешали ему предаваться грезам о досрочном завершении контракта, которое также было предложено в качестве награды. Накопленных средств, должно было хватить на то, чтобы осесть в одном из регионов латинского сектора и взять небольшую паузу на обдумывание дальнейших жизненных планов без необходимости отказа от большей части сбережений, вложенных в жилье в одном из главных мегаполисов планеты.

И с каждым, проведенным на больничном койке, часом мысль об отставке казалась Вортову все более привлекательной. И дело было не в том, что он больше не хотел проливать кровь за чужие интересы. Сам характер нападения на колонну пленителей, заставил Андрея задуматься о том, что жизнь у него, в конце концов, одна и закончиться может в любой момент. Он помнил, как вылетел через боковое стекло принудительно остановленного автобуса, который безжалостно расстреливали коллеги Андрея, без всяких посторонних мыслей о том, что их товарищ может пострадать. Затем был жесткий асфальт, запах растекающегося во все стороны бензина, суматошная стрельба и беззвучная молитва о спасении собственной жизни.

Когда, ошалевшему от всего происходящего, Вортову наконец разрезали пластиковые наручники, он едва мог удержаться от рукоприкладства, после того, как какой-то неизвестные ему хлыщ, вынырнувший, как черт из табакерки требовательно заявил, что он ДОЛЖЕН обстоятельно ответить на все их вопросы.

В конечном итоге, уже несколько позже, и согласился дать максимально полные показания, в случае если вознаграждение будет достаточно большим. Разочарован он не был. В итоге, все закончилось для него больничной койкой и томительным ожиданием финальной версии договора, в котором, в общих чертах, должно было быть сказано, что ни Андрей, ни компания "Кондор" не имеют друг к другу никаких претензий и расстаются без

всяких сожалений.

Вортов отвлекся от размышлений, когда в палату зашел сержант Рамирез и поставил на прикроватную тумбочку небольшую бутылку виски и пару пластиковых стаканчиков.

— Я слышал ты от нас уходишь, — без предисловий перешел к делу сержант. — Многие не понимают, некоторые завидуют, но...я знаю. Ты пойми, нельзя было иначе. Их там под две сотни было, так что начти мы игры с освобождением заложников, потеряли бы людей.

Вортов посмотрел в испещрённое ранними морщинами лицо сержанта и спросил:

— А меня значит списали, так?

— Оценка рисков, — пожал плечами тот. — На войне всегда так бывает.

— Ну вот и я свои риски оценил, так что не понимаю какие могут быть претензии.

— С моей стороны — никаких, — поднял ладони в защитном жесте Рамирез. — Просто...когда я говорю многие, это ведь не совсем правда. Большинство из наших так и осталось лежать либо в самом Локрейне, либо окрестных лесах. Вот теперь и ты...решил покинуть нас. Люди ведь понимают, что это тебе так повезло. Остальные если и покинут подразделение, то более традиционным способом. Такие дела.

Андрей ничего не ответил, а сержант, тем временем разлил содержимое бутылки по стаканам и произнес тост:

— Давай, за удачу.

Они молча выпили, а затем, некоторое время сержант молча вглядывался в лицо Андрея. Затем, тяжело вздохнув, он сказал:

— Жалею, что отпустил тебя тогда с той девкой. Документы твои придут к концу следующей недели весте с представителем, который и прояснит для тебя неписанные детали соглашения. Подпишешь и свободен как птица.

С этими словами Рамирез встал и направился к выходу из палаты, но уже на выходе его догнал вопрос Вортова:

— Что с ней стало? Она выжила?

Рамирез усмехнулся:

— Каким- то чудом, да. Для ее содержания выкупили банковское хранилище и смонтировали его у нас, в бывших ремонтных мастерских. Видно, не простая особа.

С последними словами сержант покинул помещение, оставив Андрея наедине с его мыслями. Однако, вместо того, чтобы терзать себя размышлениями о смысле жизни, Вортов решил поразмышлять о ситуации с Анной.

"То, что именно она, как минимум, имеет отношение ко всему, произошедшему со мной, с момента получения того материала о незаконных экспериментах с клонированием, не подлежит сомнению", — размышлял он, наливая себе еще одну стопочку виски. — "Теперь, когда я знаю, что она каким-то образом связана с Новым Рассветом, многое видится совсем по-другому. Наверняка за тем покушением стоит она. Больше просто некому. Но зачем? Зачем это ей? Хотя, причем здесь вообще она, нужно думать о целях ее организации."

Неторопливо осушив стаканчик, Вортов вновь повалился на кровать и принялся усиленно вспоминать все, что он знал о организации "Новый Рассвет". Кроме того, что планетарной комиссией по вопросам охраны правопорядка данная организация рассматривалась как одна из самых опаснейших, превосходя по этому показателю религиозных террористов и "Мстителей Африки". Через пару минут он вдруг осознал, что знает о них до обидного мало и это было большим плюсом для законспирированной

террористической организации.

"Но ведь изначально они и не позиционировали себя как террористы", — внезапно вспомнил Андрей. — "Все ведь вообще началось с информационного ресурса, ставившего целью просвещения населения о жизни на новой планете. Этакая продвинутая онлайн-энциклопедия. Затем у них возникли какие-то проблемы с публикациями, возник скандал и... содержание статей резко изменилась. Вместо статей из рубрики все обо всем, начали публиковаться материалы политического характера".

В принципе, это многое объясняло. Запись того корейца как раз попадала в категорию информации, которую "Новый Рассвет" мог желать широко растиражировать. Планетарный канал для этого подходил как нельзя лучше.

"Однако, почему Анна никогда не использовала его для вброса информации раньше?" — Думал Вортов, не замечая, как его рука автоматически потянулась за, стоявшей рядом бутылкой, он сделал небольшой глоток прямо из горла и продолжил линию размышлений, — "Неправильная постановка вопроса. Нужно спросить себя, а получал ли я информацию от Нового Рассвета раньше?".

Через некоторое время, Андрей осознал, что помимо историй про чупакабру, упырей и чудовищ морских глубин, наводки на самые "звездные" истории, те, что сделали его знаменитым и ценным руководством канала, всегда были следствием наводки от анонимного источника. Конечно, истории про чупакабр и прочую чепуху также приходили анонимно, исключение составляли лишь сумасшедшие или просто жаждущие внимания люди. Но разница была в том, что информацией о генно-модифицированных наркотиках, подстраивающихся под генотип клиента, обладал не каждый обыватель. Примерно полчаса спустя Вортов предварительно составил список тем, которые входили в категорию тех, которые "Новый Рассвет" желал бы растиражировать. История с проститутками-киборгами? Это в его передаче, измененной по настоянию Готлиба, вышло забавно, а если задуматься? Подобное сходство с человеком, что даже клиенты ничего не заметили во время очень близкого контакта, могло заставить сторонников теории о грядущем восстании машин начинать строить себе бункер. Эксперименты с гипнозом? Вроде и чушь, но если "Новый Рассвет", выловил в этом зерно правды, то становится не по себе. И так, по разным прикидкам, набралось около дюжины подобных историй, которые и составляли основу его карьеры.

"Это, что же получается? Собственным успехом я обязан кучке террористов? Но тогда зачем нужна была эта подстава? Зачем избавляться от ценного канала поставки информации ради заурядной, на фоне прочих, истории? Или, быть может история не столь заурядна, как кажется на первый взгляд?"

В конечном итоге, Андрей пришел к выводу, что вся история, во многом была рассчитана именно на его смерть, которая должна была стать таким венцом его карьеры. Терновым. Без возможности обвинить мертвеца в подлоге и еще каких-то неблагоприятных делах, волна возмущения в Вавилоне не затихла бы так быстро, а там кто знает на что еще Анна и ее друзья рассчитывали. Но, в итоге, он выжил и сторона, не заинтересованная в разрастании конфликта, незатейливо повесила на него всех собак, перенаправив волну народного гнева в безопасное русло. Придя к такому выводу, Вортов заметно успокоился. Но, все же, даже по прошествии пару часов, за которые он успел почти опустошить подаренную бутылку виски, его не покидало ощущение, что в истории с нелегальным клонированием он умудрился за деревьями не увидеть леса. Сделав мысленную зарубку,

разобраться во всем этом позднее, он погрузился в спокойный, расслабляющий сон.

На следующее утро его выписали из больницы и Вортов направился в расположение. Даже с учетом, того, что компания согласилась досрочно разорвать контракт, обязанностей по обслуживанию сигнальных полей с него никто не снимал. Впрочем, в условиях острой нехватки личного состава, о подобном послаблении в принципе не могло быть и речи, так что Андрей особо и не надеялся.

Сослуживцы встретили его прохладно, хотя и без особой враждебности. Вортова это не слишком задевало и вскоре он уже втянулся в привычный ритм, ежедневно перестраивая сети датчиков, извлекая информационные накопители и перенастраивая ретрансляторы. А в остальном он просто ждал предстоящего увольнения, которое, как выяснилось буквально через пару дней, задерживалось на неопределенный срок, о чем известил его непривычно хмурый сержант Рамирес:

— Настраивайся на то, что ваша договоренность с представителем компании может быть пересмотрена. Обстановка обостряется и каждый человек на счету. Получится ли в ближайшее время перебросить сюда пополнение — неизвестно.

— Если я правильно помню уговор, — хмуро произнес Вортов, — то компания согласилась отпустить меня без всяких условий. Ни о каком обострении речи не было.

— Не было, но и юридических гарантий тебе тоже никто не давал. Все держалось на желании менеджмента обставить расставание по-хорошему. Теперь расставания не будет. Вопросы?

— Нет.

— Нет, сэр, — строго поправил сержант. — Возвращайся-ка мысленно к службе, иначе будут проблемы.

— Так точно, сэр, — отозвался Вортов, настроение которого было окончательно испорчено.

Однако, долго предаваться унынию у него не получилось. Причины возникших трудностей компании разъяснились еще через два дня. Андрей как раз был в отдыхающей смене, когда со всех концов вокзала, к центральному павильону потянулись солдаты разных подразделений. Он последовал за толпой и еще издали увидел в кольце главного голопроектора, приспособленного умельцами из киберкоманды к трансляции континентального телевидения, крупного чернокожего мужчину в военной форме с множеством позолоченных регалий и огромным количеством медалей.

— ...беспринципность и алчность корпораций, жаждущих загрести под себя все, до чего дотянутся руки. Они не остановятся не перед чем. И пока подконтрольные им СМИ твердят с новым демократическом правительстве сектора вольных поселений, мы все с вами знаем о настоящем выборе, который эти люди сделали несколько месяцев назад. Я не могу смотреть, как то, что когда-то случилось с народами Африки происходит сейчас у порога нашего нового дома. С тяжелым сердцем, полностью осознавая всю тяжесть возможных последствий, я отдал приказ войскам Африканского Союза перейти границу сектора вольных поселений и установить в этих землях мир. Если мы не дадим отпор прожорливому корпоративному спуту здесь и сейчас, то завтра война придет и в наш дом. Я призываю всех граждан союза сплотиться в этот трудный час и вместе покарать бесчеловечную капиталистическую машину, из-за которой наши предки когда-то лишились родины.

После этого в поле проектора появилась миловидная телеведущая, рассказывающая зрителям о начале всеобщей мобилизации в Африканском Союзе. О предположительных

силах сторон, и возможном исходе конфликта. Дальше последовали прямые включения со всевозможными экспертами, строившими собственные гипотезы и безостановочно жонглировавшими цифрами и фактами.

— Да ерунда все это, — неуверенно начал какой-то тип с нашивками, обозначавшими его принадлежность к линейной пехоте. — Средний черный пехотинец облачен в тестерлин второго класса. Это немногим лучше, чем пожарный костюм, даже наши вспомогательные части снабжены лучше. На вооружении — древние калашниковы. Ерунда, еще раз повторяю. Мы перестреляем их как банки из-под пива.

— А танки ты тоже перестреляешь? — раздраженно спросил его сослуживец, — Если на, то пошло, наши позиции запросто перемешают с землей артиллерией. К слову, шестисотый АК примерно в двадцати процентов случаев пробивает броню наших "Дрого-6".

— Зато и тепловыделение у них такое, что не только визором, со спутника засечь нужно. — Возразил первый.

— Я вот не думаю, что при их численности, они особо скрываться будут, — после этой фразы оба на несколько секунд замолчали, пока первый не подвел итог дискуссии одной фразой:

— Вот ведь дерьмо.

Второй на это лишь молча кивнул и Андрей, потеряв интерес, двинулся дальше. Но не успел он даже пройти к центру зала, как нарукавный коммуникатор известил его о том, что через пятнадцать минут сержант ожидал видеть их всех на брифинге в их же жилой зоне.

— Как некстати то, — пробормотал Вортов и развернулся, чтобы двинуться в противоположном направлении. Идти куда-то еще банально не было времени.

В общем, через семь минут он уже вернулся в комнатку, которая и служила пристанищем для остатков роты технической разведки. Сержант уже был там и, мельком глянув на Вортова, обратился к собравшимся:

— Итак, кажется все на месте — не вижу смысла тянуть кота за хвост и потому, перво-наперво, озвучу поступивший приказ. К пятнадцати ноль-ноль, все три, оставшихся в нашем распоряжении, бронетранспортера должны быть под завязку нагружены боеприпасами и готовы к выдвигению по сигналу. Пойдем на оборонительные позиции, которые сейчас намечаются командованием. Скажу сразу, легкой прогулки не будет. Насколько я понял, ситуация развивается стремительно и к тому моменту, когда наш, довольно потрепанный полк, займет запасные позиции они, к тому моменту, могут оказаться уже основными или даже тыловыми противника. Я знаю, многих из вас терзают сомнения по поводу возможного исхода настоящего сражения с регулярной армией. Врать не буду, даже не смотря, что армия Африканского Союза, не слишком то хорошо вооружена, мы попросту не вытянем. Сброд, который собрался под знаменами ДСВП разбежится сразу же, если уже не разбежался, так что, если кто надумает сдаваться, то директивы начальства таковы — всем вспомогательным подразделениям, не имеющим возможности пробиться к основным силам, ориентироваться на боеспособность второго батальона. Поднимут руки они — сдаемся и мы. Если по каким-то причинам вы сделаете это раньше, то ваше дело будет рассматриваться внутренним корпоративным судом. И поверьте мне, военный трибунал регулярной армии поспешительней будет. Поскольку на обстановке в районе наших будущих позиций мало что известно, на этом брифинг заканчивается. Сейчас вы, все вместе идете к снабженцам и получаете боеприпасы и снаряжение. Приглядывать за вами не буду, не маленькие. Я же, тем временем, займусь организацией нашего транспорта и техники. Все, разойтись. Не будем

терять времени.

Следуя приказу, сводный отряд бросился получать снаряжение и выносить ящики на улицу, в ожидании транспорта, который должен был вот-вот прибыть. Солдаты роты обеспечения сноровисто управляли роботизированными погрузчиками, выстраивая собственные нагромождения всевозможной тары, приготовленной для погрузки в машины техники, а также всего необходимого для ее функционирования. С каждой минутой из здания вокзала выходили все новые и новые бойцы различных подразделений, тащившие все, что можно было унести, тем самым ускоряя погрузку. И чем больше людей вовлекалось в процесс, тем, как ни странно, более упорядоченным он становился. Завершился этот триумф логистики и организационного мастерства за сорок минут до обозначенного командованием срока, после чего, офицеры и сержанты начали выстраивать солдат в шеренги напротив бронетранспортеров, которые также продолжали пребывать на все еще не расчищенную от обломков, привокзальную площадь. Они, в свою очередь, также совершали сложные маневры уступая друг другу место согласно их номеру в походном порядке. В конечном итоге, все это вылилось в импровизированный смотр, когда бойцы линейной пехоты, в их тяжелой броне на основе экзоскелета, с хищными силуэтами гребней и дополнительных лезвий, которые разместила на руках и гребне шлема китайская конструкторско-дизайнерская мысль. Едва различимая даже при ярком свете послеполуденного солнца, полевая разведка вызывала чувство здоровой опаски, а облаченные в сверхтяжелую броню "торы", чье построение из-за их внушительных размеров мало напоминало строй, выглядели скорее демонтированным элементом, выстроенных в колонну, массивных бронемашин, более восьми десятков которых едва помещались на площади и прилегающих улицах. Более маневренные транспортные грузовики, до поры рассредоточились в переулках, чтобы присоединиться к маршу после выдвижения основных сил.

Но несмотря на некоторую торжественность момента, рутинная боевая работа также вносила свою лепту в окружающую картину. Инженерно-саперная рота, разбившись на некое подобие шаманских кругов, с помощью какой-то хитрой аппаратуры запускала в воздух беспилотники, которые являлись не только средством разведки, но и одним из контрзасадных средств, имевшихся в распоряжении полка. Глядя как крылатые фигурки, грязно-серого окраса, и обтекаемой формы, за которую едва цеплялся взгляд, Вортов подумал, что, видимо, выдвижение должно скоро начаться. Так оно и получилось.

— По машинам! — скомандовал сержант и, повинаясь приказу, с поразительной синхронностью, солдаты бросились к броневикум, на ходу пробираясь к, прикрепленным за ними, машинам. То же самое, одновременно делали и бойцы других подразделений и уже через нескольких минут, бронированная армада была полностью готова к выдвижению.

Вортов угодил в одну машину со Штайном и, довольно тихим для араба, Шафиком-аль-Баради. Поскольку в виду острой нехватки личного состава, десантные отсеки оставались практически полупустыми, техноманьяк Штайн, временно повышенный до капрала, с соответствующим повышением жалованья, потащил с собой не только минометную роботизированную платформу, но и кучу снарядов с датчиками, входивших в ее боекомплект. С грозным рыком машина двинулась в перед, и, как казалось сидящим внутри, сразу же набрала довольно приличную скорость. Никто из сидящих в десантных отсеках не мог наблюдать за завораживающей картиной — более ста пятидесяти единиц различного транспорта и боевой техники, в сопровождении десятков беспилотников, постоянно кружившихся над колонной, шли на приличной скорости в северном направлении.

Практически идеально вписываясь в повороты, не допуская ни малейших задержек по ходу движения, эта колонна могла стать предметом зависти многих транспортно-логистических компаний, которые, однако, не обладали доступом к мощнейшим вычислительным ресурсам, позволявшим командованию "Кондора", в режиме реального времени руководить множеством единиц транспорта, словно они были единым организмом.

Не задумывавшийся о том, что является частью грандиозной логистической операции Андрей, притерпевшись к тряске, задремал, рассчитывая, что дорога до места назначения займет никак не меньше шести, семи часов. Однако, пробуждение наступило гораздо раньше. С недоумением, сбросив с себя остатки дремы, Вортов полез наружу, через оставленный сослуживцами, настежь распахнутый люк. То, что он увидел там сильно его озадачило. Лейтенант "драконов", при молчаливой поддержке сержанта Рамиреза, ухватил за лацкан, по пижонски распахнутой, куртки высокого, бородатого парня из киберкоманды и в цветастых выражениях рассказывал ему все, что думает о самом солдате, его родословной и родословной его предков до седьмого колена. Капитан "снабженец" пытался того урезонить, но, то и дело, отвлекался, чтобы отдать приказы подчиненным, которые суетились у, сгрудившихся на небольшой поляне, грузовиков.

Чтобы узнать в чем же дело, Андрей подошел поближе и наконец, речь лейтенанта стала боле членораздельной:

— Как это ты не знаешь? Куда ты нас завел, чертов гик!

— Я еще раз повторяю, — спокойно отвечал солдат из киберкоманды, — по-видимому наши системы оказались взломаны потому мы и получили... столь странные приказы.

— А радиомолчание? — вклинился капитан-снабженец. — Если и тот приказ был поддельным, то весь этот поход изначально был прыжком в капкан.

Ошалевший от подобной постановки вопроса, лейтенант выпустил, наконец, солдата и, с нетерпением, стал ожидать ответа:

— Приказы был подлинным. — Покачал головой тот. — Взлом такой системы, как наша, невозможно утаить надолго. Мы отделились от основных сил полка около часа назад. Если нам повезет, то кто-то из моих коллег уже выявил взлом, и мы вот-вот получим сигнал по радио.

Капитан тяжело вздохнул, а затем, сняв с головы кепи и обнажив, при этом, внушительных размеров залысину, произнес:

— Не будем ждать у моря погоды. Под свою ответственность, приказываю установить связь с основными силами и получить у них указания.

— При всем уважении, я уже пробовал, сэр, — ответил сетевой специалист.

— Без приказа? — немедленно окрысился лейтенант "драконов".

— Да, — снова, расправляющий куртку, специалист был совершенно спокоен, — Я ведь и не идиот и как только обнаружил проблему. Сейчас основная часть нашего полка движется практически вслепую. Техническая разведка здесь, а дроны скомпрометированы. Бог знает какую картинку они там выдают. Так что, нашим остается только молиться на разъезды полевой разведки. Практически беззащитную колонну снабжения сюда, думается, привели не затем, чтобы предложить нам всем по чашке чая.

— А при чем здесь мое подразделение? — после короткой паузы, спросил лейтенант.

— О, здесь все просто. Номера машин в походном порядке резко не поменяешь. Вернее, это не сложно, но тогда подвох любой идиот бы заподозрил. Так что теперь у нас здесь, вы, лейтенант, со своей ротой, следовавшей за колонной снабжения. Машина "торов" шла

вперед. Ну а почему техники не с основными силами, мне кажется, всем понятно.

— Это все, конечно, здорово, — протянул капитан. — Точнее совсем не здорово, но перейдем к связи. Что там с ней?

— Ничего. Глушится армейскими системами РЭБ.

— Ты можешь что-то с этим сделать? — продолжал допытываться снабженец.

— В чистом поле, с одним терминалом против армейских систем? Однозначно нет, — покачал головой специалист киберкоманды.

— Что-нибудь по обстановке сказать можешь? — резко встрял пехотный лейтенант.

— Могу. Но, в нынешних условиях, за надежность сведений не ручаюсь.

— Все понятно, — снова тяжело вздохнул капитан, — Что ж, для начала закрепимся на позициях. Колонна снабжения желанная цель для многих. Господа, думаю в данной ситуации вы лучше меня знаете, что делать, так что командуйте парадом. А я пока своим ребятам попробую что-нибудь подобрать из брони, а то ведь с гражданским тестерлином только пули и ловить. Да и оружие лишним не будет. Да, определенно не будет.

"Проблема в том, что в наше время и в наших условиях понятия баланс сил просто не существует. Это на старушке Земле, угроза взаимного ядерного уничтожения вынуждает всех искать пути к компромиссу. У нас же, тотальное доминирование, подчиненной спецпредставителю ООН, орбитальной группировки и, при этом, ее относительный нейтралитет, заставляет воюющие стороны использовать более конвенционное оружие, что, при нынешнем уровне развития техники, позволяет проводить абсолютно непредсказуемые тактические и стратегические маневры. И потому, если предсказать начало конфликта еще возможно, то его исход не возьмется угадать ни один профессионал. С другой стороны, подобный постоянный фактор неопределенности, в какой-то мере, тоже превращается в меру сдерживания.

"Политическое обозрение", выпуск N1962.

Где-то вдали размеренно бухал миномет, рассыпая тысячи датчиков в глубине леса. Андрей судорожно метался в том же лесу, расставляя информационные накопители и ретрансляторы, создавая сигнальную сеть, которая должна было помешать противнику неожиданно прокрасться под покровом листвы во фланг сводному отряду, который все еще продолжал возводить укрепления по периметру небольшой, чахлой рощицы, едва пробивавшейся сквозь скудные почвы полупустыни. Изначальную позицию посреди леса было решено оставить почти незамедлительно после окончания импровизированного военного совета, о котором знал весь отряд. Ровная как стол местность и густые леса, из-под покрова которых враг мог практически безнаказанно расстреливать грузовики отряда, не устраивала никого. И потому движение отряда продолжилось до тех пока они не достигли, переходившего в полупустыню района. Все та же ровная местность также практически не давала никакого укрытия, но зато и просматривалась, а также простреливалась за многие километры. Выбранная офицерами небольшая, практически безлистная рощица, обеспечивала весьма условную маскировку ключевых узлов обороны, основу которых составили всевозможные быстровозводимые фортификационные комплексы, включавшие в себя очень многое: начиная от дотов и заканчивая роботизированными станковыми пулеметами, которых нашлось аж пятнадцать штук.

К сожалению, условия для их применения были не самые подходящие, проблемы с маскировкой делали это оружие весьма уязвимым, однако, после того, как были возведены модульные укрепления, дело все же как-то пошло на лад.

Техническую разведку заботы по обустройству укреплений обошли стороной, им хватало и своей работы, так что за процессом валки деревьев и создания импровизированных брустверов Вортов следил только мельком, чего нельзя сказать о процессе рытья окопов. В отсутствие шанцевого инструмента и парочкой деактивированных инженерных роботов, с которыми все равно никто не умел толком обращаться, обходиться пришлось

направленными подрывами, поднимавшими в воздух большие массы земли, которая также затем шла на укрепление брустверов. Но, как уже было сказано, техническую разведку эти работы мало касались. Вместо этого, все девять человек во главе с сержантом Рамирезом, носились по лесам, выходявшим на правый фланг оборонительных позиций отряда и старались наладить сигнальную сеть, не меньше километра глубиной.

Побегать пришлось изрядно, но даже Андрею, который не мог назвать себя закаленным ветераном, показалось, что привычная, давно знакомая работа не только не утомляет, но даже, в какой-то мере, успокаивает. Однако, даже внезапно нахлынувшее состояние покоя не отменяло усталости, которую все ощутили, едва только увидев преобразившийся лагерь и группу отрядных броневиков, часть из которых пытались превратить в стационарные огневые точки.

— Вортов, давай скорее в штаб. Все доложишь, все покажешь и объяснишь, — неспешным говором приказал сержант. — У тебя опыт общения с этими чудиками из киберкоманды большой, так что сложностей не будет. Затем возвращаешься на позиции, которые нам должны были отвести.

— Вас понял, — столь же лениво отозвался Андрей и поплелся в сторону головного форта. Однако, как вскоре выяснилось, с указанием направления, сержант Рамирез несколько ошибся и идти пришлось в небольшой блиндаж, на некотором удалении от штабного укрытия.

— Добрый день, — поприветствовал Вортов специалиста, расположившегося в импровизированном кресле из ящиков из-под боеприпасов. Рядом с ним, на, аналогичным образом, преобразованном из подручных материалов, столе, громоздилась сфера, размером с футбольный мяч. Это было ни что иное, как мобильный терминал, с независимым выходом в виртуал. Со всех сторон к сфере тянулись провода от принимающих устройств, на которые поступала информация с ретрансляторов установленных командой сержанта Рамиреза, а также сброшенных с беспилотников в тех местах, где создавать и настраивать сигнальную сеть не имела смысла и все дело ограничивалось простейшей сигнализацией. Однако, все эти детали убогого интерьера терялись на фоне большой голограммы на пол помещения. Многочисленные графики, тактические схемы, и карты местности, а также малопонятная техническая информация переплетались в единый клубок, где было не понятно: что и где начиналось и кончалось. Но вместе с тем, даже на неискушенный взгляд во всем этом прослеживалась система.

Не дождавшись реакции, Андрей громко откашлялся, и специалист повернул голову к на звук, а затем неспеша, аккуратно, снял массивные, непрозрачные очки, делавшие его похожим на огромную стрекозу. Далее на "стол" легли не менее массивные перчатки, оборудованные всеми необходимыми датчиками для работы с голограммами.

— Это надолго? — равнодушно спросил он, всем видом, однако, выражая недовольство. Светлая бородавка встопорщилась, будто бы желая оградить хозяина от назойливых посетителей.

— Не очень, — честно ответил Андрей, — сержант Рамирез велел передать в штаб карту сигнальных сетей. В штабе мне сказали идти сюда.

Произнося фразу, Вортов одновременно достал из подсумка сержантский планшет и передал его кибер-специалисту. Тот, медленно, словно не зная, что с этим делать, принял прибор из рук Андрея, а затем невпопад ответил:

— Разумеется они скажут, что я здесь. Признаю, социальные навыки не самая сильная

моя сторона, но, мне кажется, лейтенант Дуартэ, затаил обиду.

Вортов не стал испытывать социальные навыки, так и не представившегося собеседника, на прочность и просто заметил:

— Это война, к тому же их цель наши запасы. Я видел несколько грузовиков, стоящих неподалеку. Возможно, они и не станут яростно перепахивать периметр в надежде на добычу.

— Высокоточное оружие никто не отменял, — грустно улыбнулся специалист, — И штаб, а также наш наблюдательно-информационный центр приоритетные цели. А поскольку штаб, насколько это вообще возможно в наших условиях, замаскирован, а информация по всем каналам стекается сначала сюда... В общем, не ошибусь, если скажу, что жить мне осталось несколько часов. Впрочем, я буду всего лишь первым. Остальные последуют вскоре и, во многом, это моя вина.

— Э-э-м, не стоит терять веру в победу? — испытывая некоторую неловкость, ответил Андрей.

— Полностью согласен, вот только закрывать глаза на факты тоже не лучшая стратегия. А они таковы — сорок два бойца лейтенанта Дуартэ да звено сверхтяжелой пехоты в "торах". О вас я тоже слышал...всякое, так что плюсуем еще девять человек. Остальные полторы сотни — балласт, за исключением водителей бронетранспортеров, которые являются нашей ударной силой. Укрепления? Они хороши, спору нет. Батальон Африканского Союза мы удержим. Если они, конечно, не станут применять артиллерию. А что будет дальше?

— И что же? — поневоле заинтересовался Вортов.

— А ничего не будет. Мы все покойники. Чуть раньше, чуть позже — не имеет особого значения.

Не представляя, что на то ответить, Андрей развернулся и покинул блиндаж, не обращая внимание на собеседника, которого, казалось, подобный поворот беседы ничуть не смутил. Для себя Вортов решил, что задачу он выполнил, а пасти тараканов в чужой голове он не занимался. Единственное, что беспокоило его на пути к месту расположения отряда это, то, что все услышанные им пессимистические построения имели не просто рациональное зерно, но и прочный логический фундамент.

Стараясь отогнать дурные мысли, Андрей огляделся по сторонам и то, что он увидел вызвало смешанные чувства. С одной стороны, за очень короткий срок была проделана очень большая работа. В течении, всего пары часов, пустынная равнина превратилась в хорошо укрепленную крепость, с бункерами, множеством брустверов, и системами траншей и стрелковых ячеек, защищенных все теми же брустверами из подручных материалов. С другой же, он видел как-то тут, то там, снабженцы упражнялись, пытаясь в кратчайшие сроки освоить разномастное оружие. Фанатик робототехники Штайн, осваивал минометные роботизированные платформы и выглядел так, будто исполнилась его заветная мечта. Нет, в самом факте не было ничего плохого, но беспокоило то, что на импровизированную должность "начарта" не нашлось никого компетентнее.

Стараясь не углубляться в рассуждения за черту, отделявшей рациональную оценку ситуации от отчаяния, Вортов добрался до позиций собственного отряда, на которых также размещался сводный взвод из снабженцев, вооруженных "ремингтонами" и монструозными автоматами "зиг-зауэр". Легкая тестерлиновая броня, не слишком отличавшаяся от хлопковой камуфляжной формы, а главное, отсутствие слаженности делало их похожими на партизанский отряд. Сами позиция были оборудованы по последнему слову...капитана-

снабженца, руководившего работами и черпавшего сведения по фортификации из прочитанных наставлений и, по большей части, из глубин собственной фантазии.

Само укрепление представляло собой деревоземляной редут, с деревянной частью, представлявшей собой нагромождение, поваленных в ближайшем лесу, бревен, которые были свалены в некое подобие баррикад, одновременно выполняя маскировочную функцию для роботизированного пулемета. От редута в разные стороны, под острым углом расходились две зигзагообразных линии окопов, больше походивших на сточные канавы, из-за метода их сооружения — экстренного подрыва почвы. Более глубокие ямы были приспособлены под блиндажи и временные склады боеприпасов. Конечно, каноническая военная наука требовала создания эшелонированной обороны и запасных позиций, однако, имевшейся в наличии взрывчатки хватало только на то, чтобы "отрыть" периметр.

Первым, что заметил Вортов, взобравшись внутрь редута, был сержант Рамирез, аккуратно складывавший по периметру заготовки для костров.

— Он здесь что, ночевать собрался? — поинтересовался Андрей у одного из сослуживцев.

— Огонь должен размыть наши силуэты в тепловизорах противника. Ну, и пальбу, в какой-то мере прикроет.

— Толково, — оценил придумку Андрей.

— Рад, что тебе понравилось, — прокомментировал, появившийся словно из воздуха, сержант. — И раз уж ты такой ценитель наших маленьких хитростей, назначаю тебя ответственным за своевременный поджог наших маскировочных костров. Все понятно?

— Так точно.

— А вот сейчас и проверим. Своевременно, это значит- когда?

— По вашему приказу, сэр.

— Молодец, не совсем идиот, — довольно покивал сержант и отбыл по своим делам, оставив Андрея обулаиваться у баррикады.

Нападение произошло как-то буднично и полностью бескровно для солдат "Конлора". Капитан — снабженец и лейтенант-пехотинец, очевидно, переоценили возможности врага, поскольку он соизволил появиться лишь через полтора часа, после того, как все работы в лагере были закончены, люди накормлены, а оставшаяся не у дел техника, построена в красивые парадные коробочки, готовые, впрочем, рвануть с места по первому же сигналу.

К моменту, когда, с наблюдательно-информационного пункта пришло сообщение об активности противника в лесу на правом фланге, многие уже не раз успели выразить мнение, что лучше было бы продолжить движение и соединиться с основными силами. Хотя, конечно, как знать. Быть может, все эти три сотни врагов, обнаруженных датчиками, все это время, сидели в засаде, и только и ждали повода расстрелять беззащитную колонну на марше. В общем, когда, наконец, поступил сигнал о приведении подразделений в полную боевую готовность, рядовым составом уже прочно овладела мысль, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Редкие цепи снабженцев с легким стрелковым оружием в руках, занимали позиции в окопах, готовясь отразить неминуемую атаку. Линейная пехота в доспехах "Дрого-6", занимала позиции за брустверами, надеясь на защиту собственной брони. Звено "торов", равно как и все бронетранспортеры оставались скрыты где-то в резерве.

Что же касается Андрея, то он, чувствуя нарастающее напряжение, переводил ствол винтовки с одного дерева на другое, ожидая, что в любой момент из леса вывалятся

беспорядочные толпы врагов.

— Да расслабься ты, — внезапно произнес один из арабов, которые вместе с ним формировали тройку. Оба сжимали в руках "химеры", что могло свидетельствовать о том, что хорошими стрелками они не являлись. Впрочем, однозначных выводов делать было нельзя и Вортов отвлекся на, продолжавшего что-то вещать, сослуживца. — ...И, главное, датчики оповестят нас задолго до появления противника в зоне прямой видимости. Не зря же мы столько времени в чертовых лесах горбатились. Теперь вот наш труд окупаются. Я слышал ты уже был в деле, так чего тебя сейчас так развезло?

— Ожидание выматывает, — коротко бросил Андрей, ощущая, что напряжение начинает понемногу отпускает и необходимость выискивать цель в густых зарослях уже не кажется столь острой.

— Случается даже с лучшими из нас, — покивал головой сослуживец и, как он думал, прекратил разговор. Однако, в Вортове внезапно проснулось любопытство:

— А сам как справляешься с нервами?

— Гашиш. — Пожал плечами тот и на этом разговор окончательно иссяк.

Между тем, пока Андрей переваривал услышанное, роботизированные минометы выдвинулись на позиции и начали засыпать лес минами. Далекие разрывы снарядов заглушали, таившийся в глубине души, страх и давали надежду на то, что и дальше все будет происходить по наиболее благоприятному сценарию. Обстрел не утихал двадцать минут, маневренные робото-платформы споро меняли позиции, переключаясь на обстрел новых координат, заданных оператором. А затем как-то разом все вдруг закончилось и совершенно неожиданно для Вортова, он услышал команду сержанта Рамиреза:

— Продвигаемся к указанной точке, разведка и зачистка. По возможности, нужно захватить пленного для допроса.

На негнущихся ногах, Андрей последовал за остальными членами отряда, выбравшись за пределы редута и устремившись к кромке леса, туда, где в переплетениях ветвей и в зарослях кустарника мог скрываться противник.

От дерева к дереву, выстраивая отображенные на экране тактического дисплея сектора стрельбы в единую сеть, они продолжали двигаться вперед, вслед за мигающей красной точкой, на все том же экране, под которой было обозначено расстояние до цели.

Через пятнадцать минут выматывающего бега, голос с правого фланга известил по рации:

— Контакт на двенадцать!

После этого слышалась лишь частая, заполошная стрельба со стороны врага и выверенные, гулкие выстрелы со стороны наемников, перемежаемые шипящим стрёкотом "химер" и истошными криками раненых с той стороны.

В очередной раз укрывшись за деревом, Вортов осторожно осмотрелся в сторону, куда его напарники безостановочно палили капсулами с кислотой. В режиме тепловизора четко прослеживались остаточные следы от выстрелов. Размытые желто-красные людские силуэты, также отчетливо просматривались даже за укрытиями.

Аккуратно прицелившись, Андрей нажал на спуск и увидел, как, почти одновременно с громоподобным звуком выстрела, находившийся за деревом, красный силуэт начинает опускаться к земле. Мощности "ремингтона" хватало, чтобы пуля пробивала на вылет даже надежные с виду укрытия. У повстанцев же ситуация была прямо противоположной. Уже дважды Вортов чувствовал, как вражеские пули вливаются в его броню, заставляя терять

равновесие. Численность пока что играла врагу на руку, позволяя создавать гораздо большую плотность огня.

Однако долго так продолжаться не могло и это было очевидно всем. Стремительно остывающие человеческие силуэты все чаще падали на землю, позволяя наемникам продвинуться еще на несколько метров. Вортов насчитал не меньше двух десятков, выведенных из строя, врагов, в то время как наемники, до поры, ухитрялись избегать потерь. И это продолжалось ровно до того момента, когда один из вражеских раненых подорвал себя гранатой, вместе с одним из бойцов отряда технической разведки.

После этого сержант приказал снизить темп, что позволило противнику оторваться и попросту раствориться в окрестных лесах. Рамирез не стал настаивать на преследовании и приказал отряду осмотреться и попробовать отыскать выживших.

— Ну и жуть, — пробормотал Андрей, разглядывая местность, отключив все режимы дополнительной реальности. А посмотреть действительно было на что. Чуть меньше сотни раненых и умирающих, застреленных, обожжённых кислотой, наштигованных осколками мин или же просто разорванных силой взрыв, усеивали телами не слишком густой лесок и добавляя к привычной, синевато-зеленой гамме, множество красных оттенков.

Вортов неторопливо шагал между чудом переживших минометный обстрел кустов и нижних ветвей, стараясь как можно тщательнее осматривать местность, во избежание неприятных сюрпризов и, в то же время, выполнить поставленную задачу, что, впрочем, оказалось совсем нетрудно сделать, поскольку уже в двадцати шагах от первоначальных позиций он наткнулся на, лежавшего в, опутанной мощными корнями, ложбинке, повстанца.

Молодой, не старше тридцати, мужчина был бледен и причиной того была здоровенная дыра в правом бедре, кое-как перетянутая авто-жгутом, темно-красная кровь залила его камуфляжные брюки практически до колена.

Желая убедиться, что раненый еще жив, Андрей аккуратно ткнул его стволом винтовки в грудь. Последовавшие события стали для него полной неожиданностью.

Повстанец резко распахнул глаза и стремительно ухватился за ствол винтовки правой рукой, пытаясь отвести его в сторону. Вортов, на мгновение поддавшись панике нажал на спусковой крючок и, с оглушающим звуком выстрела, в груди повстанца образовалась внушительных размеров дыра.

— Вортов, что там у тебя? — приглушенно донесся до Андрея крик сержанта.

— Все нормально! — прокричал он, стараясь не обращать внимания на кровь, забрызгавшую визор его шлема. — Тут у нас выживший...был.

Рамирез виртуозно выматерился и дал указание лучше смотреть по сторонам. Вортов был только за, однако, вскоре один из солдат на правом фланге обнаружил живого и пригодного для транспортировки повстанца и на этом их миссия завершилась.

Как условно проштрафившийся, Андрей был поставлен в пару с одним из арабы — тащить наскоро сделанную волокушу с пленным. Шестеро остальных членов команды, во главе с сержантом Рамирезом шли вокруг них охранением, так что обратный путь к опушке был спокоен. За исключением происшествия, когда из-за кустов в сержанта прилетел увесистый булыжник. Солдаты охранения, разумеется, открыли шквальный огонь в сторону потенциальной угрозы, но в ответ по ним никто не стрелял. Вместо этого по лесу стали разноситься возмущенные, явно нечеловеческие визги.

— Это ж обезьяны, твари разэтакие! — возмущенно воскликнул сержант, все еще ошарашено трясший головой. И не удивительно. На месте попадания камня, на шлеме

образовалась внушительная царапина.

— Ареал обитания явно не их, — согласился один из солдат, — интересно что они тут делают?

— Да какая, к чертям, разница! — рявкнул всерьез обиженный Рамирез. — Припугните их хорошенько и возвращаемся в ла...

Закончить фразу он не успел, поскольку противник начал артиллерийский обстрел лагеря. Поначалу, конечно, никто не понял, что снаряды падают несколько дальше и потому, все сразу же залегли, небрежно бросив на землю волокушу с пленным. Первым, неудивительно, опомнился сержант, заоравший во всю глотку:

— Шевелитесь, вашу мать! К опушке, бегом!

— А как же пленный, сэр? — попытался сбить накал Андрей и одиночный выстрел, разнесший предмету спора голову, поставил точку в этом вопросе.

— Мы хотели узнать где противник. Теперь знаем и без него! — пояснил свой поступок сержант. — Замаскируйтесь у кромки леса и не высовывайтесь без приказа. Огонь не открывать!

Выполняя приказ, отряд поспешил укрыться на опушке леса, стараясь не подавать признаков жизни. И на то были весьма веские причины — в паре километров от позиций наемников, солдаты регулярной армии Африканского союза разворачивались в цепи для атаки, на ходу выскакивая прямо из кузовов грузовиков.

Порядка трехсот солдат в тестерлиновой броне высшего класса, которая по уровню защищенности лишь немногим уступала моделям из композитных материалов на основе экзоскелета, построились за полудюжиной приземистых броневиков, вооруженных малокалиберными пушками и ПТУРами. Кроме того, между броневиков виднелись пушечные пулеметные роботизированные платформы, а сами пехотинцы имели на вооружение трехтысячные калашниковы интегрированные в управляющие системы брони.

— Без моей команды ни звука... — задушено прохрипел сержант, наблюдая за разворачивающейся атакой. — Вортов, Трац, Хольнес, приготовиться. Приоритет — пушечная робототехника.

Они и приготовились, глядя как вражеские броневики стремительным броском, преодолели импровизированные окопы и одной лишь массой разнесли в щепы баррикады из древесных стволов, передавив походу несколько "драконов" лейтенанта Дуартэ. Сидевшие в окопах снабженцы полезли было из окопов с противотанковыми гранатометами, однако, двигавшиеся позади роботизированные платформы вели практически безостановочный огонь, в мгновение ока положив около полутора десятков храбрецов. Шедшая позади пехота уже приготовила было гранаты, как вдруг...

— Подавить пушечную робототехнику, — скомандовал сержант, — и Андрей, вместе с двумя другими, вооруженными винтовками солдатами, открыли огонь по, заранее разобранному, целям. Тяжелые, бронебойные пули с легкостью пробивали броню, маневренных, но уязвимых машин. Из-за их малого размера у конструкторов не было возможности разместить одновременно контрольные платы, камеры с боеприпасами и аккумуляторы в наиболее защищенных местах. От модели к модели инженерам приходилось расставлять приоритеты, оставляя потенциальным охотникам массу уязвимостей. Одновременно, два уцелевших роботизированных тяжелых пулемета открыли ураганный огонь по противнику, сразу же уложив в землю не менее трех десятков. Вражеские пехотинцы сначала уткнулись в землю, но затем, опомнившись, не взирая на потери,

кинулись занимать окопы. Сидевшие в них снабженцы попытались дать отпор, но, в течении считанных секунд их потери стали исчисляться десятками. И, когда уже казалось, солдатам Африканского Союза удалось переломить ситуацию в свою пользу, на сцену вышли тяжелые "торы", вынырнувшие из командного бункера и ударившие в тыл, занятым перестрелкой с бронеотрядом наемников, вражеским броневикам. Двое, вооруженные, закрепленными на руках, роторными пушками стали превращать борта броневиков в труху. Конечно, те были слишком хорошо бронированы, чтобы малокалиберный снаряд мог нанести им существенный вред, но в распоряжении пехотинцев в сверхтяжелой броне их были тысячи, нескончаемым потоком льющиеся из, закрепленных на спинах, коробов со снарядами. А между тем, вооруженный лазерной установкой, командир звена "торов" одним лишь росчерком энергетического луча лишил подвижности две из шести машин. Уничтожение вражеской бронетехники становилось делом считанных секунд, которых, впрочем, вполне могло бы и не быть, поскольку вражеская пехота уже практически завершила зачистку линии окопов от незащищенных броней снабженцев и лишь полтора десятка уцелевших "драконов" и единственный тяжелый пулемет удерживали силы противника от окончательного воссоединения, которое должно было стать для наемников катастрофой.

В этот момент сержант и отдал свой приказ:

— Рывком вперед! Смешаться с противником. Если нужно, переходите в рукопашную.

И они пошли, преодолевая расстояния молча, стараясь не привлекать к себе внимания. Конечно, вскоре их заметили, и, по случайному совпадению, солдат умудрившийся сделать это первым тут же получил пулю от Вортова, который за доли секунды изготовился к стрельбе из положения стоя и отправил пулю прямоком врагу в сердце. Еще два винтовочных выстрела последовали полу мгновением позже и еще пара вражеских солдат была навсегда опрокинута на землю.

Противник, в массе своей еще только оборачивался, как в дело вступили бойцы с "химерами", в течении секунд выпустившие тысячи кислотных капсул в направлении противника. Кислота выводила из строя оружие, портила визоры шлемов, но, в остальном была малоэффективна против пехоты с ног до головы, упакованной в тестерлин. Что же касается других целей, то уцелевшие по ходу атаки роботы не могли эффективно работать внутри собственных пехотных порядков из-за постоянного вмешательства системы распознавания "свой-чужой". Одного из операторов, пытавшегося руководить действиями машин, Вортов пристрелил лично. Но, несмотря на внезапность флангового удара, постоянный напор и продолжающийся обстрел со стороны уцелевших "драконов", солдат Африканского Союза было все еще слишком много. Не обращая внимания на возможные потери среди своих, левый фланг вражеской цепи полностью сосредоточился на новой угрозе и, еще через несколько секунд, с ней было покончено.

Словно в замедленной съемке, Андрей увидел, как пуля пробивает крайне левую сторону визора его шлема и даже успел подумать: "Все".

Однако, в этот день у судьбы, очевидно были другие планы и потому он упал на землю со страшной головной болью и, сквозь залитые кровью глаза, смотрел, как бронегруппа компании превращает вражеские боевые платформы в металлолом. Как башенные пушки, со страшной скоростью истощающие боезапас, буквально разрывают на куски вражескую пехоту. Уцелевшие "драконы" двинулись следом, расстреливая тех, кого, рванувшие вперед броневики не успели достать. Завязалась жаркая схватка, исход которой был далеко

неоднозначен, но тут в игру вступили перепуганные минометчики Африканского Союза. Испугавшись стремительного рывка броневиков, они открыли ураганный огонь по тому месту, где они задержались, чтобы уничтожить африканские боевые платформы. Мощные взрывы серьезно повредили две машины "Кондора", но для африканцев в том было мало радости, поскольку "дружественным огнем" были уничтожены последние роботы и большая часть пехоты, пытавшейся оказать организованное сопротивление. Под раздачу попала и часть "драконов" из тех, кто чересчур вырвался вперед. Но это не имело уже никакого значения. Атака была отбита, противник уничтожен, а минометные позиции африканцев захвачены стремительным рывком броневиков.

"Успели, — подумал он. — Мы дали нашим достаточно времени".

С этой последней мыслью он наконец отключился от реальности.

"Победа и поражение обеих сторон относительно, если весь конфликт изначально контролируется третьей. Это как в настольных играх — кто бы ни победил, в конечном итоге, фигурки все равно возвращаются в коробку".

"Политическое обозрение", выпуск N 1052.

Возвращение в реальность вышло тяжелым. Хуже, чем самое жуткое похмелье, которое ему доводилось переносить. Перед глазами все двоилось, а то и дело повторяющиеся рвотные позывы достойно, на общем фоне, оттеняли возникшую слабость.

— Давайте его в тенек, к остальным раненым, — словно бы издалека донесся до Андрея голос солдата, руководившего сбором выбывших из строя. — Эти парни наши задницы спасли, окажем им немного уважения.

— Еще не совсем спасли, — невнятно пробурчал второй, буквально взваливший Андрея на плечо и начавший тащить его в сторону леса.

Они отошли всего лишь на десяток метров, когда земля вокруг них задрожала, сотрясаясь от взрывов артиллерийских снарядов. Армейские части Африканского союза, в отличие от местных ополченцев, не так уж сильно нуждались в дополнительных припасах и, понеся чувствительные потери, предпочли решить проблему, неожиданно устойчивого, узла обороны радикальным способом.

Последние мысли пришли Вортову в голову уже в плену, когда он слушал разговоры, скукавшей на посту, охраны. Из всего отряда, принявшего бой с силами противника, нацеленного на захват груза, выжило лишь семнадцать человек. Двое, включая Вортова, из технической разведки, шестеро "драконов" и девять снабженцев, которые уцелели вообще непонятно каким чудом. Слабым утешением служило лишь то, что из трех рот, атаковавших лагерь, не уцелел никто. Если на поле боя и оставались раненные, их перемешала с землей собственная артиллерия.

В общем, по итогу, эта отчаянная оборона стала лишь небольшим темным пятнышком в истории блестящего наступления армии Африканского союза. Так, от полковой колонны "кондора" уцелело не более пятидесяти человек, большинство из которых, вместе с Вортовым, находились сейчас в центральном госпитале Равнича. Схожая судьба постигла и подразделения других частных военных компаний, а собранный под знамена ДСВП сброд, как и было предсказано, попросту разбежался. Многих интересовала судьба, державшегося на штыках, самозванного правительства, но ушлые парни сумели вовремя определить куда дует ветер и, подражая последнему, буквально растворились. Впрочем, многих из тех, кто лежал с Андреем в одном крыле гораздо больше беспокоила собственная судьба, ведь победитель был объявлен и побежденному предстояло платить по счетам, накопившимся за время правления режима ДСВП. И хотя формально ответственность за все действия наемников несла их компания, сомнений в том, кто останется крайним в случае чего, ни у

кого не было.

В общем, большую часть времени, Андрей лежал в больничной палате и размышлял о своей незавидной судьбе. Которая, как вскоре выяснилось, очень любила преподносить сюрпризы, заманивая незадачливых людишек к новым жизненным поворотам.

Для Вортова такой поворот ознаменовался появлением в палате Олафа Торвальдсона, одетого в гражданский спортивный костюм, который выглядел на его худощавой фигуре откровенно нелепо. После того, как двое, теперь, наверное, уже бывших сослуживца поздоровались и вообще соблюли все положенные формальности, настало время дать волю любопытству. Первым не выдержал Андрей:

— Как ты здесь очутился?

— Ты имеешь в виду палату? — спросил Олаф.

— Не только, — покачал головой Андрей, — ты ведь мог и сбежать из города.

— Я мог бы попытаться, — немного грустно улыбнулся Олаф, — ведь многие так и поступили. Однако, я еще не слышал, чтобы кому-то это удалось. После того, что мы сделали с городом, местные нас не любят. Поэтому, когда передовые части Африканского Союза еще только вступали в город, я просто сложил оружие в сторону и стал дожидаться плена. Решение не хуже прочих. По крайней мере я так считал до поры.

— И что же изменилось? — тут же насторожился Андрей.

— Твоя знакомая... — замялся Олаф.

— Какая еще знакомая? — внутренне холодея, уточнил Вортов.

— Та, которую задержали за связи с "новым рассветом". Так вот, как-то раз она заявила прямо на сборный пункт, откуда нас должны были отправить в местную тюрьму и предложила мне свободный выезд за пределы сектора, если я помогу убедить тебя выслушать ее предложение.

— Только лишь выслушать, и все?

— Да, да. Она сказала, что я должен буду лишь подготовить почву, чтобы ты не взбесился, лишь только ее увидев.

— Это все? — равнодушно спросил Андрей.

— Да, да. Больше ничего, — ответил Олаф, опуская взгляд, а затем добавил: — Ты знаешь, я, пожалуй, пойду.

— Иди, — кивнул Вортов, — Передай ей, что я человек рациональный и от простой беседы уклоняться не стану.

Вскоре за ним пришли. Пара ребят, с внешностью типичных клерков, за несколько минут утрясли все детали так, что ни у медперсонала, ни у охраны не возникло никаких вопросов. Далее Вортова усадили в неприметную городскую малолитражку и вывезли на окраину города, в рабочий квартал, расположенный за речным портом и затем, уже оттуда, они направились в небольшой ресторанчик восточной кухни, где в отдельном кабинете Андрея уже ждала Анна.

— Проходи, я тебе плов заказала, — вместо приветствия проинформировала его Лемех. И действительно, через несколько минут молчаливый официант принес маленькую круглую тарелку, а также миску с водой.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — поинтересовался Андрей, не притрагиваясь к пище.

— Я могла бы, — признала Анна. — Но не думаю, что оно того стоит.

— А тебе не кажется, что после всего произошедшего, ты мне немного задолжала?

— Задолжала? Тебе? — фыркнула она. — Ты просто стал частью игры, о которой даже не имел представления. Такое случается сплошь и рядом. Ты даже не представляешь, как далеко все зашло. Я ведь тоже далеко не все знаю, но то, о чем догадываюсь, заставит любого поседеть раньше срока.

— Не поделишься информацией? — любопытно спросил Андрей.

— Тебе не положено знать, — просто ответила она.

— Не положено? — медленно повторил Вортов.

Анна устало вздохнула и, едва не всплеснув руками, эмоционально воскликнула:

— Андрюш, ну не тупи. Неужели ты думаешь, что даже очень мощная и опасная террористическая секта, обладает достаточным влиянием, чтобы вмешиваться в операции Африканского Союза?

— Значит игры спецслужб, — обреченно вздохнул Вортов и потянулся рукой в миску с пловом.

— Именно, — подтвердила Анна, давая собеседнику возможность развить мысль дальше.

— Так значит ты... — не закончил предложение Андрей, сортируя в голове, внезапно изменившуюся картину мира.

Лемех промолчала и Вортов был вынужден заговорить вновь:

— А как же Лена? Она тоже? Или это просто прикрытие. Возможность затеряться на фоне. А как же тогда та акция... хотя, подожди... ну, конечно же! Внедрение! Сколько ж вы судеб испоганили, вашу то мать!

— Это не совсем так, — небрежно бросила Анна.

— Не совсем так, а как же Макс и его юридическая карьера, мои мечты стать актером, а? А что насчет остальных? Их мечты и желания тоже не имеют значения?

— По сравнению с выживанием всего народа, не имеют, — сухо ответила Лемех, отбрасывая в сторону, свесившийся на глаза, локон темно-русых волос. — Но, как я уже говорила, дело обстоит не совсем так, как ты себе представляешь.

— И что же это должно, по-твоему, значить?

— Скажи, а ты никогда не задумывался о том, что никогда не испытывал сильной привязанности к родителям? — задала Лемех неожиданный вопрос. — Почему ваше с ними общение больше похоже на формальность?

— Это не твое дело. И вообще, причем здесь это?

— Очень даже причем, — загадочно произнесла Анна, а затем резко сменила тему: — Но сейчас не время и не место. От тебя мне нужен репортаж, а точнее твое лицо в камере и сопутствующий медийный вес. Конечно, если бы ты тогда умер в зените славы, все было бы гораздо проще, но, учитывая кое-какие обстоятельства, так даже лучше. Вот и правда, никогда не знаешь где найдешь, где потеряешь.

— А если я откажусь? — мрачно спросил Андрей.

— После того как узнал, что я имею отношение к спецслужбам? Хватит валять дурака, тебе это совершенно не идет.

На это Вортов лишь еще больше нахмурился и упрямо засопел.

— Но предположим. Я говорю только предположим, что ради былой симпатии, ты остаешься жить с этим опасным знанием, но что дальше? Но что дальше?

— Плен, я полагаю, — пожал плечами Вортов.

— Верно, — легко согласилась Анна. — Но неужели ты думаешь, что африканцы, в

чьей культуре переселение с Земли называется не иначе, как Великий Исход, будут снисходительны к белым солдатам-колониалистам. Возможно, сперва вас и отправят в, отмытые от крови, камеры региональной тюрьмы, но потом... ямы в Зоне Племен и ежедневные мольбы о смерти представляются мне наиболее вероятным исходом. Ах, ну да, часть из вас еще повесят за военные преступления. Ну, или там на электрическом стуле изжарят. Уверен, что не окажешься в их числе?

— Считай, что ты меня убедила.

— Чудно, — проворковала Анна. — Поживешь пока здесь, поможешь хозяину по хозяйству. Когда будет нужно, тебе сообщат.

С этими словами Лемех уже было начала подниматься на выход, но была остановлена очередным вопросом Вортова:

— Почему именно?

— Не совсем поняла вопрос, — покачала головой Анна.

— Почему все это случилось со мной?

— А, ты в этом смысле... Если ты ищешь в этом знаки судьбы, признаки своей избранности, то, боюсь, ты сильно разочаруешься, когда узнаешь насколько *стандартным* ты являешься.

После этого она ушла, оставив Андрея размышлять, как над ее последними словами, так и над ситуацией, в которой он оказался. Так ничего и не надумав, он направился к хозяину, чтобы узнать какого рода помощь от него требовалось помимо ожидания команды, разумеется.

Но постепенно часы складывались в дни, но ничего важного не происходило. Сектор вольных поселений снова объявил о государственном суверенитете, что и было немедленно признано Африканским Союзом. Что примечательно, другие игроки не спешили следовать примеру африканцев, предпочитая выжидать. Все это было не просто так, но для стороннего наблюдателя было совершенно непонятно, почему молчал Русский Сектор, пребывающий в, практически постоянной, оппозиции и критикующий любые инициативы Планетарного Конгресса, чью легитимность он и вовсе не признавал. Не было ничего слышно и от китайцев, которые хоть и признавали планетарный представительный орган, но его резолюции выполняли уж очень избирательно. Все это было уж очень подозрительно, но, судя по новостным сводкам, правительство Африканского Союза либо не замечало ситуацию, либо делало вид, что не замечает. В общем, Андрей понимал, что, где-то там, наверху, происходят какие-то глобальные процессы, которые могут затронуть его жизнь самым непосредственным образом, но поделать ничего не мог. Всякий раз проклиная Анну, себя, всех, кто подвернется под руку, Вортов отчаянно искал выход из сложившейся ситуации, но не находил.

Конец душевным метаниям положил видеозвонок от Анны, которая известила его ото, что намеченная ей операция вскоре начнется. Таким образом, уже на следующий день Андрей обнаружил себя в обществе дюжины молчаливых спутников, глядя на которых он сразу понял, что этот отряд был собран буквально — "с миру по нитке".

Вортов даже узнал одного парня, которого видел раньше в рядах "Кондора". Остальные, по-видимому, были авантюристами или же местными членами "нового рассвета". Разобраться кто есть, кто было совершенно невозможно. Разумеется, ни о какой слаженности не могло быть и речи. Впрочем, несмотря на то, что сказала Анна, группа вовсе не выглядела так, будто им предстояло идти в бой. Об их отношении говорило все, начиная

от полного отсутствия защитной экипировки, до качества стрелкового оружия, погруженного в четыре дизель-электрических пикапа вместе с оборудованием, необходимым для оборудования передвижной телестудии.

— Значит, наша миссия будет, по большей части, мирной? — с надеждой спросил Андрей у Анны, когда они уже уселись в машину и двинулись на выезд из города.

— Нет, но силовое прикрытие должна будет обеспечить другая группа, — отозвалась Лемех. — Наши ситуативные союзники.

— Не понимаю, — озвучил потаенные мысли Вортов. — Если силовую часть возьмет на себя другая команда, то почему с нами едет столько народа? Не похоже, чтобы все это были технические специалисты... да и не нужно их для этого столько.

— Что именно в слове ситуативные ты не понял? — раздраженно спросила Анна.

— А, — озадаченно кивнул Андрей. — И что тогда делать, если ситуация вдруг выйдет из-под контроля?

Вместо ответа Лемех сунула в руки ему в руки маленькую, размером с ноготь, черную коробочку.

— И что это? — с подозрением поинтересовался Вортов.

— Стимулятор, — коротко ответила она. — Если дела обернутся совсем уж паршиво, вколи содержимое и оно...разблокирует некоторые возможности твоего организма. И, прежде чем ты снова начнешь задавать глупые вопросы, нет, это не опасно. По крайней мере, не опаснее, чем получить пулю.

— Спасибо, конечно, но я как-то больше старался донести до тебя мысль, что мне совсем бы не помешало оружие.

— Пока не к спеху, — покачала головой Анна. — Лучше не провоцировать наших друзей раньше срока.

— Излишнее миролюбие может спровоцировать ничуть не хуже, — заметил Вортов, но был проигнорирован.

Сосредоточенное молчание Анны длилось все пять часов пути, который, после сворота с главной магистрали, ведущей в Африканский Союз, превратился в одно сплошное испытание вестибулярного аппарата, поскольку, по большей части, они ехали по неаккуратно проложенным лесным грунтовкам.

Их путь закончился в момент, когда впереди показался чей-то, капитально обустроенный блокпост, который, по определению, не мог принадлежать ни одному из нынешних правительств, ни, присутствовавшим на территории сектора, оккупационным силам соседнего государства. Уж больно капитально было выстроено это двухэтажное строение, которое, по всем признакам, теперь пустовало. Однако, Анну, казалось, такие мелочи ничуть не смущали. Она распахнула дверь пикапа и легко выпрыгнула наружу, внимательно осматривая окрестности. Ее люди потянулись за ней с дробовиками и автоматами на изготовку. Затем, крайне бестолково, они сгрудились возле машин, но зато им хотя бы хватило мозгов, как минимум взять под контроль все возможные стороны, откуда могла исходить угроза. Впрочем, Андрей сомневался, что кто-нибудь из этих, одетых в разномастное снаряжение людей сумеет разглядеть хоть что-то в густых зарослях, буквально сжимавших узкую дорогу в своих тисках. Гудящий шум листвы с массивных древесных крон, едва ли не полностью закрывавших ту же дорогу сверху, также оставлял весьма мало шансов на то, что потенциальную угрозу кто-то сумеет услышать без специального снаряжения.

После окончательной выгрузки из машины, Андрей все ждал, что сейчас вот-вот,

произойдет то, ради чего они здесь остановились, но Анна, продолжала стоять на месте, словно просто наслаждалась шумом леса. Вскоре, отсутствие какого-либо действия начало беспокоить и людей Лемех. Нет, они, разумеется, ничего не говорили и даже старались не показывать нетерпения, но постоянные проверки оружия, поправка разгрузок и козырьков кепи, явно указывали на то, что люди застоялись. Анна, видимо, тоже это поняла, поскольку наконец произнесла, на первый взгляд ни к кому не обращаясь:

— Ладно, победа за вами, полковник. А теперь выходите, нам еще многое нужно сегодня сделать.

Пару секунд спустя, Андрей заметил движения на углу строения блокпоста, а еще мгновением позже, невысокий, неопределенного возраста китаец распахнул плащ-хамелеон, под которым находилась, до боли знакомая, черная форма.

"Значит все же не ошиблись, — подумал Вортов. — В Локрейне работали китайские спецы".

— Вы, как всегда, прекрасно выглядите, Анна, — не меняя выражения лица произнес человек, которого Лемех назвала полковником. — Вот только ваш отряд... это совсем не то, чего я ждал. Возникли проблемы?

— Неизбежные на войне случайности, — пожала плечами Анна, в ее голосе Андрей явственно слышал напряжение. — Но не волнуйтесь, эти люди не подведут, тем более, что по плану нам и так отводится второстепенная роль. А ваши люди?

— Все мои люди здесь, — пожал плечами китаец. — Наши друзья из армии Африканского Союза силами РЭБ заглушат связь, вы отвлечете внимание охраны, а мы незаметно проникнем внутрь и зачищаем базу.

— Вроде все просто, так? — попыталась разуверить его Анна. — Проблем быть не должно.

— Все пройдет в самом лучшем виде, — слегка склонил голову китаец, — Ждите здесь, мы дадим сигнал к началу штурма.

Определившись с курсом действий, отряд, под началом Анны принялся терпеливо ждать сигнала, который последовал примерно минут через двадцать. Еще пять минут ушло на то, чтобы им самим добраться до точки, где, по словам Лемех, располагался исследовательский центр. Впрочем, то, что они увидели, на научный объект любого типа походило мало. Скорее, это походило на какой-то странный, затерянный в глуши, аэропорт или, на крайний случай, базу наркоторговцев. По крайней мере, длинное взлетное поле, многочисленные склады-амбары, причал и, непонятно как сюда затесавшееся, двухэтажное бетонное здание, в представления Вортова о научно-исследовательских комплексах не укладывались.

Повинуясь команде Анны, группа выскочила из машин и, не мудрствуя лукаво, открыла огонь из всего, имеющегося в наличие, оружия по, огороженной бетонным забором с колючей проволокой, территории. Больше всего доставалось КПП, на котором сосредоточило огонь сразу шесть человек, включая единственного пулеметчика. Хотя, сказать, чтобы зданию досталось слишком уж сильно также было нельзя. Убойной силы обычного оружия едва хватало на то, чтобы дырявить усиленные стекла контрольного пункта, говорить же о каком-то значительном уроне бетонным постройкам и вовсе не приходилось. К чести охраны, они ответили стрельбой почти сразу. И даже несмотря на то, что часовые на вышках старались не высовываться, ответная стрельба с КПП заставляла членов группы разбегаться в поисках укрытия. Пули противника ложились на удивление

точно.

Но пока бесцельная перестрелка продолжалась, китайский спецназ вышел на позиции и начал работу. Сначала, казалось бы, без видимой причины, прекратили вести огонь часовые на вышках, следом последовал мощный взрыв в помещении контрольно-пропускного пункта и в ту же секунду Анна дала команду на штурм, хотя, в общем то, штурмовать там было особо и нечего. Дымящиеся развалины небольшого, размером с два строительных вагончика, здания, явственно свидетельствовали о том, что выживших там быть не может. И тем не менее, вся группа, включая безоружного Андрея, миновала то, что осталось от ворот, проникнув на охраняемую территорию.

Должно быть они поспешили полностью списать охрану со счетов, поскольку, стоило им только оказаться в секторе, простреливаемом из окон двухэтажного здания, один из бойцов их команды получил пулю в плечо и был благополучно унесен за угол подоспевшими товарищами.

— Да не стойте, вашу ж мать, стреляйте! — сорвалась на крик Анна. Но это оказалось проще сказать, чем сделать, но, тем не менее, ее приказ был выполнен. Мельком высовываясь из-за укрытий, бойцы давали короткие очереди куда-то в направлении противника, рассчитывая на то, что китайские спецы смогут незаметно вырезать охрану, как в первый раз. И они попытались, однако что-то, очевидно, пошло не так, поскольку в здании началась заполошная стрельба, не утихавшая еще минут десять.

Что примечательно, Лемех так и не приказала группе идти на штурм, чтобы помочь союзникам, чему, откровенно говоря, бойцы были только рады.

Приняв информацию к сведению, Андрей осторожно переложил коробочку со стимулятором из нагрудного кармана в руку, надеясь на то, что он не только успеет применить его, но это еще и как-то поможет в ситуации, которая развивалась не по самому лучшему сценарию.

Вскоре все закончилось и полу размытые, едва видимые глазу, фигуры начали выходить из здания. Впрочем, не все — двое были заняты конвоированием пятерки людей в серебристых костюмах химико-биологической защиты высшего класса. Еще троих вынесли и аккуратно сложили возле главного входа в здание.

Китайский полковник отделился от неполной дюжины, оставшихся в его распоряжении, людей и направился к Анне, которая как раз заканчивала давать последние указания через переговорное устройство.

— Машины с оборудованием скоро подъедут, пока можем выбирать съемочную площадку.

— Не здесь, — покачал головой полковник. — Основная часть комплекса находится под землей. Здесь была лишь администрация и самые лаборатории с самыми безобидными темами.

— Безобидными? — удивленно вздернула бровь Анна, рассматривая местных ученых в костюмах высшей степени защиты.

— Со слов местных лаборантов, — пояснил китаец, — все самое опасное находится здесь. Точнее, то, что осталось, поскольку центр должны были вскоре расформировать и большую часть материалов, персонала и оборудования уже вывезли.

— Похоже на подставу, — нахмурилась Анна.

— Похоже, — согласился полковник. — Однако, местные говорят, что причина в, разразившейся несколько месяцев назад, эпидемии. Такое, конечно, можно сфабриковать, но

особого смысла я не вижу.

— В таком случае, нам остается лишь делать, что должно и будь, что будет...

— Согласен, — в очередной раз кивнул китаец, внимательно разглядывая, стоявшую напротив него женщину. — Будь, что будет.

"На самом деле вопрос гораздо глубже. Ведь чем обосновывался запрет клонирования? В первую очередь, нарушением прерогативы создателя на сам акт сотворения человеческой жизни. То же самое относится и к изменениям генома- нарушается принцип: "По образу и подобию". Но, это, скажем так, абстрактно-этическая дилемма, а ведь есть еще более практический аспект. Несмотря на большой срок колонизации, мы до сих пор доподлинно не знаем к каким последствиям приведет жизнь в условиях другой планеты. Не приведет ли это к образованию альтернативной ветви человечества? Кто знает. Но, пожалуй, совершенно точно на сегодня известно одно. Никто из руководства Земли или нашего планетарного конгресса не желает появления такой ветви, выведенной искусственно..."

"Политическое обозрение", Выпуск N 613.

Тайные лаборатории, словно в каком-то фильме, находились в подземном комплексе, вход в который начинался в тоннеле, шедшем от склада с материалами для обслуживания и малого ремонта самолетов. Разумеется, вторжение не осталось незамеченным, но китайский спецназ легко устранял любую живую и неживую угрозу.

С проникновением внутрь также проблем не возникло. Маленькое дешифровальное устройство с легким жужжанием отпирало любые замки, тратя на это от полуминуты до пяти. Прозрачные, из усиленного пластика, двери открывались одна за другой, пропуская прищельцев в святая святых, сквозь белые, однообразные коридоры, с многочисленными ответвлениями и малопонятными непосвященным надписями на дверях.

Довольно многочисленные сотрудники центра, оставались лежать замертво там, где им не посчастливилось повстречать кого-то из китайцев или группы Анны. Чистой работы не получалось, потому, что многие из них были одеты в защитные костюмы повышенной прочности, для работы в агрессивной среде, а иные и вовсе в легкую тестерлиновую броню. Обычно все кончалось суматошной стрельбой, перебитыми колбами и поврежденным электронным оборудованием, а также попытками бежать или вымолить пощаду. Но единственное, что они получали это пули, после чего следовало короткое: "Чисто!".

Однако не многочисленные смерти делали окружающую обстановку жуткой. Чем дальше они проходили, тем больше им стали попадаться клеток с разнообразными приматами, которых, затем, сменили капсулы с какими-то человекообразными существами. Были и те, кто напоминал обычных людей...только не совсем целых. Они выглядели словно заготовки кукол, на которые мастер позабыл нанести финальные детали.

— Это...клоны, — потрясенно выдохнул один из бойцов Анны.

— Да это ж охренеть как незаконно, — присвистнул другой.

— Незаконно? Клоны? Ты лучше на ту образину погляди! Клыки, шерсть...эти ребятки здесь явно заигрались.

— Превосходно, — кивнула Лемех и окружающие посмотрели на нее с опаской. — Устанавливаем оборудование здесь. Мы должны все заснять и выйти в эфир. Человечеству пора узнать правду о том, что беспринципные корпоративные воротилы творят под самым

их носом.

— Андрей, ты готов? — спросила Анна.

Вортов лишь кивнул, продолжая осматриваться вокруг, уже прикидывая, что в своей, потрепанной форме наемника, на фоне капсул с клонами разной степени готовности и какой-то вовсе непередаваемой образиной, он будет смотреться более чем достойна, а сама съемка должна будет получиться более чем атмосферной.

Пятеро, из группы Анны, в меру способностей, расставляли камеры и сканеры обстановки, чтобы как можно полнее передать картинку телезрителю. Шестой, развернув на столе портативный терминал, приготовился насильно обеспечить их импровизированной съемочной группе эфирное время одновременно на нескольких планетарных каналах, обеспечивавших наибольший охват.

— По моему сигналу, выводите пленного, — обратилась к полковнику Анна. — Он готов сказать то, что от него требуется?

— Он заверил меня в том, что скажет правду, — равнодушно кивнул китаец. — Это все, что нам нужно. К тому же, от его честности зависят жизни его лаборантов, так что, не думаю, что нас ждут сюрпризы.

— Было бы хорошо, — отстраненно произнесла Лемех, а затем, повернувшись к съемочной группе, добавила: — Можете начинать. Вортов скажет вам, когда будет готов. Меньше наигранности, больше натурализма.

— Натурализма... — почти прошептал Андрей, разглядывая помещенную в капсулу фигуру, схожую с человеческой, но с явственными чертами приматов, размещенных в дальних клетках. — Камеры на вот это... вот этого. В общем, я хочу, чтобы зритель видел эту обезьянью рожу крупным планом.

— Готово! Выход в эфир через три, два, один...

— Здравствуйте, дорогие подписчики, давние и не очень друзья и просто уважаемые телезрители. Вы все знаете меня, как человека, который посвятил свою жизнь поискам загадочного и сверхъестественного во всех его формах и проявлениях. Загадки природы, чудеса науки, тайны непознанного всегда занимали человеческий разум. Я прошел долгий путь к тому, чтобы раскрыть их все. Результат вам известен, а если нет — поищите в сети. Одно время меня утешало то, что я пострадал за правду. Но теперь, оглянитесь вокруг и поймете, что на самом деле я пострадал из-за своей слепоты. Из-за того, что я не замечал, как всемогущие корпорации не только плюют на законы, но извращают саму человеческую природу. И сегодня, моим невольным гостем, станет профессор Гарольд Друм, признанный специалист в области нейробиологии. И пока мы ожидаем его, я призываю вас еще раз обратить внимание на те "экспонаты", которые были найдены группой "нового рассвета" в одной из тайных лабораторий корпорации "Рикард Фарм Корп".

Примерно через минуту в помещение вошел невысокий мужчина за пятьдесят, с обширной залысиной, которую он, видимо, компенсировал пышными бакенбардами, переходящими в усы и бороду, что лишь подчеркивало обвислость его чрезвычайно пухлых щек. Вместе с маленьким носом и круглыми карими глазами, именитый ученый выглядел как раскормленных хомячок. Черты его фигуры были скрыты белым костюмом химико-биологической защиты с, явно читаемой, эмблемой корпорации на груди.

— Добрый день, — профессор Друм, растеряно переводя взгляд с одной камеры на другую. — Итак, эм, я согласился рассказать этим господам о проводимых корпорацией "Рикард Фарм Корп" незаконных и абсолютно аморальных исследованиях.

— Вы хотите поделиться с людьми информацией о незаконном клонировании и экспериментах с геномом? — попытался направить русло беседы в нужную сторону Андрей.

— Эм, с геномом? Нет, нет, я говорю о создании программируемых моделей личности. Конечно, клонирование само по себе незаконно, но то, что затеяла корпорация и вовсе выходит за рамки...

— Подождите, я не совсем понял...Искусственная личность?

— Именно! Именно так! — взбудоражено воскликнул Друмм, отчего его щеки комично затряслись. — Ведь что такое обычный клон? Это просто достаточно сложный конструктор из биологических материалов, а что такое человек? Это, в первую очередь, личность! Именно на ее воссоздание была направлена программа корпорации. И, не побоюсь сказать, она увенчалась успехом! Довольно ограниченным, насколько я знаю, но ведь это был лишь один из вспомогательных центров. Я подозреваю, что бездушные биологические машины уже ходят среди нас! Это просто кошмар! Никто не может с точностью предсказать что и когда взбрдет им в голову. Более того, по сравнению с обычными людьми они в гораздо большей степени подвержены внушению, а значит- управляемы! По сути, им можно отдать любой приказ, будь то убийство теракт или что-то, не менее ужасное. А затем наша полиция посадит исполнителя в тюрьму, но какой в этом прок? Биологическая машина сознается и скажет все, что ей приказали хозяева, которые так и останутся безнаказанными!

— Да, кажется я начинаю осознавать глубину проблемы. Как по вашему мнению, возможна ли подделка чужой личности? Возможно ли, что мы с вами живем в мире, где главу государства или известную звезду могли похитить, убить, а затем заменить клоном, создав, таким образом, абсолютно лояльного агента влияния.

— Не думаю, — покачал головой Друмм. — Нет, технически это, конечно, возможно, но разработанные здесь психоматрицы еще не достигли нужного уровня гибкости, чтобы достаточно быстро встроиться в жизнь другого человека. Как минимум, это будет очень заметно для окружающих, что практически исключает подмену любых более или менее публичных персон.

— Я рад, что вы так думаете, — несколько раздраженно прокомментировал его слова Вортов, игнорируя предупреждающий взгляд Анны. — А скажите, что вы думаете о том видео с Зетой Ковальски, снятом, судя по всему, в стенах этого или подобного ему комплекса?

— Зета? — слегка покраснел Гарольд. — Я не представляю каким образом можно было подделать личность эмигрантки с Земли. Ведь и на нашей планете появилась она относительно недавно. Выходцы из метрополии обладают несколько другой психологией, такое просто не подделать. Но, возвращаясь к вашему вопросу. Скорее всего, если видео не было поддельным, мы имеем место с крайне циничным, аморальным производством...секс игрушек.

— Простите? — несколько ошарашенно переспросил Андрей.

— Конструкт из биоматериалов в теле звезды, с упрощенной психоматрицей, настроенной под желания заказчика, я вполне могу такое представить. — произнес Друмм и по его лицу было видно, что только нервозность перед объективами камер, удерживала его от того, чтобы начать представлять весь процесс эксплуатации куклы от начала и до конца.

— Хорошо, с этим разобрались, теперь перейдем к другому вопросу. Что вы скажете о экспериментах по изменению человеческого генома? — немного резковато переключился Андрей, заметив условные знаки одного из членов съемочной группы, который показывал

ему, что эфир может оборваться в любой момент.

— Я не совсем понимаю, о чем идет речь, — как-то невнятно промямлил Гарольд.

— Не понимаете? А как же это? — спросил Андрей, картинным жестом указывая, на замершего внутри капсулы с биораствором, примата.

— Одна из самых выдающихся находок последнего столетия, — горделиво заявил Друмм. — Уверяю вас, это не одна из разработок корпорации, а лишь работа местной природы. Мы полагаем, что перед нами прообраз того, что через какое-то время может стать прародителем еще одной ветви человечества. В конце концов, за исключением торсинида и, вызванных им, реакций Земля и наша планета удивительно схожи. Данный вид обладает поразительными свойствами. Если судить по внешнему виду, то эти существа все еще далеки даже от неандертальцев, но уверяю вас, по уровню интеллектуального развития они уже близки к кроманьонцам! Мне страшно представить каких вершин они могут достичь на следующих эволюционных этапах!

— Поразительно, но все же давайте мы с вами... — начал было Андрей, но был оборван одним из техников, сидевшим за мобильным терминалом:

— Все, связи нет. Перекрыли наглухо.

— Что за вздор? — немедленно взвилась Анна. Техническое обеспечение операции на высшем уровне, помимо армейской сети Африканского Союза, наш выход в виртуал был обеспечен со спутника.

Техник лишь молча пожал плечами, а Андрей, в очередной раз, пытался осмыслить масштаб авантюры, в которой он только что влез. Пытаясь одолеть нервозность, он с силой сжал в руке, переданный Анной, коробок, о котором он уже и думать забыл.

Раздался негромкий писк, и Андрей почувствовал, как к нему присосалось нечто вроде механической пиявки, а затем пред глазами все поплыло. Это продлилось всего лишь пару секунд, а затем все прояснилось. Более того, он видел так четко и ясно, как никогда в жизни. И это касалось, не только зрения. Усилились, пусть и не столь значительно, слух и обоняние и все это, в комплексе, позволило ему охватить взглядом всю картину целиком, не заикливаясь на ярких или пугающих деталях.

Он видел, как техники, стараясь себя занять, бросились демонтировать оборудование, как оператор терминала торопливо делал копии записи, складывая в сумку физические носители информации, как Анна не сводила глаз с полковника, люди которого начали плавно и незаметно рассредоточиваться по залу. Сквозь шум биения собственного сердца он чувствовал, как елозят оружейные ремни о ткань тонкой, тестерлиновой формы, как гремят оборудованием ничего не подозревающие бойцы группы Анны и, наконец, её саму:

— И что теперь? — спрашивает она, аккуратно смещаясь к длинным рядам капсул с клонами, одновременно выходя на линию прямой видимости с китайским полковником. Тот, в ответ на ее слова лишь коротко поклонился и начал речь:

— От имени правительства Китайской Народной Республики и Коммунистической Партии Китая, позвольте мне искренне поблагодарить вас...

Но Анна уже не слушала, стремительно, даже по меркам, накачанного непонятным стимулятором, Андрея, она выхватила из-за пояса миниатюрную версию "Крайза", убийную силу которого, Вортов когда-то уже имел возможность оценить.

Все остальное заняло не больше десяти секунд. Уже заваливаясь на пол, Андрей практически мог расслышать свист пуль, пролетающих в том месте, где, секунду назад, была его голова. Оператору мобильного терминала связи так не повезло — его череп разлетелся

словно переспелый арбуз, упавший на асфальт. Начавший уклоняться полковник получил пулю в правый глаз, вместо переносицы, куда целилась Анна, в то время, как остальные, присутствовавшие в зале, члены ее команды приняли смерть на своих местах, даже не притронувшись к оставленному в суматохе, оружию.

Резкие крики, едва слышимая, но заполошная стрельба из автоматов и пара громоподобных выстрела из Крайза известили Вортова о том, что, во-первых, китайцы определенно не рассчитывали на смерть лидера и сейчас никак не могли определиться кто принимает командование, во-вторых, Анна все еще была жива и менять этот статус на противоположный не собиралась.

Впрочем, времени на размышления у Андрей не было и он, мельком глянув на, лежавший на ящике с оборудованием, дробовик мощным рывком проскользнул в ряды капсул с клонами, а затем, петляя из ряда в ряд, понесся прочь, игнорируя звуки пробития ударостойкого стекла, летевшими следом пулями.

Оборудованные датчиками движения, двери распахивались перед ним сами собой открывая путь к спасению или же скорой смерти. То и дело, где-то за поворотами слышалась стрельбы — уцелевшие члены группы пытались подороже продать свои жизни, но в замкнутых пространствах против, практически невидимого, противника у них почти не было шансов. Впрочем, у Андрея их было не больше и все, на что он рассчитывал это на возможность укрыться и попытаться переждать безжалостный отстрел. Но тупики сменялись тупиками и полупустыми комнатами с сетевыми терминалами и лабораторным оборудованием, где и мыши то, было бы сложно найти укрытие.

Внезапно, негромкий звук автоматически открываемой двери известил Вортова о том, что времени на поиск укрытия у него уже не осталось. Более того, несколько пуль, ударившихся в стену поворота, в который он свернул буквально секунду назад гарантировали, что прятаться бесполезно, поскольку его нашли еще до начала игры в прятки. Андрей, не разбирая дороги рванул подальше от преследователей, усиленным слухом различая негромкий топот позади. Полагаясь на удачу, он свернул в очередной поворот бесконечного лабиринта лабораторного комплекса, молясь всем богам, чтобы те не позволили ему наткнуться на тупик или, закрытую кодовым замком, дверь.

Кажется, в этот день переменчивая Фортуна благоволила ему, поскольку за бешеным биением собственного сердца и звуками работы автоматизированных лабораторных устройств, он сумел расслышать, еще не слышанные ранее, визги разбушевавшихся приматов. Мгновенно в уме всплыли слова профессора об отлове приматов на опыты, а это значило, что ему повезло наткнуться на зверинец. Место, которое как нельзя лучше подходило для того, чтобы прятаться от, снабженного всевозможными сканерами, противника. В очередной раз свернув налево, Андрей обнаружил, что сегодня ему в очередной раз повезло. Дверь в зверинец была открыта, благодаря механизму предотвращения несчастных случаев. А точнее, окровавленное тело, в костюме биологической защиты лежало наполовину в проходе, не давая двери вновь захлопнуться. Стремительно рванувшись внутрь, Вортов обнаружил, что сотрудник научного центра был не вооружен, однако совсем рядом, на стене, обнаружилась длинная, чуть больше метра, палка-шокер, которая, по-видимому, предназначалась для усмирения особо буйных приматов, под определение которых, впрочем, в данный момент подходили решительно все, сидевшие в клетках, образцы. Здесь были представлены решительно все виды, которые Андрей только мог представить. Начиная от небольших шимпанзе, до огромных, покрытых густой шерстью горилл. И все это зверье,

вопило, голосило и ревели, создавая непередаваемую какофонию звуков. Но ни крайне агрессивные бабуины, ни устрашающие гориллы, не могли напугать Вортова так, как это сделал единственный образец, закрытый в отдельном помещении, похожем на изолятор для зараженных опасными вирусами, за прозрачным, ударостойким стеклом. Похожего примата Андрей видел в зале с клонами, посчитав за результат генетической модификации человеческого генома, но теперь, глядя на эти, полные осмысленной злости, глаза, ярко выделявшиеся на синей, клыкастой морде этого существа, больше всего похожего на недоразвитую помесь питекантропа с неандертальцем, он ощутил какой-то запредельный ужас, словно только-что заглянул в бездну, куда, не замечая ничего вокруг, скатывалось все человечество. Вскоре, короткий всплеск ужаса, был задавлен надеждой, когда Андрей заметил над "изолятором" остекленную комнатку, в которой располагалось нечто вроде пункта управления многоуровневыми рядами клеток. От пункта, опоясывая комнату по периметру, тянулись металлические мостики, превращавшиеся в одну большую обзорную галерею, связанную с землей двумя раздвижными лестницами, одна из которых, по счастью, была на половину выдвинута вниз. Не теряя времени, он бросился вперед, по пути переводя палку-шокер в режим максимальной мощности и, на бегу, вырубая обитателей клеток, на которые он стал забираться, чтобы затем запрыгнуть, ухватившись руками за нижнюю ступень лестницы. Подтянуться, не выпуская палку из рук, было тяжело. Но благодаря непонятному стимулятору, Андрей справился и сохранил свое единственное оружие. Когда Вортов забрался, наконец на обзорную галерею, он было двинулся в направлении вентиляционной шахты, достаточно широкой, чтобы достаточно сублильный человек мог бы в ней как-то протиснуться, но не успев даже приступить к форсированному демонтажу решетки, как его обостренный слух различил на фоне, царившей в помещении, какофонии звук, отодвигаемой силой, отъезжающей двери, которая тут же попыталась вернуться в исходное положение. Стараясь ступать как можно тише, Вортов прокрался к комнате управления, где и укрылся за приборной панелью, на которой присутствовало лишь два десятка кнопок. Кнопка для подачи усыпляющего газа в помещение, комната для открытия клеток и панель с цифрами, если вдруг понадобится закачать газ в отдельную клетку, а затем открыть ее. Отдельная, но функционально совершенно такая же панель для изолятора располагалась отдельно и чуть в стороне. В самом центре был расположен экран, на который выводилось изображение с камер, но поскольку заглянуть в него означало бы не только сразу же раскрыть свое местоположение преследователям, но и, почти наверняка, поймать снизу пулю, Андрей решил затаиться и положиться на слух.

Прошло чуть меньше двух минут, прежде чем Вортов услышал, как один из преследователей ухватился руками за крайнюю ступень лестницы, повторяя пройденный целью путь. Еще двадцать секунд прошло, прежде чем он услышал, как металлическая часть автомата бьется легонько бьется о настил металлического мостика. В этот момент Андрей стремительно рванулся из укрытия и, практически мгновенно преодолев, разделявшее их, расстояние, ткнул шокером в едва различимый силуэт, в то место, где угадывалась голова противника. Короткий стрекот электрического разряда и противник с воплем валится вниз, а Вортов тем временем, рвется обратно на пункт управления, где немедленно начинает давить на все кнопки, выпуская, беснующуюся живность наружу. Со звонкими щелчками клетки начинают отворяться и в помещении немедленно воцаряется полнейший хаос, а сам Андрей лежит, сжавшись в комок, в дальнем углу, в то время как пули, уже разбившие пульт управления, продолжают барабанить по потолку и стенам помещения. А затем обстрел

прекратился, и стрельба сместилась в другую сторону, потом в невообразимый гам ворвался дикий человеческий крик и Вортов наконец-то пришел в себя. Стремительно покинув помещение, он, уже на выходе, столкнулся с, ползшими на верхотуру, мартышками. Отбиваясь палкой-шокером, он кое как добрался до лестницы, по изрешеченному металлическому полу. Приглушенная стрельба слышалась двумя рядами дальше — преследователи, напуганные поднявшейся суматохой, стремительно отступали. Впрочем, как вскоре выяснилось, отступали они не только из-за суматохи.

Возле одной из клеток лежало тело китайского спецназовца, все еще частично скрытое накидкой-хамелеоном. Но вот видимая часть заставляла сердце, помимо воли наполниться тревогой. Оторванная рука, лежавшая рядом и вмятая грудина были достаточными указаниями, на то, что совсем недавно на этом месте в поединке сошлись далеко не равные по силе противники.

А между тем, массовая драка между приматами все набирала обороты. По полу катались клубки шерсти и летели во все стороны брызги крови. Удары массивных и не очень тел о клетке, перемешивались, с полными боли и ярости, визгами.

Понимая, что, вскоре, и он привлечет к себе нежелательное внимание, Андрей подобрал, лежавший на полу, автомат и помчался к выходу, расстреливая препятствия на пути. Лишняя порция хаоса отвлекла сцепившихся обезьян ровно настолько, чтобы позволить Вортову буквально выпрыгнуть за дверь зверинца, что, в какой-то степени, его спасло, потому что из серии пуль, которую отправили в сторону двери, затаившиеся в коридоре, китайцы, он получил две или три в бедро. Инстинктивно Вортов выпалил в сторону противника остаток магазина, до тех пор, пока единственной реакцией на нажатие курка не стали звонкие щелчки бойка без дальнейшего выстрела. Все еще продолжая нажимать на спусковой крючок, Андрей, не чувствуя боли, лежал на полу и смотрел на две, залитые кровью фигуры.

Не осознавая до конца происходящего, он попытался встать, но его попытки не увенчались успехом. Все больше опасаясь того, что происходит в зверинце, Вортов, собравшись с силами, пополз к телам убитых врагов и принялся тщательно их обыскивать в поисках аптечки. Искомое обнаружилось в боковом кармане форменных штанов. Черная, размером с портсигар, пластиковая коробочка, была заполнена коробочками поменьше. Это были автоматические инъекторы о содержимом которых Андрей мог только догадываться, также была в наличии пена, для закрытия ран и свернутый на манер зубной нити, жгут в маленьком цилиндре. Также в наличие были обезболивающие таблетки, которые он опознал только потому, что их компания, из экономии, во многом использовала, выпущенное Китаем снаряжение. Вортов перетянул жгутом артерию, закрыл рану пеной, а затем принял болеутоляюще. Через полторы минуты он почувствовал, как нога немеет, словно он долгое время на ней сидел. И тогда он снова попробовал встать. А затем еще раз, используя подобранный вражеский автомат словно трость. В этот раз, почти получилось, что вдохновило Андрея на совершение еще одной попытки.

И вот через несколько минут относительно успешных попыток, он, наконец, побрел, не ведая куда, опираясь при этом о стенку. Примерно через двадцать минут, Вортов начал замечать, что его путь начал пролегать по знакомым коридорам. Когда ему на пути стали попадаться тела членов группы, набранной Анной в Равниче, он, наконец, осознал, что, по-видимому, подземный исследовательский центр имеет спиралевидную структуру и потому, заворачивая в одну сторону, он из центральных зон, по воле случая добрался ко входу,

который также был и выходом. Это открытие прибавило Вортову сил, и он похрамал, практически не разбирая дороги, за что тут же и был наказан, когда в очередной раз споткнулся о брошенное оружие. Приходя в себя от едва терпимой боли, он посмотрел в сторону тела бойца, которому раньше принадлежало оружие и, с удивлением, обнаружил, что это был очередной китайский "невидимка", напарник которого мутным взором смотрел на Андрея, через прозрачную пластиковую дверь, облокотившись на шкаф с медицинскими инструментами. Даже в таком, далеком от идеального, состоянии, Вортов сумел разглядеть что его противнику пришлось еще хуже. На его груди отчетливо выделялись три входных отверстия от пуль, темная кровь заливала тестерлиновую форму, не прикрытую плащом-хамелеоном, а взгляд спецназовца был мутен. Но даже будучи при смерти, китаец пытался поднять руку с пистолетом, но затем он захрипел от прилагаемых усилий, а на его губах появилась розовая пена. Затем он закинул голову назад и окончательно затих. Только после этого Вортов обратил внимание на то, что левая рука китайца была оголена и на ней отчетливо были видны несколько закрепившихся коробочек-автоинжекторов с препаратами. Сам, в таком состоянии, он их поставить бы себе не мог, а значит...

Неторопливы шаги оборвали мысли Андрея и он, обернувшись, увидел, направляющегося к нему, третьего члена звена. Завидев его, спецназовец громко выругался на китайском и навел на Вортова свое оружие, как вдруг прогремел оглушающий выстрел, и голову противника буквально разнесло на куски, окрашивая стены и потолок в красные тона.

— Ты вовремя, — послышался голос из дальнего угла. Затем проявился размытый силуэт, который оказался Анной Лемех, снявшей капюшон плаща-хамелеона. — Еще бы минута другая и он бы меня нашел. Но об этом поговорим позже. Сейчас гораздо важнее спасти наши шкуры. Хозяева этого местечка пошли ва-банк.

"Разговоры о договоренности между спецпредставителями с Земли и Консорциумом ходят уже давно. И это не просто досужие беседы или нелепые теории заговора. На этот счет существуют вполне обоснованные теории, к которым с полной серьезностью относится экспертное сообщество. Уж слишком явно, подчиненная спецпредставителям, орбитальная группировка вмешивалась в местные конфликты на стороне корпораций. И происходило подобное не единожды. При всем желании, совпадением это не объяснишь".

"Политическое обозрение", выпуск N 6018.

Выглядела Анна так себе. Слипшиеся в патлы волосы, грязь и капли крови на лице, а туловище и руки и вовсе были залиты этой субстанцией, ясно выделялся ожег от пули на левой скуле. Ее куртка была где-то утеряна, и она осталась в черной майке, камуфляжных штанах, да с патронташем к дробовику, который он видел раньше у кого-то из ее людей.

— Выглядишь не очень, — слабо улыбнулся Андрей, силясь подняться с пола, но, видимо, запас адреналина в крови уже иссяк, так что все, чего он достиг это новых импульсов боли, пробивавшихся даже через обезболивающее.

— Если это была твоя попытка охмурения, то советую тебе поработать над техникой, — слабо улыбнулась Анна в ответ. — А теперь пойдем, нам нужно забраться как можно глубже.

— Что происходит?

— Мы разозлили хозяев этого милого местечка. Ты разве не чувствуешь жар с поверхности? Боевые спутники, должно быть, изжарили все в округе. Нас пока спасает подземное расположение, но вскоре не спасет и это. Мы пропечемся здесь, как картошка на углях.

С этими словами, Анна ухватила Андрея за плечо и помогла встать на ноги, заставив его перенести вес с простреленной ноги на здоровую. Дальше она просто полу взвалила его на себя, и они пошли в обратную сторону, стараясь уйти как можно дальше. И снова потянулись бесчисленные коридоры и развилки, тупики и помещения с единственным входом-выходом. В момент, когда они очередной раз наткнулись на заблокированную дверь, Анна, сквозь зубы, признала:

— Дальше мы не пройдем. Нужно попробовать найти фильтровочную станцию. Она находится достаточно глубоко, к тому же там много, выкачиваемой из реки, воды.

— А как же твой дешифратор?

— Разбит, — ответила Анна и Вортов не стал выяснять подробности. — Если я правильно помню схему, нам нужен зверинец. Оттуда мы попадем на технически уровни, а затем и на станцию. Нужно только определиться с маршрутом.

— Если мы дойдем до зала с клонами, — заявил Андрей, — то я смогу указать дорогу.

— Не будем терять времени, — резюмировала Анна и Вортов был с ней полностью согласен. Даже на нижних уровнях становилось жарковато, а стоило им лишь забраться немного выше, как оба почувствовали себя, словно находились в парилке.

Но, так или иначе, путь был пройден, несмотря на то, что к его концу, Вортов мог

потерять сознание в любой момент. Несмотря на отсутствие кровопотери, последствия ранений давали о себе знать. Удушающая жара, также не помогала. Что же касается Анны, то и для нее, усталой и истощенной, помощь Андрею оказалась почти непосильной задачей. Когда, наконец, они добрались до секции, где располагался зверинец, то перед изможденными людьми открылась ужасающая картина. Тот самый синемордый примат склонился буквально потрошил тела, убитых Андреем, китайских спецназовцев.

— Твою то мать! — выругалась Анна. Буквально отбрасывая Андрея к стене, одновременно цепляя, висевший за спиной дробовик.

Тварь искривила окровавленную пасть и зашлось в диком, с элементами скрежета, крике. Завороженный зрелище, Вортов даже на какое-то время позабыл про боль и из этого состояния его вывел только, хлестнувший по ушам, выстрел и новый, теперь полный боли, рев.

— Ушел, — раздраженно заметила Анна, не отводя взгляда от следов крови и выщерблин от картечи, оставшихся на двери. — Вставай, нам нужно торопиться. Становится трудно дышать.

— Я не могу, нога уже совсем... — покачал головой Андрей.

— Подожди минутку, — ответила Анна, и подобрала с пола, уже использованную Вортовым, аптечку китайского солдата. Затем она достала оттуда коробочку-автоинжектор и начала закатывать ему рукав.

— Ты уверена, что это поможет? — спросил Андрей, с опаской разглядывая, нанесенные на коробочку, иероглифы.

— Да, — просто ответила она, закрепляя автоинжектор на руке. — В буквальном смысле поднимает на ноги даже мертвых, чтобы позволить им дальше сражаться. Точнее, умирающих. Но у тебя дела обстоят гораздо лучше, так что, в течении следующих тридцати минут, твоя нога будет полностью функциональна — боли ты даже не заметишь.

И действительно, уже через две минуты Вортов почувствовал себя так, словно был готов прямо здесь и сейчас пробежать марафон, но, в то же время, он прекрасно осознавал, что это ощущение является обманчивым. Между тем, температура поднималась все больше, и Андрей решил, что время разлеживаться ещё не пришло и наконец то самостоятельно поднялся на ноги, перехватывая автомат, который использовал вместо трости, в боевое положение.

А затем они вошли внутрь. Памятуя о том, что странный примат мог прятаться где-то здесь, оба держались настороже, наводя оружие на любой подозрительный угол. Беда была в том, что, среди нескольких рядов многоуровневых клеток, подозрительных мест было слишком много. Плюс беснующиеся обезьяны на обзорной галерее не добавляли спокойствия. Как бы глупо это ни казалось на первый взгляд, Анна с Андреем шли на звуки ударов и яростный рев одного из образцов. Было бы глупо оставлять за спиной непредсказуемую угрозу. Источником звука оказалась горилла, которую Андрей, недолго думая, уложил очередью в голову. Гибель альфа-самца заставила остальных несколько поутихнуть, и они направились к двери в дальнем конце помещения, которая, как назло, также оказалась закрыта.

— Черт! — не выдержала Анна.

— Да ладно, замок механический, — подметил Вортов, — Отойди-ка в сторону.

Еще одной очереди как раз хватило, чтобы изрядно повредить замок, а уже затем доломать его было нетрудно.

Пронзительный, дикий визг прозвучал совершенно внезапно. А затем была боль, разливавшаяся от раненой ноги по всему телу, доводя сигнал до каждой нервной клетки. Уже проваливаясь в помещения, Вортов заметил лохматую шкуру, проشمывнувшую вперед и тут же исчезнувшую в переплетах из труб, каких-то бочек и контейнеров, а также всевозможных датчиков и приборов.

— Андрей! — закричала Анна, бросаясь вперед и делая неприцельный выстрел в ту сторону, куда убежал примат.

— Я в порядке, в порядке, — не веря самому себе, произнес он. — Стимулятор все еще работает. Нам нужно идти. Быстрее.

— Эта тварь! — вновь закричала Анна, отчего то начавшая терять контроль над собой в тот момент, когда спасение было совсем близко. — Она где-то здесь! Она будет ждать нас, я знаю!

— Я тоже, — согласился Вортов. — Но мы вооружены. Нужно только дойти до фильтровочной станции и закрыть за собой дверь. От одной макаки уж как-нибудь отобьемся.

— Ты, конечно, прав, — сказала Анна, а затем добавила: — Прости меня.

— Не за что, со всеми бывает, — пожал плечами Андрей.

— Не за это, — покачала головой Леммех. — Мне не стоило играть тебя вслепую. Когда программа пробуждения дала сбой, я думала, что это лишь игра. Конспирация. Лишь гораздо позднее я поняла, что ты действительно ничего не помнишь.

— О чем ты говоришь? — с изумлением уставился на нее Андрей.

— Сейчас это абсолютно не важно, но я хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь. Если по каким-то причинам я не выберусь отсюда, ты отправишься на Острова Свободы и заберешь пакет у Омара ла Трека. Он владеет ломбардом в центральной части Нью-Канберры. Ты легко его найдешь.

— К чему все это сейчас? — настороженно спросил Вортов, не спешивший раздавать обещания.

— Просто сделай это. Можешь считать это последней просьбой, — сказала Анна и отвернулась.

— Хорошо. Если ты не выберешься отсюда, я сделаю как ты просишь.

Леммех кивнула и больше не говоря ни слова, двинулась вперед с дробовиком наперевес, каждую минуту ожидая нападения бешеного примата. Впрочем, мест, откуда тот мог напасть было не так уж и много, а если точнее — их практически не было. Узкие технические коридоры, увитые трубами, словно дикой лозой, едва позволяли людям протиснуться, не задевая локтями стен. Каждая развилка и перекресток постоянно контролировалась парой, не терявшей бдительности, но, вместе с тем, так и не обнаружившей следов присутствия агрессивной особи, которая находилась в помещении.

— Ты знаешь, навыки маскировки этой твари внушают уважение, — высказал вслух общую мысль Андрей.

— И опасение, — согласилась Анна. — Кажется, мы почти на месте. Вижу впереди какую-то дверь.

И действительно, несколько технических коридоров выходили на небольшую площадку, перед массивной металлической дверью, больше напоминавшей банковскую, со знаком радиоактивной опасности на уровне человеческих глаз.

— Не похоже на фильтровочную станцию, — констатировала очевидное Анна.

— По плану она точно была здесь?

— Да, — Леммех определенно была крайне раздражена.

— Хорошо, тогда другой вопрос. Это оригинальный план отсюда?

— Нет, составленный со слов информатора, — покачала головой Анна, а затем продолжила мысль: — который мог просто не знать о том, что находится здесь на самом деле. Или быть дезинформированным.

— С этим понятно, но делать то что будем? — спросил Андрей, присаживаясь на корточки, прислонившись спиной к двери и уже зная ответ на свой вопрос.

— Попробуем переждать здесь. В любом случае это самая глубокая точка. Не спасемся здесь — нигде не спасемся.

В этот самый момент обезумевший примат бросился на Леммех, стоявшую спиной к техническим коридорам. От неожиданности она выстрелила в дверь, и срикошетившая картечь разлетелась по помещению, раскалывая циферблаты датчиков и повторно рикошета от многочисленных металлических труб.

Анна лежала на животе, не пытаясь встать или оценить обстановку, в то время как, завалившийся набок, Вортов немедленно перехватил свой автомат и разрядил остатки магазина в не рассчитавшее силу удара животное, которое оказалось теперь справа.

С полу-хрипом-полу-вздохом примат повалился на пол, а Андрей бросился проверять состояние Анны. К своему ужасу, он обнаружил, что ее майка была залита кровью, вытекавшей из многочисленных ран на груди и животе.

Ее глаза медленно открылись, и все, что она сказала, было:

— Так...глупо...

— Все будет хорошо, — почти шептал Андрей, — сейчас я вернусь за аптечкой. Ты ведь сама говорила, что препарат поднимет на ноги даже мертвых...я сейчас...сейчас...

Но лицо Анны уже неподвижно застыло, а тело безжизненно обмякло в его руках. Не в силах вымолвить ни слова, он просто опустился рядом с ней и закрыл глаза, не обращая внимания на нарастающий жар и все большие трудности с дыханием.

Потом пришли сны. Странные видения, где он, вместе с десятками юношей и девушек в одинаковой плевой форме учились стрелять, преодолевать препятствия и драться без оружия. Какой-то низенький лысоватый человек, часами напролет беседовавший с ними о чем-то, но Вортов никак не мог сосредоточиться, чтобы понять о чем. Его старый оператор, лежавший перед ним в окровавленной рубашке, в то время как он торопливо обшаривал его вещи, откладывая в сторону какие-то непонятные приборы. Удивительной реалистичности боевые действия, где он, в компании других смутно знакомых людей с непередаваемой легкостью снимал часовых и зачищал от врага помещения. Убийства, похищения, кражи переполняли его сознание образами того, что он никогда не совершал. Была в его снах и Анна. Мимолетные улыбки в заполненных классах, какие-то званые вечера и поцелуи на открытых террасах. Окраина леса и перепуганный мужчина во фраке, который, судя по виду, только что собственноручно вырыл себе могилу. Они вдвоем улыбаются и нацеливают на жертву стволы пистолетов, а затем звучат выстрелы, и жертва оседает на дно ямы.

А затем он очнулся, и его пробуждение было до крайности необычным. С ужасом, Андрей осознал, что плавает в капсуле с какой-то жидкостью, но не успела паника окончательно поглотить его сознание, а легкие набрать воды, как импровизированный аквариум начал постепенно опустошаться, давая обитателю возможность свободно дышать. Затем, когда жидкость окончательно была выкачана из капсулы, пластиковая стенка

сдвинулась в сторону и Андрей мешком вывалился на металлический пол, в процессе пытаясь оглядеться по сторонам. То, что он увидел почти не прояснило для него почти ничего. Помимо капсулы, в небольшой комнате находились: металлический стул, на котором висел больничный халат, металлическая же кровать, а также голопроектор. Вортов поспешил накинуть халат на еще мокрое тело и, как только он это сделал, индикатор на дверном замке подсветился зеленым, что должно было сигнализировать о том, что дверь открыта.

"Видимо, мне туда", — подумал Андрей, и решительно, насколько позволяла слабость в ногах, направился по коридору, полному таких же дверей, как и та, что вела в его комнату. Единственным отличием было то, что на замке каждой из них горел красный индикатор. Так он и шел до тех пор, пока не наткнулся на единственную дверь с зеленым индикатором на замке. Недолго думая, он вошел внутрь и оказался в классической допросной, где за стоявшим в центре комнаты столом, его уже ждал подтянутый мужчина средних лет, пышными каштановыми волосами, в темном костюме и черными солнечными очками, которые этот тип не стал снимать даже в помещении. Андрей усилием воли подавил желание прокомментировать внешность мужчины, в то время как тот сделал вид, что только что заметил вошедшего и, указывая на графин с водой произнес:

— Проходите, присаживайтесь, выпейте воды. Я знаю, после процедуры вам это просто необходимо.

Не став спорить, Вортов действительно выпил воды, тем более, что незнакомец был полностью прав, а затем, усевшись на металлический стул он спросил:

— Как мне к вам обращаться?

— Можешь звать меня агент Смит, если хочешь, — а затем, глядя в ничего не выражающее лицо Андрея, добавил:

— Как жаль, что люди в наше время больше не смотрят классику..., впрочем, мое имя, в данном случае, не имеет абсолютно никакого значения. Важно другое, помните ли вы свое?

— Я не понимаю к чему...

— Назовите свое полное имя, — жестко оборвал его "агент Смит".

— Андрей Валентинович Вортов.

— Год рождения?

— Триста сорок второй от начала колонизации, дата — шестнадцатое июня, место — сектор "Россия", база "Шипка". Эти вопросы вообще имеют какой-то практический смысл?

— Разумеется, — с готовностью кивнул Смит, — Только не для вас, а, скорее, для наших исследований.

— В таком случае не вижу смысла на них отвечать.

— Даже в благодарность за то, что мы вытащили вас из того подземного комплекса? Что последнее вы помните?

— Я...помню, да. Анна...потом было очень жарко...Вы ведь из "Рикард Фарм Корп". да?

— Не совсем. Итак, продолжим. Вы помните вашу семью? Как звали вашего отца, мать?

— Я не буду отвечать до тех пор, пока вы не объясните мне что происходит!

Вместо ответа, "агент Смит" произнес в пространство:

— Пометка, усилить работу над внушаемостью и управляемостью объекта.

После этого он молча потянул из кобуры пистолет и, прежде чем Андрей успел что-либо понять, выстрелил ему в сердце.

Пробуждение Вортова было внезапным, с ужасом он осознал, что плавает в капсуле с какой-то жидкостью, но, как и в прошлый раз она была выкачана до того, как начала заполнять его легкие. А затем, как и в прошлый раз, капсула открылась, позволяя выбраться наружу и оказаться все в той же обстановке: кровать, голопроектор и стул, на котором, казалось, даже больничный халат висел точно также. Торопливо накинув на себя кусок синтетической ткани, Вортов, словно в полусне, повторил свой предыдущий маршрут и оказался все в той же пустой комнате, где кроме стола, двух стульев, графина и стакана под воду больше ничего не было. "Агента Смит" сидел все также, в тех же черных очках и костюме и точно, как тогда он сделал вид, что буквально только что заметил вошедшего, обратившись к Андрею:

— Проходите, присаживайтесь, выпейте воды. Я знаю, после процедуры вам это просто необходимо

— Это какой-то бред... — пробормотал Вортов, в то время как его собеседник, продолжал задавать свои вопросы:

— Что последнее вы помните?

Андрей не отвечал, разглядывая неподвижные черты лица "агента Смита". Киборг? Было не похоже, несмотря на весь прогресс, отличить электронную куклу от живого человека на близком расстоянии можно было всегда. Но вот это странное, механическое поведение настораживало, заставляло подозревать, что перед ним находится что-то чужое, неестественное.

— Что последнее вы помните? — упорно продолжал спрашивать Смит.

— Я помню... — чеканя слова ответил, наконец, Вортов. — Я помню, как вы выстрелили мне в голову, но я жив и не нахожу объяснений тому, что же здесь происходит...

— Феноменально, — почти прошептал "агент Смит". — Но в одном вы правы, пора наконец все прояснить. Начнем с того, что вы только что сказали, Андрей. Вы считаете, что живы, но разве я не прострелил вам голову?

Вортов не знал, что на это ответить и его собеседник просто продолжил:

— Ладно, не стану ходить вокруг да около — вы клон. Вопрос о том, жил ли когда-либо Андрей Валентинович Вортов довольно спорен, но представляет немалый интерес.

Вортов на секунду задумался, но, хоть предложенная версия и многое объясняла, так до конца не смог осознать услышанное и потому сосредоточился на деталях:

— Отчего же, — несколько растерянно произнес он, — даже если меня клонировали, то это всего лишь значит, что моя личность получила новую оболочку. Я совершенно не чувствую никаких изменений. Полагаю, что это чем-то похоже на пересадку органов...

— Любопытная точка зрения, — слегка склонил голову Смит. — И не сказать, что я с ней не согласен, ведь будучи таким же клоном никакой неполноценности я не ощущаю... С вами же вопрос стоит по другому. Кто такой Андрей Вортов — клон кадрового российского разведчика или же, созданная с нуля, искусственная личность. Если второе, то преклоняюсь перед вашим создателем и искренне завидую тому, что вас, Андрей, не тянет носить темные очки в помещении... Тот, кто создавал мою личность обладал весьма специфическим чувством юмора.

Памятуя о произошедшем, Вортов не испытывал к собеседнику никакого сочувствия, однако понимая, что, в целом, поделаться с ситуацией он пока ничего не может, решил использовать прагматичный подход и вытянуть из собеседника как можно больше информации:

— Я не совсем уверен про искусственную личность, но то, что вы несете про российскую разведку — полный бред.

— Не такой уж и бред. Вам знакомо понятие — спящий агент?

— Да, я имею представление о том, что это такое.

— Это хорошо, но то, о чем широкая публика не задумывается, это то, что с развитием современных технологий усыпить агента можно гораздо глубже. Те же гипнотические методики применяются достаточно давно. Сегодня человек мирно трудится в своем офисе, а завтра, услышав кодовое слово, отправляется взрывать вражеский военный объект.

— Не совсем понимаю какое отношение это имеет ко мне. Я никогда не взрывал военных объектов, — категорически отверг подобное предположение Вортов.

— Да неужели? А ваш последний репортаж? — иронично осведомился Смит. — Неужели и здесь вы будете отрицать, что работали на... скажем так, враждебные свободному миру силы.

— Признаю, — склонил голову Андрей. — Но это не значит, что я работал на чью-либо разведку до этого. По крайней мере лично я ничего такого не помню.

— Это объяснимо, — закивал в такт его словам Смит. — Наши ученые не только не смогли как работает ваш блок памяти, но и то, как он вообще устроен. Тот факт, что мы сейчас спокойно беседуем без применения всевозможных препаратов — лишнее тому доказательство.

— Должен сказать, что я вообще не понимаю с какой целью весь этот разговор был затеян.

— Это вербовка, — спокойно пояснил Смит. — Как вы знаете, лучше всего работает метод кнута и пряника. Но, боюсь, если бы мы начали с кнута весь этот разговор вас бы не впечатлил. Если вкратце, то наши психологи, изучив вашу личностную матрицу, пришли к предварительному выводу о том, что лучшим рычагом будет любопытство. Открою вам небольшую тайну — абсолютно все клоны и близкие к человеку кибернетические организмы испытывают острейшую потребность разобраться в том, кто они есть на самом деле. Каково их место в этом мире. Вы не исключение. Искусственная личность просто перенаправила естественное любопытство в русло, выгодное вашим создателям. Но теперь, когда вы знаете, что все это фальшивка, вам непременно захочется узнать о себе как можно больше. Сотрудничайте с нами и ваше желание осуществится.

— Пряник не велик, — прокомментировал Андрей.

— Зато кнут в самый раз, — парировал Смит, — В вашу кровь будет введен препарат, который убьет вас довольно жутким образом, если вы не будете принимать противоядие вовремя.

Вортов удивленно присвистнул.

— Действительно, метод кнута вам дается гораздо лучше. А если я откажусь?

— Тогда я вас пристрелю, — просто ответил Смит. — А к следующей нашей беседе мы опробуем препарат. А затем еще раз. И еще. Столько раз, сколько понадобится. Проявите благоразумие, и мы все сможем этого избежать.

— Понятно, — хмуро ответил Андрей, а затем добавил: — У меня осталось еще несколько вопросов.

— Не стесняйтесь, — дал разрешение "агент Смит".

— Анна... ее вы тоже клонировали?

— Да, но, в отличие от вас, получили лишь бесполезную оболочку. В вашем организме

были найдены следы воздействия некоего препарата, чье влияние на мозг позволило вам, как личности, пережить уже две собственные смерти. Однако для успешности процедуры необходимо, чтобы хотя бы часть клеток мозга в определенном участке, оставалась жива. С вами нам повезло, просто невероятно повезло. Робот-заборщик проколол вам глазницу и извлек материал с которым мы совершили прорыв в раскрытии методов русской агентурной сети. Скажу по секрету, до сих пор никто не может в это поверить. Все эти годы мы ловили медведя на живца, а оказалось, что в этой игре мы слепы, словно котята.

Андрей немного помолчал, формулируя следующий вопрос, а затем неторопливо произнес:

— Получается, что вся история с изгнанием — фальшивка?

— Ну разумеется! — словно бы удивляясь подобной наивности, воскликнул Смит, — Вся история с самого начала была шита белыми нитками, и никто не понимал на что ваше начальство рассчитывало. Теперь многое прояснилось. Мы надеялись получить канал дезинформации, а в итоге получили дыру в нашей системе безопасности. Это просто уму непостижимо!

— М-да, — только и мог выдавить из себя Андрей. — Получается, что выбора у меня нет?

— Варианты я вам только что озвучил. Есть еще вопросы по существу?

— Только один. Что я должен буду делать?

"Агент Смит" киношным жестом поправил очки и, усмехнувшись, произнес:

— Все, что мы вам скажем, господин Вортов. Все, что мы вам скажем...

Эпилог.

"Конец близок, говорю я вам! Слушайте и не говорите, что не слышали! Конец грядет, ибо люди в высокомерии своем прогневили Господа, уподобившись строителям Вавилонской башни..."

— *Стоп! Ст-о-о-п! Что он несет? Кто это вообще такой?*

— *..И падшие ангелы проникнут сквозь земную твердь, чтобы доказать создателю, что именно они достойны получить власть над Землей!*

— *Дженкинс, это ваш человек? Как не знаете?*

— *И подобно строителям башни, род людской будет разделен на племена и народы. И сойдутся они в смертельной схватке, не догадываясь о том, что во тьме их собственного невежества скрывается Враг всего рода Людского!*

— *Охрана! Выведите этого психа из студии!"*

"Политическое обозрение", пилотный выпуск.

Вортов неторопливо шагал вдоль по улицам пятого уровня Вавилона, любуясь

открывавшимся видом и пристально вглядываясь в лица проходивших мимо людей. Однако, редкие прохожие, посетители недешевых ресторанчиков и кофеен, расположенных на первых этажах зданий, не обращали на него ровным счетом никакого внимания. Он был своим среди своих. Человеком, который мог позволить себе купить недвижимость в этом районе и посещать, расположенные там же, кафе. И, отчасти, они были правы. После того, как он согласился работать с организацией, которую представлял "агент Смит", все его финансовые и юридические трудности исчезли, словно по волшебству. Компания "Кондор" не пыталась прищучить его за дезертирство, местный банк не только отозвал все претензии, но и снизил процент, в качестве извинений. Более того, первый планетарный выкупил права на тот репортаж из подземного исследовательского центра, выплатив за него аж полмиллиона амеров и создав на его основе документальный фильм, финальными кадрами которого стало выводимое из зала суда руководство "Рикард Фарм Корп" в полном составе осужденное по целому ряду очень тяжелых статей. Из семнадцати членов совета директоров лишь пятерым удалось избежать смертной казни. Остальные отделались пожизненным поражением в правах и высылкой на Острова Свободы. Казалось жизнь пошла в гору, но Андрей не испытывал чувства удовлетворения. Он разорвал все связи со старыми знакомыми. Игнорировал настойчивые звонки от Макса и даже робкие попытки Инги "вернуть все как было". Вот только как раньше, быть уже не могло. Постороннему человеку могло показаться, что в жизни Андрея Валентиновича Вортова наступила очень яркая белая полоса. Однако, человеку, носившему это имя, было глубоко безразлично, поскольку он даже не был уверен, что Андрей Вортов это он и что вся эта внешне прекрасная жизнь не перейдет завтра другой биоукле, запудрив ей перед этим мозги. Он был клоном, копией, а это значит, что все, чем жил оригинал, если таковой имелся, не имело никакого значения.

Поначалу, он пытался смириться и принять все как есть, но одно лишь знание того, что вся его жизнь всего лишь очень хорошая маска, заставляла смотреть на вещи совсем под другим углом. Когда осужденных воротил, картинно вопящих о несправедливости, выводили из зала суда, он вспоминал слова профессора Друмма, которые, к слову, в документальном фильме приводились с купюрами, о том, как легко запрограммировать клона на совершения преступления, а затем на показательную сдачу в руки правосудия. И тогда он еще раз проанализировал ход процесса и сразу же обнаружил признаки постановки. Возможно дело было в профессиональной деформации или разыгравшейся паранойи, однако "торжество справедливости" наводило того, кто был известен под именем Андрея Вортова на самые мрачные мысли. Ведь никто не стал доискиваться причин или копать дальше. Любые несоответствия легко списывались на коварные интриги злодеев, пытавшихся запутать след. Взбудораженные народные массы снова погрузились в сытую, гипнотическую полудрему, под руководством "говорящих голов", вещавших прописные истины из голопроекторов. Именно тогда ему стала очевидность вся степень иллюзорности того мира, в котором он жил. То, о чем Анна пыталась ему намекнуть приобретало все новые смыслы, но разгадать истинный посыл он так и не смог. И это мучило. Не давало спать по ночам, заставляя в утренние, предрассветные часы отправляться на многочасовые прогулки. Весь мир буквально разрушился изнутри и весь ужас был в том, что никто из окружающих даже не осознавал этого.

А затем он запил. Горько, беспробудно до тех пор, пока организм не объявил сознанию самую настоящую войну, вынуждая хозяина вступить в период ремиссии. И в одну из таких ремиссий, просветление, как сказали бы последователи восточных практик, настигло его.

Ударило словно молния, перерезав батарею с запасами жизненных сил.

Он нашел новую цель. Теперь Андрею, который решил, до поры, принять свое имя, предстояло изучать все заново. Шаг за шагом. Кирпичик за кирпичиком выстраивать картину мира, что, впрочем, оказалось не так уж и трудно. Сопоставляя известные и заново обнаруженные факты он, с учетом новых знаний, составлял свое представление о тех или иных людях, событиях, явлениях. Картина получалась достаточно грустной.

Из тридцати семи человек, отправившихся когда-то в "изгнание" из сектора "Россия", в первый же год пропало шестеро. О их дальнейшей судьбе не было никаких упоминаний и это могло означать все, что угодно. Еще шестеро, так или иначе стали жертвами опасных происшествий и избежать смерти им помогло только чудо. Или не помогло, если принять во внимание все то, что произошло с самим Андреем. Самым паршивым было то, что среди этих шестерых был и Макс, который, как теперь выяснилось, тоже мог оказаться клоном. Остался ли он тем же человеком, которого Вортов знал всю жизнь или же в последние годы он дружил с имитацией. Ухватив последнюю мысль, Андрей усмехнулся. Далеко не факт, что он сам и его воспоминания не являлись имитацией. Но, отчего-то, от этих мыслей было не легче. Отвлекаясь, он вернулся к списку и обнаружил, что из остальных его товарищей по несчастью, семнадцать человек работали в местах, где их было относительно просто контролировать. В список тех, кто был относительно свободен попадали Елена Звенцова, сам Андрей и, до недавнего времени, Анна.

Еще одно свидетельство того, что всю свою жизнь он был повязан невидимыми нитями с тем, о чем до сих пор даже понятия не имел. Да и сейчас не имеет. Теперь он знает лишь то, что еще вчера бившая яркими, кричащими, красками жизнь превратилась в шпионскую киноленту в стиле нуар. И выхода не просматривалось. Согласившись сотрудничать с Консорциумом, он продал душу дьяволу. Если у таких как он она вообще есть. И час расплаты стремительно приближался. Уже сейчас, как сообщил ему куратор, шло негласное расследование его несуществующих связей с "новым рассветом". Результат также был уже известен, и Андрей надеялся лишь на то, что Острова Свободы оправдают свое название и когда-нибудь он сможет разорвать нити, связывавшие его и новых кукловодов. О старых он и вовсе не знал ничего. Даже сам факт их существования вызывал сомнения, и оттого новая несвобода ощущалась гораздо острее.

И то, что они, казалось, декларировали благородные цели нисколько не меняло дела. В этом мире иллюзий черное могло казаться белым, а белое черным, не являясь по факту ни тем, ни другим. Будущее было относительным, а прошлого могло и не быть вообще. Значение имело лишь настоящее и за ним нужно было следить в оба глаза, потому что и оно, могло в любой момент исчезнуть, обернувшись химерой реальности. Андрей выучил свой урок. Теперь он знал, что, несмотря на декларируемую цель — борьбу с организацией "Новый Рассвет", настоящей причиной предстоящей миссии могло быть что угодно. Но Вортову не было до этого никакого дела. Все, что его сейчас заботило это обещание, которое он дал Анне. Обещание и ответы на вопросы, которых накопилось невыносимо много. Но, вскоре он собирался разобраться со всеми тайнами, ведь это была его работа. Его сущность, которую он заново начал познавать. Странные сны никуда не ушли, но он верил, что пока что ему удавалось скрывать их сущность от своих кураторов. Возможно, это было несколько наивно, но Андрею очень не хотелось, чтобы эти неприятные ему люди знали о нем больше, чем он сам. Впрочем, того что знали даже они было на удивление немного. Имевшаяся информация скорее походила на пищу для размышлений, что заставляло Андрея отвлекаться

от текущих реалий.

А мир, между тем, бурлил. Вторжение Африканского Союза в сектор вольных поселений закончилось грандиозным провалом и было осуждено Планетарным Конгрессом. Позиция спецпредставителя ООН была ясна, поскольку именно он отдавал приказ с вмешательстве в конфликт орбитальной группировке. Африканцы потеряли более пятидесяти тысяч только убитыми, в то время как совокупные силы наемников и регулярных формирований ДСВП составили около двенадцати тысяч. Большая часть военных Африканского Союза погибла в результате орбитального удара, что породило во всем секторе сильные реваншистские настроения и в порыве жуткой ненависти впервые за десятилетия объединило все чернокожее население континента от Африканского Союза до самых дальних окраин Зоны Племен. Воспоминания о Великом Исходе вновь вспыхнули в народной памяти и африканским лидерам не оставалось ничего, кроме как начинать скрытую мобилизацию, чтобы не допустить превращения народной ярости в мощнейшее внутренне недовольство. Начало первой внеземной Великой Войны становилось лишь вопросом времени.

Корпоративные сектора ввели в вольные поселения свои частные армии, что породило новый виток сопротивления со стороны местных патриотов. Как ответили корпораты было не ясно, поскольку информация из региона, прежде лившаяся широким потоком, внезапно почти перестала поступать. О ДСВП вообще не говорили, словно и не было никогда такого режима, за который сражались и умирали, пусть не самые лучшие, но люди. Единичный информационный всплеск случился, когда "временная администрация сектора вольных поселений" объявила всех участников движения за образование независимого государства сторонниками "нового рассвета" и объявило о наказаниях — смертная казнь просто по факту членства и тюрьма сочувствующим. Сама операция была проведена если не блестяще, то близко к тому. Максимально были использованы возможности речного транспорта и полное господство в воздухе, обеспеченное, во многом благодаря непонятной лояльности спецпредставителя ООН, который, казалось, вообще предпочитал делать вид, что ничего особенного не происходит. Это был первый тревожный звоночек. Второй прозвенел, когда независимые обозреватели отметили удивительную слаженность действий частных армий, принадлежавших, пусть и не конкурирующих между собой, но абсолютно разных корпораций. Прозвучал вывод о том, что все эти, довольно немалые силы, могут управляться из одного центра.

Практически одновременно сектора Россия, КНР и Индия, объявили о создании собственных орбитальных баз и начале строительства военного флота, что шло вразрез со всеми резолюциями когда-либо принятыми Планетарным Конгрессом, который, как и спецпредставитель ООН немедленно выразили осуждение. Последний даже воспользовался правом абсолютного вето, которое, ко всеобщему ужасу, было попросту проигнорировано. Миропорядок сотрясся. Невидимые обычному человеку фундаментальные сдвиги происходили в политической сфере, навсегда перекраивая текущие политические процессы. Вскоре, аналогичные планы по созданию собственного космического флота появились у Объединенного Латинского Сектора и прочих государств, но их возможности по реальному созданию чего-то подобного вызвали сомнения. Параллельно с африканским кризисом совершенно неожиданно забурлили местные "Балканы". Достаточно крупный сектор, в двух тысячах километров от планетарной столицы и всего в шестисот от Островов Свободы, свободные уроженцы которых, а также граждане, отбывшие свой срок, частенько

перебирались в тот постоянно кипящий котел, куда, руководствуясь совершенно непонятно какими соображениями, расселили выходцев из центральной и восточной Европы, собственно жителей балканского полуострова, турок, выходцев из Скандинавии, басков, ирландцев и португальцев. Скроенные в лоскутные государства, эти народы внезапно возжелали создать конфедерацию, которая смогла бы объединить хотя бы часть из них. И хотя детали все еще обсуждались, само заявление произвело настоящий фурор. Но на этом неожиданности не заканчивались. Жители Островов Свободы потребовали от Планетарного Конгресса большей автономии, за строками положений которой просматривалось явное желание в недалеком будущем обрести полную независимость.

Планетарная комиссия по вопросам охраны правопорядка отреагировала введением на острова, подчиненных непосредственно ей, полицейских частей, общими силами около дивизии, оснащенной множеством боевых роботов. Так что теперь, Острова, который с самого начала использовались как место ссылки, стали действительно походять на одну большую тюрьму. Немедленно после концентрации больших полицейских сил на островах, "Новый Рассвет" активизировал свои действия по всему Западному континенту, но особенно их действия были заметны в Вавилоне. Дошло до того, что на третьем уровне начались волнения, который, по прошествии месяцев, даже и не думали утихать, хотя и не набирали силу.

Хаос нарастал и его апофеозом стало заявление секты Ушедших, распространенная через все приспособленные для передачи информации приборы, которые были предварительно взломаны. Они заявили о том, что по их данным всю планету вскоре ожидала катастрофа и, не вдаваясь в детали, призывали всех, разделявших их взгляды присоединиться к ним в Убежище, о котором также ничего толком сказано не было.

Есть такое китайское проклятье: "Чтоб тебе жить в эпоху перемен!". И Андрей чувствовал, что кто-то его основательно сглазил. Он чувствовал, как нить его судьбы аккуратно вплетается неизвестными кукловодами в глобальную паутину заговоров планетарного масштаба. Но несмотря на то, что поделаться с этим Вортов ничего не мог, он не собирался сдаваться и плыть по течению. Как известно, умелый моряк, выбирает свой путь так, чтобы попутный ветер всегда дул в его паруса. И пока ветер дул со стороны Консорцима он честно собирался выполнить свою часть негласного уговора, в то же время, будучи наготове, что называется, в любой момент обрубить концы.

Погруженный в свои мысли, Андрей сам и не заметил, как дошел до станции струнника. Монументальная колонна, с множеством сверхскоростных лифтов, ведущих прямо на платформу, возвышалась над уровнем. Здесь на пятом, высота станции делала бессмысленной даже строительство лестнице, потому как едва ли нашлись бы желающие взбираться на такую высоту хотя бы время от времени.

Разглядывая шедевр инженерной мысли, Вортов не сразу обратил внимание на группы людей, буквально рассыпающихся во все стороны от станции, причем, большинство из них выглядело так, что было очевидно, что здесь, на этом уровне делать им было явно нечего. Не слишком церемонясь, он ухватил за руку, пробежавшего мимо паренька в дранных джинсах и в красной футболке с лозунгом: "Круши систему!". Реакция того была мгновенной. Стремительно развернувшись, он попытался сходу зарядить Андрею свободной рукой в челюсть, но Вортов к тому времени был уже настолько привычен к боям и столкновениям, что просто слегка наклонил влево голову, уходя от удара, а затем ударил парня под дых. Глядя на свалившегося на асфальт бедолагу, он затем снова попытался добыть информацию:

— Не нужно так нервничать, молодой человек. Я просто хотел поинтересоваться — куда это все так торопятся?

Поваленный на землю смотрел на Вортова с крайней степенью изумления и неприязни, но тому было откровенно наплевать. Уловив этот тонкий момент, парень торопливо заговорил:

— Облава. Копы гребут всех, кого подозревают в связях с "Новым Рассветом".

— А ты, значит, у нас террорист? Или просто сочувствующий?

— Да нет же, — отчаянно замотал головой парень. — Они просто гребут всех подряд — без разбора. Сочувствующий не сочувствующий — всех на Острова Свободы с билетом в один конец.

— А разве так можно? — неподдельно изумился Андрей.

— Закон Вортова, будь он неладен, — сплюнул от досады парень. — После истории с тем типом, что про клонов историю раскопал, внесли поправки в закон о гражданстве, упрощающие процедуру обезвреживания социально опасных элементов...Постой-ка, да я тебя знаю, ты же и есть тот самый тип!

— Автограф дать? — равнодушно спросил Вортов.

— Лучше дай спокойно ноги унести. Неровен час и здесь все перероют. Хотя, постой, а можно у тебя пока перекантоваться?

— Не советую, потому что у меня такое чувство, что уж я-то точно на Острова поеду. Этот искусственный мир слишком хрупок и не выдержит бремя правды, которое я рано или поздно вытащу на свет. Хорошего дня.

И с этими словами, Андрей неспешно развернулся и отправился обратно домой, оставив, лежавшего на асфальте, парня осмысливать услышанное.

Больше книг на сайте — Knigolub.net